UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295061 6

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

PG
3318
Z8 B8

75191

№ 215 Bulich, Nikolaĭ Nikitich
Sumarokov i sovremennaia emu kritika
I

СУМАРОКОВЪ

II

СОВРЕМЕННАЯ ЕМУ КРИТИКА.

СОЧИНЕНІЕ

Н. БУЛИЧА,

представленное въ Императорскій С. Петербургскій Университетъ на степень Доктора Славяно-Русской Филологіи.

Poëtam non audio in nugis; in vitæ societate audiam civem digitis suis peccata dimetientem.

Cicero, Parad. III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1854.

II

PG3318
.Z8B8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по определению Историко-Филологического Факультета Императорского С. Петербургского Университета. 25 Января 1851 года.

Деканъ И. Устрялов.

24 12 Jan. 60

Русская литература представляетъ немного громкихъ именъ. Между ними, какъ между свѣтлыми звѣздами, лежатъ, по видимому, темныя, непроглядныя пространства. Но въ мірѣ нравственныхъ явленій, къ числу которыхъ принадлежитъ и литература, такихъ темныхъ и пустыхъ пространствъ нѣтъ. Они полны въ свою очередь разнообразными, хотя съ перваго взгляда и мелкими, прежде ускользавшими отъ изслѣдователей, фактами. Сознаніе о наукѣ исторіи литературы выросло до того въ настоящее время, что она перестала уже пренебрегать мелочами, которыя имѣютъ право на ея вниманіе, потому что родились на живой почвѣ, въ слѣдствіе извѣстныхъ условій и проникнуты живымъ содержаніемъ. Такъ, придетъ время, когда мы сознательно познакомимся со всею нашею переводною литературою, со всею огромною массою теперь забытыхъ старыхъ и новыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ театральныхъ произведеній, съ журналами прошлаго и нынѣшняго вѣка. Эти дѣйствительныя и живыя стороны литературы познакомятъ насъ съ общественнымъ развитіемъ эпохъ, ими выражаемыхъ. Какъ въ журналахъ, такъ и въ театрѣ и въ переводахъ открываются извѣстныя направленія общества, требо-

вания современности, вкусъ общества; исторія такой литературы получаетъ болѣе и болѣе полное значеніе, принимая въ себя содержаніе духовныхъ потребностей общества и придвигаясь ближе и ближе къ нему. Библіографія, своего рода литературная статистика, представитъ изслѣдователю огромный запасъ матеріаловъ для соображеній и обработки.

Настоящее сочиненіе имѣетъ цѣлію показать начало нашей критики, которая естественно должна была появиться вмѣстѣ съ первыми опытами литературы. Такъ какъ большая часть литературныхъ явленій прошлаго вѣка представляется намъ подражаніемъ, такъ какъ литература того времени не была насущною потребностію общества, а явилась въ слѣдствіе историческихъ условій, то тѣмъ же одинаковымъ условіямъ должна была подчиниться и русская критика. Представителемъ первыхъ критическихъ воззрѣній былъ у насъ Сумароковъ. Въ своей многолѣтней и разнообразной литературной дѣятельности, посреди своихъ увлеченій и самолюбивыхъ стремленій — создать всѣ литературныя формы у насъ, онъ представляется намъ очень живою личностію, и имѣетъ съ тѣмъ первымъ русскимъ критикомъ. Конечно невозможно требовать зрѣлости и положительной правды отъ его попытокъ, но, какъ фактъ сознанія, эти попытки любопытны и достойны изученія. Въ нихъ-то собственно и болѣе всего надобно искать правъ на почетное мѣсто въ исторіи литературы русской, котораго заслуживаетъ Сумароковъ. Критическая струя пробѣгала почти по всѣмъ произведеніямъ его. Она давала имъ особенную

жизнь. Съ этой точки зрѣнія, оправдываемой строгимъ изученіемъ сочиненій Сумарокова, мы легко увидимъ, что его критика не пропала даромъ, не осталась одинокимъ и безслѣднымъ явленіемъ, а имѣла вліяніе на современность. Явились подражатели, которые пошли по слѣдамъ его, доводя его направленіе часто до крайности.

Но это критическое направленіе на первыхъ порахъ нашей литературной дѣятельности, когда вездѣ были только начала и попытки, когда смутно сознавалось самое значеніе и содержаніе литературы, не могло носить на себѣ печати научности и ясности воззрѣнія, которыя мы требуемъ отъ современной намъ критики. Эта критика того времени обратилась въ сатиру, на томъ основаніи, что о самой литературѣ не имѣли достаточно яснаго понятія и примѣшивали къ ней много посторонняго. Тогдашняя литература, рядомъ съ лирическимъ направленіемъ, вводителемъ котораго былъ у насъ Ломоносовъ, представляетъ намъ и сатиру, начало которой положилъ Сумароковъ, а продолжали современные ему журналы. Лирика и сатира суть двѣ существенныя стороны нашей литературы 18-го вѣка, и мы не присоединяемъ къ нимъ драмы, считая ее совершенно подражательною въ то время, явленіемъ внѣшнимъ и случайнымъ. Въ лирикѣ и сатирѣ мы видимъ уже необходимость ихъ появленія и существованія въ новорожденной литературѣ нашей. Одна выражала пылкій восторгъ патріотическаго чувства, славила побѣды русскаго оружія, отзывалась на успѣхи гражданственности въ слѣдствіе преобразованій Петра

Великаго. Другая была также существенна и необходима, помогая этому великому дѣлу преобразованія нападеніями на пороки.

Слава Ломоносова, знаменитаго современника Сумарокова, совершенно закрыла отъ насъ этого плодовитаго писателя половины прошлаго столѣтія и мы привыкли видѣть въ нашей литературѣ того времени одно лирическое направленіе, столь славно начатое Ломоносовымъ и столь торжественно продолжаемое Державинымъ. Комедія Фонъ-Визина является такимъ образомъ безъ всякаго предъидущаго оправданія. Мы не знаемъ, что приготовило эту комедію, какіе предшествовавшіе ей литературные факты вызвали ее къ существованію и дали ей право законности въ нашей литературѣ. Въ литературѣ, какъ и во всемъ живомъ, есть на все свои причины и поводы, и всякое явленіе можетъ вырости только на почвѣ прошедшаго. Первая комедія Сумарокова была написана въ 1750 году, а въ 1782 году явился Недоросль, и между тѣмъ какая огромная разница между этою дѣтскою попыткою Сумарокова и прекрасною, сознательною комедіею Фонъ-Визина. Прошло только тридцать лѣтъ и какіе успѣхи сдѣлала литература наша для того, чтобъ въ ней могло явиться такое художественное, по своему времени, произведеніе, какъ комедія Фонъ-Визина. Что же приготовило эту комедію? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ и важныхъ въ исторіи русской литературы и настоящее сочиненіе, разбирая Сумарокова и старые журналы, этихъ продолжателей Сумароковскаго направленія, старается показать ихъ отношеніе

къ нашей комедіи прошлаго вѣка и преимущественно къ Фонъ-Визину. Такимъ образомъ рѣшеніе этого вопроса оправдываетъ и Сумарокова и Фонъ-Визина и показываетъ существенную органическую связь между обоими писателями. Такимъ образомъ и Сумароковъ и журналы его времени образуютъ одно цѣлое, приготовившее почву для дальнѣйшаго развитія нашей литературы по одному и тому же съ Сумароковымъ направленію, приготовившее Фонъ-Визина. Разбирая одного, необходимо было показать содержаніе и значеніе другихъ.

Лицо Сумарокова, стоящее въ тѣни передъ лицомъ славнаго Ломоносова, по своему вліянію на современный вкусъ публики заслуживаетъ болѣе подробнаго изученія, нежели какое до сихъ поръ посвящалось ему. Оно должно было быть представлено въ связи съ предшествующими и послѣдующими явленіями, тѣсно связанными съ нимъ, и вотъ почему, разобравъ его живыя отношенія къ обществу и писателямъ, разобравъ съ исторической точки зрѣнія его произведенія, мы должны были показать его вліяніе на современную литературу. Это вліяніе выразилось въ журналахъ и продолжалось въ нихъ довольно долгое время. Мы знаемъ, что самъ Сумароковъ участвовалъ въ этихъ журналахъ, и они, сочувствуя ему, постоянно сплетали ему похвалы, разумѣется отзывавшіяся современнымъ взглядомъ на литературу. Теперь мы неможемъ раздѣлять ни увлеченій ихъ, ни порицаній, но, какъ факты существовавшіе, они имѣютъ полное право быть занесенными въ исторію литературы.

Изложеніе литературной дѣятельности Сумарокова и указаніе значенія его въ исторіи нашей литературы, опредѣленіе вообще того вліянія, какое имѣлъ онъ на современныхъ писателей, было бы не полно, по нашему мнѣнію, если бы не обращено было должное вниманіе на современные русскіе сатирическіе журналы, столь сродные по духу и направленію таланту Сумарокова. Разбирая литературныя заслуги его, мы старались указать преимущественно сатирическое направленіе его сочиненій, ярко выдвигавшееся впередъ изъ всѣхъ болѣе или менѣе зрѣлыхъ попытокъ Сумарокова. Сатирическіе журналы представились сами собою и мы имѣли полное право сказать объ нихъ болѣе того, что говорено было, особенно потому, что эта сторона русской литературы до сихъ поръ была еще не тронута критикою и содержаніе журналовъ болѣе угадывалось, нежели опредѣлено было положительнымъ образомъ. Но подробный разборъ журналовъ, котораго они вполнѣ заслуживаютъ, увлекъ бы насъ далеко отъ предположенной цѣли, а потому излагая содержаніе журналовъ, мы обращали преимущественное вниманіе на критическую сторону ихъ, на современные взгляды литературные, болѣе или менѣе выражавшіеся въ нихъ. При этомъ только въ общихъ чертахъ мы коснулись до существеннаго и главнаго ихъ содержанія — сатиры. Легко видѣть близкое сродство произведеній Сумарокова съ содержаніемъ журналовъ. Все то, что у перваго было обрисовано общими чертами, послѣдніе развили опредѣленно и подробно. Сумароковъ сдѣлалъ очерки, журналы наполнили ихъ красками, прав-

да густыми и не художественно положенными на полотно, но, въ пылу журнальной работы, писателямъ некогда было думать объ искусствѣ и окончености созданія. Мысль Сумарокова получила жизнь и оправданіе въ тѣхъ фактахъ, которые были выставлены журналами. Какъ этотъ дѣятельный писатель нашъ прошлаго вѣка, такъ и сатирическіе журналисты были дѣтьми реформы Петра Великаго. Преобразованіе, переверпувшее бытъ нашъ, вызвало ихъ къ дѣятельности и всѣми силами, всѣмъ талантомъ, который дала имъ судьба, они помогали этому преобразованію. Много темныхъ сторонъ стараго быта представлялось цѣлію, куда попадали мѣткія стрѣлы сатирическихъ журналистовъ. Въ этой переходной эпохѣ открывалась для нихъ блестящая и похвальная дѣятельность. Она имѣетъ свое значеніе въ исторіи русской литературы, какъ любопытный и поучительный фактъ нашего прошедшаго, какъ цѣлая масса идей, живпшихъ тогда въ обществѣ, которая должна быть завоевана для науки. Конечно все это прошлое, все это далекое отъ насъ, далеко ушедшихъ впередъ, но оно было и — этого довольно. То, что тогда казалось страшнымъ зломъ, принимало исполинскія формы, то или перестало, благодаря исторіи, существовать, или представляется въ смутномъ отдаленіи неопредѣленными и блѣдными призраками. Тѣмъ болѣе мы должны быть благодарны нашему настоящему, когда прошлое представляетъ намъ неутѣшительныя явленія, погибпувшія навсегда.

Царствованіе Императрицы Екатерины II сильно подвинуло впередъ наше духовное и литературное раз-

витіе. Преобразованія ея въ началѣ царствованія, въ которыхъ было такъ много общаго съ реформою Петра В, ибо они были продолженіемъ ея, должны были вызвать дѣятельность литературную самымъ полнымъ образомъ. Начало этого царствованія прошло во внутреннихъ реформахъ (1762—1769), въ которыхъ пересмотрѣно и взвѣшено было все старое. Слѣдовъ прежняго быта оставалось много и къ числу оружій, которыми воевали съ нимъ, присоединилась и литература. Сама Императрица была писательницею, сама она сочиняла комедіи, гдѣ въ яркихъ чертахъ представлялись темныя стороны отжившаго, но еще крѣпко державшагося мертвою массою, быта. Вотъ почему одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ журналовъ сатирическихъ былъ посвященъ ей (Г. Сочинителю комедіи *о время!*). Эта война съ разнообразными пороками была общею для всѣхъ сознающихъ людей времени, а потому писателей было много и легко было носить это званіе. Въ слѣдствіе того и журналовъ расплодилось такое количество, особенно въ замѣчательный 1769 годъ. Они вызваны были къ жизни сознательнымъ обращеніемъ къ окружающей дѣйствительности. Въ нихъ поэтому сохранилось много чертъ народнаго быта и всѣ они выросли болѣе или менѣе на народной почвѣ. Конечно отношеніе къ иностраннымъ журналамъ, съ исключительнымъ сатирическимъ направленіемъ, должно было существовать: между обоими много общаго; но содержаніе въ нашихъ журналахъ было свое, домашнее. Взгляните на языкъ ихъ, во многихъ мѣстахъ несущій на себѣ печать народной жизни, а потому и отличаю-

щійся всѣми качествами, соединяющимся съ этимъ главнымъ достоинствомъ писателя. Эта народность, эти черты нашего исчезнувшаго домашняго быта сохранены для насъ старыми журналами и въ этомъ случаѣ мы должны быть много благодарны ихъ издателямъ. Наше стремленіе было открыть въ журналахъ черты, сродныя произведеніямъ Сумарокова и духу его, а потому мы выбрали исключительно журналы съ сатирическимъ направленіемъ, пропуская журнальную дѣятельность, развивавшуюся помимо сатиры. Цѣль нашего сочиненія дала намъ право на это. Сатира журналовъ идетъ и дальше Сумарокова, но, кажется, потомъ она принимаетъ иной, не прежній характеръ и другое ея содержаніе. Новиковскіе журналы не похожи на Крылосскіе, какъ и конецъ царствованія Екатерины II не похожъ на начало его. Взятые въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ этомъ сочиненіи, старые журналы представляютъ нѣчто цѣлое. Это начало сатиры и первое ея богатое развитіе.

Наши сатирическіе журналы прошлаго вѣка по большей части составляютъ библіографическія рѣдкости, доступныя не каждому и указанныя не вѣрно въ библіографическихъ указателяхъ. Критику ихъ необходимо быть и собирателемъ и описателемъ журнальныхъ рѣдкостей. Нѣкоторые изъ этихъ журналовъ исчезли совершенно, какъ напр. Пустомеля и Мѣшанина, и, не смотря на всѣ старанія любителей книгъ, не отыскиваются. Естественно, что, при такомъ неудобномъ для спокойнаго занятія состояніи старыхъ журналовъ, въ нашемъ сочиненіи должно быть много

промаховъ и ошибокъ, невѣрностей и недостатковъ библіографическихъ указаній. Но насъ поддерживала и утѣшала мысль, что мы первые болѣе подробнымъ образомъ разсказали содержаніе нашихъ сатирическихъ журналовъ (*).

Такимъ образомъ наше сочиненіе распадается на три существенныя части, которыя тѣсно связаны между собою и должны составлять одно цѣлое: 1) біографическія извѣстія о Сумароковѣ и отношенія его къ современникамъ, 2) разборъ произведеній Сумарокова съ исторической точки зрѣнія и указаніе мѣста его въ исторіи русской литературы и наконецъ 3) показаніе того вліянія, какое имѣлъ Сумароковъ на сродныя ему по духу литературныя произведенія, которыя были продолженіемъ его дѣятельности и, оправдывая его, приготовили дальнѣйшія явленія въ литературѣ. Этому

(*) Невѣрности указаній въ реестрахъ Сопикова и Смирдина означены нами въ самомъ обозрѣніи. — Статья Московскаго Телеграфа: *Обозрѣніе толстыхъ и журналовъ съ начала ихъ до 1828 г.* Ч. 6-я 1827 г.), излагаетъ дѣло съ ошибками библіографическими, сухо и коротко. — Статья подобнаго же рода, касающаяся Московской журналистики, напечатанная въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ 1847 года и принадлежащая Г. Снегиреву, имѣетъ тѣже недостатки. — Лучшими статьями по литературѣ старыхъ журналовъ могутъ почесться статьи извѣстнаго изслѣдователя нашей старины *Макарова: Жизнь и приключенія всѣхъ Россійскихъ періодическихъ изданій* (Двѣ статьи въ Моск. Наблюд. 1838. Ч. XIV). Но это только начало труда его, посвященное *Старинѣ и Новизнѣ* — Рунина, журналу, не принадлежащему къ числу сатирическихъ. Другія двѣ статьи его о *Всякой Всячинѣ и Трутнѣ* (Отечест. Зап. 1839, №№ 4 и 7-й) коротки и незначительны. Вотъ все, что было сдѣлано до насъ на этомъ полѣ.

особенному Сумароковскому направленію мы дали названіе критики, на томъ основаніи, что критикою легко можетъ быть названо то сатирическое направленіе, котораго представителями были Сумароковъ и журналы. Это начало нашей критики. Оно было не опредѣлено еще и не узаконено, а примѣнивалось ко всему и сами современники называли сатиру — критикою. Съ этой точки зрѣнія, издатели журналовъ: Новиковъ, въ началѣ своего литературнаго поприща, Козицкій, Эминъ, Чулковъ и другіе, были критиками и судъ ихъ уважался въ свое время. Недостаточность и неопредѣленность ихъ критики зависѣли отъ времени, въ которое они дѣйствовали, отъ того состоянія литературы, въ какомъ находилась она. Но имъ и нельзя ставить въ вину эти недостатки. Ихъ дѣло было бороться съ мелкими явленіями, а на судъ значительныхъ, современныхъ имъ произведеній, которыя мы въ правѣ судить теперь, они не отважинались.

Вызывая къ воспоминанію забытое лицо Сумарокова, искаженное болѣе или менѣе ложными литературными преданіями, и соединяя съ нимъ забытую и теперь неизвѣстную критику нашихъ старыхъ сатирическихъ журналовъ, мы руководствовались тою мыслію, что и одинъ фактъ, явившійся сознательно, не потерянъ и важенъ для науки, а нѣсколько ихъ, связанныхъ одною общею мыслію и наполненныхъ однимъ содержаніемъ, еще болѣе достойны изученія.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ появилось похвальное стремленіе изучать прошлое ея. Замѣчательныя попытки, на основаніи библіографическихъ

данныхъ, дающихъ жизнь и полноту историко-литературному сочиненію, открывали много забытыхъ или неизвѣстныхъ сторонъ. Такое изученіе прошлаго обѣщаетъ прекрасные результаты въ будущемъ. Съ нимъ есть на что опереться, съ нимъ крѣпнетъ мысль, обращающаяся къ литературнымъ явленіямъ современности. Нашему поколѣнію суждено не отрываться отъ прошлаго, а изучать, сознавать его и принимать въ себя результаты прожитаго. Зданіе выводится не на пескѣ, а на твердомъ грунтѣ, а этотъ твердый грунтъ въ наукѣ, какъ и въ цѣлой жизни, дается на основаніи пережитыхъ явленій, если они исчезаютъ не безслѣдно, а подмѣчаются опытомъ. Настоящее сочиненіе вызвано этимъ обращеніемъ къ прошлому и сознаніемъ его важности. На сколько оно удовлетворило современнымъ требованіямъ науки — да судятъ читатели.

I.

Общество и писатель находятся въ тѣсномъ отношеніи другъ къ другу. На писателѣ вполнѣ отражается духъ его времени, характеръ того общества, въ которомъ онъ живетъ и дѣйствуетъ. Общественное развитіе современной эпохи является болѣе или менѣе, смотря по таланту писателя, по взгляду его на вещи, по сочувствію его къ разнымъ сторонамъ жизни, въ его произведеніяхъ. Это вліяніе, производимое обществомъ на писателя, гораздо сильнѣе того, которое онъ самъ имѣетъ на общество, современное ему. Писатель-талантъ живетъ совершенно въ очарованномъ кругѣ понятій, принадлежащихъ его эпохѣ. Произведенія его — всѣ по мѣркѣ извѣстной уже, всѣ сложились въ форму, данную временемъ. Тѣсная связь времени съ формою, ему принадлежащей — очевидна. Эта форма не имѣетъ уже художественнаго значенія для послѣдующихъ поколѣній, которыя трудятся надъ новою, имъ свойственною, выражающею иное, болѣе полное содержаніе. Вотъ почему произведенія таланта недолговѣчны, имѣютъ значеніе только для того времени, въ которое появились они. То, что волновало груди отцевъ, что находило полный, торжественный отзывъ въ душѣ

цѣлаго поколѣнія, является уже безсильнымъ возбуждать восторгъ для поколѣнія послѣдующаго, которое дальше ушло въ развитіи, которому нужны иные восторги, иныя волненія. Другая судьба дана созданіямъ генія. Зараждаясь, подобно произведеніямъ таланта, на извѣстной почвѣ, они въ процессѣ творенія подлежатъ другимъ законамъ, выливаются не въ преходящую, а вѣчную форму. Эта вѣчная, понятная для всѣхъ эпохъ и народовъ форма и составляетъ ихъ существенное условіе. Творческая фантазія генія творитъ въ данную эпоху, но творитъ не для нея. Потому-то геніи непонятны современникамъ, страдаютъ, изнываютъ и падаютъ въ безплодной борьбѣ съ своимъ временемъ. За то созданія ихъ, ясныя и совершенныя, символы союза идеи съ формою, всѣ въ блескѣ вѣчнаго содержанія, являются образцами для многихъ поколѣній художниковъ. Въ нихъ есть какая-то манящая, вѣчно живая и юная сила, и человѣкъ, измученный горемъ жизни, борьбою съ настоящимъ, уходитъ въ этотъ міръ яснаго и спокойнаго творчества, въ которомъ нѣтъ ни разлада, ни сомнѣнія. Оторванныя отъ времени, созданія генія — вѣчны. Гомеръ тѣмъ же яснымъ языкомъ говоритъ съ нами на Сѣверѣ, какимъ говорилъ Греку на берегахъ Архипелага.

Но, не смотря на это могучее значеніе генія и созданій его, вліяніе ихъ на эпохи общественнаго развитія гораздо слабѣе вліянія талантливыхъ писателей. Съ перваго взгляда мысль эта кажется странною, но въ сущности она справедлива. Разсматривая литературу въ связи съ исторіей, мы видимъ, что геніальныя произведенія являются въ общемъ ходѣ развитія изолированными, не связанными другъ съ другомъ цѣпью на-

слѣдственности. Причину этого надобно искать въ ихъ вѣчномъ содержаніи, неограниченномъ временемъ. Въ лирикѣ, въ звукахъ, изъ души выливающихся, свободныхъ и ни чѣмъ не стѣсненныхъ, всего легче выражается геній поэта. Взгляните же на лирическія явленія русской литературы, по отношенію ихъ къ содержанію, а не къ формѣ, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ ни какой преемственности. Содержаніе, напримѣръ, лирики Ломоносова остается безслѣднымъ, погибшимъ для Державина. Стремленія, оживлявшія лиру этого пѣвца Екатерининской эпохи, внушавшія ему порою столь гармоническія строфы, не существуютъ уже для поэта новаго времени — Пушкина. Старикъ Державинъ, сходя въ гробъ, могъ благословить Пушкина, но не былъ въ состояніи дать ему душу своихъ произведеній, дать ему свои страсти и идеалы. Явленіе это отъ того происходитъ, что лирика мало сочувствуетъ у насъ настоящимъ потребностямъ времени, что она, раждаясь во внутренности души лирическаго поэта, унесясь въ свѣтлый и свободный міръ фантазіи, отрывается отъ жизни. Точно тоже происходитъ и съ геніальными писателями въ отношеніи къ содержанію ихъ произведеній. Между ними нѣтъ дружной связи и передачи идей. Значеніе же таланта заключено въ тѣсномъ, близкомъ отношеніи его къ современному міру явленій, особенно въ такомъ случаѣ, если дѣятельность его представляется дидактико-сатирическою. Здѣсь сочувствіе къ современности живо въ груди талантливаго писателя; несообразности, пороки, ложь того общественнаго развитія, къ которому самъ онъ принадлежитъ, съ болью отзываются въ немъ. Сатирическіе писатели являются поверстными столбами общественнаго развитія и подобно

тому, какъ общество развивается постепенно, безъ скачковъ, такъ и явленія сатирическихъ писателей происходятъ преемственно. Между ними тѣсная, братняя связь. Русская литература въ своихъ сатирическихъ явленіяхъ ясно доказываетъ эту связь. Одни ли и тѣже общественные пороки оставались у насъ, измѣнялись только по времени, или русскій умъ смотритъ съ одинаковою желчью на возмущающія его явленія, но связь между сатирическими писателями нашими очевидна. О Сумароковѣ, писателяхъ русскихъ журналовъ третьей четверти минувшаго вѣка, Фонъ-Визинѣ, Гоголѣ можно сказать, что они не растратили родоваго имѣнія, завѣщаннаго имъ благороднымъ Кантемиромъ. Въ этомъ явленіи преобладающаго сатирическаго направленія въ русской литературѣ, преемственности сатирическихъ писателей, слѣдуетъ видѣть тотъ отличительный характеръ нашей литературы, который даетъ ей высокое значеніе, именно — характеръ общественности. Эта особенная, живая и всему сочувствующая струна зазвучала въ ней со времени преобразованій Петра Великаго, откуда начинается и развитіе всей нашей жизни.

Съ этой точки зрѣнія смотря на Сумарокова, какъ на талантливаго русскаго писателя половины XVIII столѣтія, мы должны признать его довольно значительное вліяніе на весь ходъ нашей литературы въ минувшемъ вѣкѣ. Его значеніе не потерялось, а доказывается исторически. Но, изучая Сумарокова, мы изучаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эпоху, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, мы изучаемъ всю современную ему литературу, развивавшуюся подъ его вліяніемъ, знакомимся съ духовнымъ содержаніемъ эпохи, столь важной въ нашей исторіи, узнаемъ тѣ вопросы общественные, которые

занимали лучшихъ людей того времени, а къ послѣднимъ безспорно принадлежалъ и Сумароковъ. Литература, какъ духовное выраженіе данной эпохи времени, прекрасно дополняетъ собою политическую исторію. По успѣхамъ и развитію одной можно судить объ успѣхахъ и развитіи другой. Тоже, что совершается въ области дѣла и фактовъ, совершается и въ области мысли. Въ Сумароковѣ больше, нежели въ комъ нибудь изъ писателей современныхъ ему, отражается русское общество и русская жизнь половины прошлаго вѣка. Положимъ, что Сумароковъ даже не думалъ объ этомъ, что онъ гонялся за образцами, которыми тогда такъ богата была Франція, но служить невольнымъ выраженіемъ своего времени есть необходимое условіе писателя, а тѣмъ болѣе писателя-таланта. Талантъ не геній: созданія его не оторвутся отъ земли и не улетятъ въ небо, служа тѣми путеводными звѣздами, по которымъ человѣчество направляетъ ходъ своего развитія. Живая, подвижная, сангвиническая натура Сумарокова, сочувствовавшая всему, что составляло содержаніе его времени, была по видимому въ вѣчной дѣятельности. Это самый плодовитый изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей. Смотря на огромное количество произведеній его, написанныхъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда родамъ литературы, произведеній, которыя имѣли большое значеніе для его времени, невольно удивляешься ему и его дѣятельности. Самая жизнь такихъ людей, какъ Сумароковъ, представляетъ особенный интересъ, перенося насъ въ совершенно иную эпоху и показывая, какъ въ извѣстное время общество смотритъ на писателя. Для насъ особенно любопытно, что такое былъ для общества русскій писатель за сто лѣтъ до настоящаго вре-

мени. Жизнь Сумарокова во многихъ отношеніяхъ поучительна.

Но написать нѣсколько полную, отчетливую біографію русскаго писателя, тѣмъ болѣе біографію русскаго писателя прошедшаго вѣка — дѣло далеко не легкое. Если мы теперь незнаемъ почти ничего о современныхъ намъ писателяхъ, только что сошедшихъ съ поля литературной дѣятельности въ могилу, какъ напр. Жуковскомъ, Гоголѣ, характеръ которыхъ, воззрѣніе на жизнь доступны были только близкимъ людямъ, окружавшимъ ихъ, то что же, какія свѣдѣнія имѣемъ мы о писателяхъ старыхъ? Одни не многія указанія на оффиціальную дѣятельность, на службу, которую проходили они чинами, и кой-какіе анекдоты, дошедшіе по слуху, по преданію. Явленіе это грустно, а между тѣмъ необходимо и естественно. Постараемся объяснить его.

Въ обществахъ молодыхъ, едва начинающихъ свое развитіе, заключено столько свѣжихъ, бойкихъ, почти постоянно борющихся между собою силъ, что вся дѣятельность необходимо должна являться скачками, страстно вырываясь наружу. Эта наружная дѣтская жизнь, для которой внѣшній блескъ составляетъ главное, которую болѣе тѣшатъ фейерверочные огни, нежели строго и глубоко задуманныя созданія дѣйствительнаго искусства, идетъ впередъ, не оглядываясь, не разсуждая о прожитомъ. Сознаніе, углубленіе въ себя не существуетъ для такихъ эпохъ. Записки, главный матеріалъ исторіи, и исторія настоящая, не сборъ внѣшнихъ фактовъ, а изображеніе внутренняго состоянія страны, являются гораздо позднѣе — въ эпохи общественнаго сознанія. Поэтому въ старыхъ обществахъ европейскихъ существуетъ такой обширный от-

лѣлъ литературы, какъ мемуары, важный для историка-политика, историка-литератора. Тамъ о жизни какого либо мелкаго писателя знаютъ во сто разъ болѣе, нежели у насъ о самыхъ яркихъ представителяхъ нашей литературной дѣятельности. Но этого нельзя ставить намъ въ вину. Юноша, для котораго жизнь представляется блестящею загадкою вдали, который весь бродитъ, весь порывается къ дѣятельности, какого бы рода она ни была, не начнетъ писать записокъ о прожитомъ. Молодому обществу нѣкогда записывать о себѣ, когда оно торопится жить. Если въ нашей литературѣ и встрѣчаются не многія записки, то онѣ явились не въ слѣдствіе сознанія внутренняго, не въ слѣдствіе того прекраснаго убѣжденія, что человѣкъ жилъ недаромъ, что прожитая жизнь, обставленная всѣми явленіями современности, послужитъ или урокомъ, или примѣромъ, или матеріаломъ будущимъ писателямъ. Эта сознательная мысль далека была отъ составителей русскихъ записокъ прошлаго времени. Онѣ возникли или въ слѣдствіе глубокой преданности Государю, которому служили авторы, какъ напримѣръ записки Крекшина, Грибовскаго, Порошина, или изъ убѣжденія въ высокомъ значеніи оффиціальной дѣятельности авторовъ, какъ напр. записки Князя Шаховскаго, Нащокина, или изъ наивнаго, семейнаго чувства, изъ особенной привязанности къ своему роду, какъ напр. записки Данилова. Современныя черты являются въ нихъ случайнымъ образомъ, почти безъ воли авторовъ, и наивныя записки, писанныя безъ особенной задней мысли, представляютъ больше матеріаловъ для нашей цѣли, нежели другія. Имя современнаго писателя, намѣкъ на его литературную дѣятельность рѣдко

встрѣчаются въ этихъ запискахъ: лучшее доказательство того, какъ мало значилъ для общества русскій писатель тогдашняго времени. Общественное значеніе его было не завидно. Самимъ писателямъ нѣкогда было писать свои автобіографіи... Было ли время Ломоносову описывать жизнь свою, прожитую всю въ борьбѣ за великое дѣло русской науки и образованія, когда жизнь эта жгла его, вѣчно толкала его къ большей и большей, къ самой страстной, къ самой разносторонней дѣятельности?—Смотря на письма его, на замѣтки, писанныя рукою его, можно вѣрить, что ему нѣкогда было одуматься, не только писать автобіографію. Было ли время Тредьяковскому записывать прожитое, когда всею душею своею онъ отдался безсознательному, слѣдовательно юношескому труду, какъ переводъ Ролленя, труду безплодному, но наполнившему всю жизнь переводчика? Эпохи увлеченія—далеки отъ сознанія. Кромѣ того, русское общество еще столь молодо въ литературномъ отношеніи, что отличительною чертою его въ этомъ случаѣ будетъ страсть читать, но рѣдко разсуждать о прочитанномъ. У насъ читаютъ очень много, но безсознательно. — Гдѣ же тутъ интересоваться личностью писателя, его внутреннимъ развитіемъ, тайными пружинами его созданій?

При этой бѣдности посторонихъ свѣдѣній, существеннымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для біографіи Сумарокова остаются его сочиненія. Конечно въ нихъ нѣтъ положительныхъ фактовъ, чиселъ и событій, но они важны по отношенію къ внутренней жизни автора Сумароковъ, сколько извѣстно по преданіямъ, сколько мы знаемъ изъ его произведеній, изъ отношеній къ современникамъ, былъ человѣкъ до

крайности самолюбивый и любилъ поговорить о себѣ. Поэтому въ сочиненіяхъ его встрѣчаются намѣки на случаи изъ его жизни, любопытные для насъ, какъ характеристика того времени. Жизнь Сумарокова не похожа на жизнь его болѣе другихъ замѣчательныхъ современниковъ — Ломоносова и Тредьяковскаго. Сынъ бѣднаго сѣвернаго рыбака, сынъ бѣдной природы, богатый только внутреннимъ содержаніемъ души своей, Ломоносовъ представлялъ рѣзкую противоположность Сумарокову. Ломоносовъ былъ плебей и Сумароковъ порою унижался до того, что смотрѣлъ съ презрѣніемъ на Ломоносова въ этомъ отношеніи. Но Ломоносовъ былъ геній науки, геній умственнаго труда; въ этомъ очарованномъ и спокойномъ мірѣ науки онъ находилъ забвеніе треволненій жизни. Сумароковъ былъ общественнымъ, по преимуществу, писателемъ. Не наука была главнымъ дѣломъ его, а успѣхи общественной жизни, для которыхъ онъ работалъ всю жизнь свою. Какъ расходятся между собою музы ихъ: уединенная, кабинетная муза Ломоносова и вся проникнутая жизненнымъ содержаніемъ муза Сумарокова, такъ расходится и жизни ихъ, стремившіяся къ разнымъ цѣлямъ. Тредьяковскій, подобно Ломоносову, вызванный на поприще литературной дѣятельности, но только съ другаго, противуположнаго конца Россіи и не въ слѣдствіе внутренняго голоса души, а въ слѣдствіе внѣшнихъ побужденій, — сынъ бѣднаго священника, — труженикъ-профессоръ, пѣвецъ иллюминацій, то битый Волынскимъ, то ползающій у ногъ временщика, долженъ былъ жить иначе, нежели Сумароковъ, происходившій отъ московскаго боярскаго рода, высшій чиновникъ, человѣкъ съ вѣсомъ, придворный. Эти три пред-

ставителя раждающейся литературы нашей, непохожіе другъ на друга, кажется унесли въ свою литературную жизнь черты тѣхъ сословій, къ которымъ принадлежали они по рожденію.

Александръ Петровичъ Сумароковъ родился 14-го Ноября 1718 года. Отецъ его былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, умершій въ царствованіе Екатерины II (*). Сумароковъ происходилъ изъ старой боляр-

---

(*) *Митрополита Евгенія* — Словарь свѣтскихъ писателей, изданіе Москвитянина, ч. 2-я стр. 183, и *Бантыша-Каменскаго* — Словарь достопамятныхъ людей русской земли, 1836 года, ч. 3-я, стр. 113. Здѣсь разнорѣчіе въ имени отца нашего писателя. Евгеній называетъ его Петромъ Николаевичемъ, а Бантышъ-Каменскій — Панкратьевичемъ. Авторъ «Апологіи къ потомству или начертанія о свойствѣ нрава А. П. Сумарокова» (*Николай Струйскій*) говоритъ, что отецъ его былъ Петръ Панкратьевичъ и имѣлъ чинъ Генералъ-Поручика, а потомъ и Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Изд. 3. 1793. Стр 31. Родственникъ поэта — *Петръ Сумароковъ*, въ статьѣ: «Біографическая поправка» напечатанной въ Моск. Телегр. 1833, ч. 50, стр. 266—270, говоритъ, что Петръ Панкратьевичъ былъ съ дѣтства облагодѣтельствованъ Государемъ Петромъ Великимъ, который и былъ ему крестнымъ отцемъ. Есть еще третій — Петръ Сумароковъ, уже Спиридоновичъ, упоминаемый Нащокинымъ въ его запискахъ (Изданіе 1842. С. П. Б.), стр. 33: «Ягужинскій посылалъ отъ себя, послѣ отбытія Князя Василья Лукича Долгорукова въ Курляндію, письма съ Петромъ Спиридоновымъ сыномъ Сумароковымъ, чтобъ онъ Сумароковъ тѣ письма тайно, въ Курляндіи, подалъ Ея Императорскому Величеству, что онъ и учинилъ, а послѣ извѣстно стало, что въ оныхъ письмахъ было, дабы Ея Императорское Величество не изволила подписывать допошенія отъ помянутаго Князя Долгорукова, ибо россійское шляхетство желаетъ Ея Императорское Величество самодержавнѣйшею быть на Россійскомъ престолѣ; однако оный Сумароковъ отъ Долгорукова взятъ былъ подъ караулъ и битъ жестоко, и содержался, пока свобожденъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.» — Тотъ же Спиридоновичъ былъ камергеромъ Герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго Карла Петра Ульриха (Петра III). См. *Вейдемейеръ* — Царствованіе Елизаветы Петровны, ч. 1-я, стр 33. Это

ской фамиліи, постоянно служившей при дворѣ московскихъ государей. Родной братъ его роднаго дѣда, комнатный стольникъ и любимецъ Царя Алексѣя Михайловича, палъ жертвою стрѣлецкихъ бунтовъ и гнѣва Царевны Софіи, до конца жизни выдержавъ силу характера и неизмѣнную привязанность къ истинѣ. (*) Дѣдъ Сумарокова, братъ этого стольника, былъ щедро награжденъ потомъ Царицею Натальею Кириловною и Царемъ, сыномъ ея. — Мѣсто рожденія Александра Петровича неизвѣстно; въ одномъ изъ стихотвореній своихъ, онъ однакожъ указываетъ, хотя и неопредѣленно, на него:

Гдѣ Вильманстрандъ, я тамъ во близости рожденъ,
Какъ былъ Голицынымъ край финскій побѣжденъ;
Нѣтъ ль та страна Россіи обѣщаетъ?
Не сказывалъ мнѣ сей весьма холодный край,
Хоть я родился тамъ и сверхъ того во мразы:
Отъ пінтической бѣги, бѣги заразы
И въ холодѣ родись ни лирѣ не играй. (**)

Мы рѣшительно никакихъ не имѣемъ свѣдѣній о дѣтствѣ Сумарокова, о домашнемъ воспитаніи его, до по-

---

былъ ближній родственникъ Александру Петровичу, согласно упомянутой Апологіи. Въ современныхъ извѣстіяхъ, уже послѣ смерти писателя, онъ упоминается какъ Генералъ-Аншефъ, жившій въ Москвѣ, а отецъ Сумарокова умеръ гораздо прежде.

(*) Сочиненія А. П. Сумарокова, изданныя Новиковымъ Москва 1787 г. Изданіе 2. Ч. 6-я, стр. 208—210. Сумароковъ называетъ его «страдальцемъ за истину». Въ нашемъ сочиненіи мы постоянно будемъ ссылаться на это изданіе. — См. также «Извѣстіе о предкахъ А. П. Сумарокова.» Отеч Зап 1822 г. ч 9, стр. 265—267

(**) «Стихи Дюку Браганцы». Сочиненія, ч. 9-я, стр. 178.

ступленія въ Кадетскій Сухопутный Корпусъ. (*) Тогдашнія средства воспитанія были слишкомъ незначительны, но до насъ дошли извѣстія, что отецъ Сумарокова былъ довольно образованный человѣкъ, что тогда было рѣдкостію даже и въ дворянинѣ и зналъ основательно латинскій языкъ. (**)

Но кругъ домашняго воспитанія въ то время былъ вообще очень не великъ. Иностранцы, а изъ нихъ особенно Французы, какъ воспитатели, появились гораздо позднѣе. За то ребенка въ началѣ XVIII столѣтія окружалъ, можетъ быть гораздо тѣснѣе нежели теперь, міръ родной старины, имѣющій много прекраснаго. Его дѣтскій слухъ убаюкивали пѣсни родины, его молодое воображеніе наполнялось таинственными и фантастическими образами старинныхъ народныхъ вѣрованій, сказокъ и преданій, полныхъ особенной, эпической жизни, какъ все, что слагается народнымъ творчествомъ. Этотъ непосредственный народный міръ, основа крѣпкихъ и здоровыхъ явленій въ жизни и литературѣ, разумно сознанный только въ настоящее время, къ сожалѣнію тогда разрушался самъ собою, когда юноша вступалъ въ свѣтъ и подчинялся его условіямъ. Не поэтическія народныя созданія давалъ онъ писателю, а уходилъ, забытый и презираемый, на задній планъ.

(*) У Сумарокова было еще два брата: старшій, Василій Петровичъ, служивший довольно счастливо по гражданской службѣ (Моск. Телегр. 1833, Ч. 30, стр. 267) и меньшой — Егермейстеръ (см. *Глинки* — Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова. С. П. Б. 1841 Ч. 1 и стр. 4).

(**) С. Петербургскій Вѣстникъ, журналъ 1778 года, Ч. 1-я, стр. 42.

Отъ того-то литература, вся состоящая въ подражаніи, не могла носить на себѣ печати народности и естественности.

Четырнадцати лѣтъ Сумароковъ поступилъ въ Кадетскій Сухопутный Корпусъ (30-го Мая 1732 года) (*), гдѣ воспитывались тогда дѣти лучшихъ фамилій въ Имперіи. Судить опредѣленнымъ образомъ о томъ, чему учили въ корпусѣ, объ объемѣ наукъ и характерѣ преподаванія нельзя, за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній. Для насъ достовѣрно только то, что корпусъ, основанный по идеѣ Фельдмаршала Графа Миниха, заботившагося о томъ, чтобы русская армія имѣла достойныхъ офицеровъ, получившихъ военно-научное образованіе, былъ учрежденіемъ новымъ, едва только начавшимъ дѣйствовать, неразвитымъ. Въ первое время не было ни одного учителя изъ русскихъ: они вызывались Академіей посредствомъ иностранныхъ газетъ. Сухопутный Шляхетный Корпусъ былъ однакожъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было получить въ ту эпоху общее образованіе, не смотря на исключительную цѣль основанія его. На первыхъ порахъ Миниху принималъ въ немъ самое дѣятельное, самое живое участіе, входилъ во всѣ подробности внутренняго управленія, что легко можно видѣть изъ множества ордеровъ, подписанныхъ собственною рукою его и сохранившихся въ архивѣ 1-го Кадетскаго Корпуса. Этотъ корпусъ или «рыцарская академія», какъ называли тогда, имѣлъ въ послѣдствіи свою типографію, гдѣ въ 1759 и 1760 г. издавался

(*) Аттестатъ при выпускѣ изъ Корпуса. См. Г. *Карабанова* — Основаніе Русскаго театра. С. П. Б. 1849 г. 8 с приложеніе.

даже журналъ. Но это было гораздо позднѣе. Самъ же Сумароковъ положительно говоритъ, что литературнымъ образованіемъ своимъ онъ обязанъ самому себѣ. (*) Слѣдовательно корпусное воспитаніе не много развернуло талантливаго юношу, хотя онъ получилъ изъ корпуса слѣдующій аттестатъ: «въ геометріи обучилъ тригонометрію, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, въ исторіи универсальной окончалъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ, сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части, имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ.» (**) Но за то изъ корпуса Сумароковъ вынесъ первое впечатлѣніе, сила котораго не изгладилась во время его дѣятельной жизни. Это тяжелое впечатлѣніе было вызвано отношеніями его къ подлячимъ, представителямъ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ русскаго общества прошлаго вѣка, исчезнувшей при появленіи Свода Законовъ. Можетъ быть здѣсь источникъ ожесточенныхъ нападеній на нихъ Сумарокова. Мы разскажемъ о

---

*) Вотъ это мѣсто: «Въ то время и стихотворцевъ у насъ еще не было и научиться было не у кого. Я будто сквозь дремучій лѣсъ, сокрывающій отъ очей моихъ жилище музъ, безъ проводника проходилъ, и хотя я много долженъ Расину, но его увидѣлъ я уже тогда, какъ вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ Французъ и въ русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленія не могъ. Русскимъ языкомъ и чистотою склада и стиховъ и прозы, не долженъ я никому, кромѣ себя, да долженъ и за первыя основанія въ русскомъ языкѣ, отцу моему, а онъ тѣмъ Зейкену, который выписанъ былъ отъ Государя Императора Петра Великаго въ учители къ господамъ Нарышкинымъ, и который послѣ былъ учителемъ Государя Императора Петра Втораго. Сочин. Ч. 9-я, стр. 277 - 278.

(**) Г. Карабановъ — тамъ же.

содержаніи этихъ нападеній Сумарокова, когда будемъ говорить объ отношеніяхъ его, какъ сатирика, къ современному обществу, а теперь, обозрѣвая жизнь писателя, нельзя пропустить, не упомянувши, того обстоятельства, которое было можетъ быть одною изъ главныхъ пружинъ послѣдующаго сатирическаго направленія и вѣчно возбуждало желчь его. Сумароковъ самъ разсказываетъ, какъ довелось ему кадетомъ отдать пятьдесятъ рублей, какъ взятку, думному дьяку. На этомъ разсказѣ лежитъ печать времени; онъ находится въ его сочиненіяхъ. (*)

Во время пребыванія Сумарокова въ корпусѣ, въ первый разъ сдѣлалось извѣстнымъ въ печати имя его. Въ государствованіе Императрицы Анны Іоанновны, Сухопутный Шляхетный Корпусъ, въ которомъ она чрезъ Миниха принимала постоянно столь живое участіе, имѣлъ обыкновеніе приносить ей въ русскихъ стихахъ поздравленія или съ новымъ годомъ, или въ дни восшествія ея на престолъ. Такихъ «поэтическихъ поздравленій» дошло до насъ четыре: 1735, 1736, 1737 и 1738 годовъ. Всѣ они были напечатаны въ типографіи Академіи Наукъ in fol. и составляютъ библіографическую рѣдкость. Въ этихъ оффиціальныхъ стихахъ силлабическаго размѣра, съ грубою и тяжелою формою того времени, конечно нельзя ожидать поэзіи, но за то является для насъ сознаніе того, чѣмъ одолжена «юность рыцарской академіи» — основательницѣ и покровительницѣ корпуса:

Изготовися Марсовъ Корпусъ въ своемъ чинѣ,
Писать благодарные стихи въ сердца нынѣ.

(*) Ч. 6-я, стр. 358—362.

Кому часть прилична должность сія всяко?
Есть ли другой Корпусъ гдѣ одолженный тако?
Вспомяни твою бытность въ прошедшее время,
Собственныя всѣ нужды и трудовъ бремя:
Кто тебя такъ украсить довольно потщался?
И каковъ недавно ты еще находился?
Разсѣянъ и раздѣленъ далеко по всюду,
А нынѣ въ твою пользу собрался оттуду:
Кто прежде сего тебя обучалъ въ потребномъ?
Кто прибавилъ разума въ житіи безбѣдномъ?
Кто тѣлу дебелому далъ силу иную?
И должность чадъ отечества показалъ прямую?

Эти поздравленія часто представляли анаграммы и другія украшенія, необходимыя внѣшнія условія искусственной поэзіи того времени. Напримѣръ:

АННА буди здравА отъ Бога намъ дАННА
Новый годъ ти міреН дай Богъ и угодеН
На побѣды силеН, земли плодородеН
АННА ты намъ славА будь Богомъ сохрАННА.

Кто былъ настоящимъ авторомъ этихъ стихотвореній — мы не знаемъ. Писанныя отъ лица всего корпуса, они могутъ быть принадлежали и Сумарокову и могли быть исправлены какимъ нибудь учителемъ, вышедшимъ изъ школы Тредьяковскаго, или даже имъ самимъ. По крайней мѣрѣ вліяніе этого перваго нашего теоретика здѣсь очевидно. Его собственныя стихотворенія, печатавшіяся въ большомъ количествѣ въ современныхъ вѣдомостяхъ и примѣчаніяхъ на вѣдомости, могли быть образцами. Въ этомъ удостовѣряютъ и одинаковое содержаніе и одинаковая форма. Тредьяковскій былъ первымъ творцемъ поэтической формы въ русской литературѣ и въ этомъ отношеніи она много ему обязана. А его теоретическія

разсужденія о стихотворствѣ естественно были школою, въ которой воспитывались современные русскіе поэты.

Къ общему поздравленію Корпуса, поднесенному въ 1737 году «въ знакъ вѣрной ревности своей присовокупилъ всенокорнѣйше» и свое кадетъ Михаилъ Собакинъ и это удостовѣряетъ насъ въ томъ, что сами кадеты принимали въ сочиненіи прямое участіе. Сумарокову же собственно принадлежатъ двѣ оды, 1740 года; онѣ напечатаны при Академіи Наукъ in-fol., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ Самодержицѣ Всероссійской поздравительныя оды въ первый день новаго года 1740 отъ кадетскаго корпуса сочиненныя чрезъ Александра Сумарокова.—Это, сколько намъ извѣстно, первыя печатныя стихотворенія Сумарокова, не помѣщенныя впрочемъ ни въ одномъ библіографическомъ указателѣ. Они не вошли также и въ оба изданія сочиненій его, сдѣланныя Новиковымъ.

Разсматривая эти первыя произведенія Сумарокова съ внѣшней стороны, мы легко увидимъ доказательство того, что до появленія первой оды Ломоносова, Сумароковъ писалъ по старымъ литературнымъ преданіямъ и не былъ вводителемъ у насъ метрическаго стихосложенія. Конечно въ стихотворныхъ произведеніяхъ Тредьяковскаго можно болѣе или менѣе видѣть уже чисто метрическія строфы, но дѣло въ томъ, что непоэтичность личной натуры стихотворца и тяжелый складъ стиховъ мѣшали вліянію его произведеній и отнимали у нихъ то значеніе, котораго они заслуживали. Какъ бы то ни было, однакожъ, Ломоносовъ могъ быть и былъ его ученикомъ. Ѣзда на Островъ Любви

вышла въ 1730 году. И Сумароковъ внѣшнею стороною первыхъ своихъ произведеній много обязанъ Тредьяковскому. Мы приводимъ здѣсь первыя строфы обѣихъ одъ его въ доказательство того, какъ жалка была первая форма Сумароковскихъ произведеній и какъ въ нихъ боролись неустановившіяся еще понятія и стихосложеніи:

1-я Ода:

Какъ теперь начать Анну поздравляти?
Не могу когда словъ такихъ сыскати,
Изъ которыхъ ей похвалу сплетати,
Иль неволей мнѣ будетъ промолчати.
Но смолчать нельзя чтожъ мнѣ взять за средство,
Не умѣяжъ нѣть чтобъ не впасти въ бѣдство;
Тѣмъ что ей должна похвала толика
Коль она славна въ свѣтѣ и велика.

2-я Ода:

О Россія веселись Монархиню видя,
Совершенную въ дарахъ на престолѣ сидя,
И играя возоній — Анна мной владѣетъ,
Чѣмъ противъ мя устоять никто не умѣетъ;
Храбро имя всѣхъ отъ странъ Ею получаю,
Такъ я льстя ли симъ Ея нынѣ прославляю,
Прославляяжъ мнѣ нельзя громко не вскричати,
Анна о изволь во вѣкъ мною ты владати.

Эта послѣдняя строка служитъ припѣвомъ къ каждой строфѣ оды.

Въ эту же эпоху кадетской жизни Сумарокова, можетъ быть между людьми, которые окружали кадета-Сумарокова и потомъ составили себѣ славныя имена въ нашей исторіи, сдѣлались извѣстны и первыя его пѣсни. Мы знаемъ, по свидѣтельству Глинки, что въ кор-

пусѣ было что-то въ родѣ общества русской словесности и въ немъ читались первыя пѣсни Сумарокова. Во всѣхъ пѣсняхъ тогдашняго времени проглядываетъ сентиментальность — явленіе очень странное, если мы представимъ себѣ нравы того времени, ужъ очень далекіе отъ нѣжности. Но крайности сходятся. Тотъ же характеръ носятъ и первыя пѣсни Сумарокова, если судить о нихъ по напечатаннымъ его пѣснямъ, съ восторгомъ принятыя при дворѣ, и пѣтыя самыми знатными дамами. Они, по свидѣтельству Штелина, были положены на музыку музыкантомъ Бѣлградскимъ и пѣты съ аккомпанементомъ лютни, тогдашняго моднаго инструмента. Сумароковъ, оправдывая себя въ раннемъ появленіи своихъ стиховъ въ печати, говоритъ, что выпущены въ свѣтъ они не имъ, а изданы отъ кадетскаго корпуса въ доказательство ученическихъ успѣховъ. Эти первые опыты Сумароковской музы, эти первыя пѣсни его, если онѣ дѣйствительно были изданы когда нибудь, не вошли въ составъ полнаго собранія его сочиненій. Вообще періодъ его литературной дѣятельности со времени появленія этихъ пѣсенъ до первой трагедіи — Хоревъ, не извѣстенъ. Сумароковъ самъ свидѣтельствуетъ, что онъ сжегъ девятнадцатіе плоды своихъ литературныхъ трудовъ, считая ихъ недостойными и совѣтуетъ дѣлать тоже всѣмъ начинающимъ авторамъ. (*) Однакожъ онъ не забылъ одной своей оды изъ этого періода, признавая ее достойною своего имени. (**) Въ этой одѣ, содержаніе которой доказываетъ ничтожность человѣческой славы, пѣтъ

(*) Ч. 9-я, стр. 277.
(**) Ч. 2-я, стр. 160.

впрочемъ ничего особеннаго. Вообще очень трудно судить о первыхъ произведеніяхъ писателей нашихъ прошлаго вѣка и сравнивать ихъ съ произведеніями позднѣйшими. Искусственность поэзіи того времени, кажется, сглаживала все развитіе ея въ душѣ тогдашняго поэта, у котораго она была не внутреннею потребностію, побуждавшею къ художественной дѣятельности, и явленіемъ въ слѣдствіе внѣшняго толчка. Какое то однообразіе лежитъ на всемъ. Мы понимаемъ разницу между юношескими и зрѣлыми созданіями писателей намъ современныхъ, мы видимъ, мы слѣдимъ за процессомъ развитія поэзіи, потому что созданія ея естественны, народны и сложились въ художественную форму. Но эстетическая критика не примѣнима почти къ старымъ произведеніямъ, потому что все содержаніе ихъ — подражаніе, потому что художественная форма не своя, а чужая. Исторической же критикѣ, которая смотритъ на отношеніи писателя къ обществу, мало дѣла до того, какое произведеніе автора писано имъ въ молодости, какое въ зрѣломъ возрастѣ. Ея дѣло не форма, но разсужденіе хорошъ ли стихъ или художественъ образъ; она ищетъ мысли живой, дѣйствительной и примѣнимой.

Въ 1740 году, Апрѣля 14, Сумароковъ вышелъ изъ корпуса и поступилъ на службу Адъютантомъ. Первый біографъ Сумарокова (*) говоритъ, что онъ былъ Адъютантомъ у Графа Гавриды Ивановича Головкина; эти слова повторяетъ и Митрополитъ Евгеній. Но для насъ такія свѣдѣнія слишкомъ недостаточны. Графъ Гаврило

(*) С. Петербургскій Вѣстникъ 1778 г. ч. 1-я, стр. 43.

Ивановичъ Головкинъ, знаменитый сподвижникъ Петра Великаго, умеръ въ 1734 году. Изъ дѣтей его, одинъ — Михайло, Вице-Канцлеръ, былъ въ статской службѣ, Кабинетъ-Министромъ Правительницы, а при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны отправленъ въ ссылку; другой, Александръ, былъ постоянно посломъ въ Голландіи. Первые шаги на службѣ Сумарокова остаются такимъ образомъ для насъ совершенно неизвѣстными. (*) Въ послѣдствіи времени онъ былъ Генералъ-съ Адъютантомъ у Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, при которомъ онъ дослужился до бригадирскаго чина. Эта служба при первомъ и сильнѣйшемъ вельможѣ того времени открыла Сумарокову доступъ ко двору, познакомила его со многими лицами, политическое поприще которыхъ только начиналось тогда, и вообще должна была имѣть большое вліяніе на литературную дѣятельность Сумарокова, особенно при томъ направленіи ея, которое приняла она въ послѣдствіи. Эта сфера лучшаго общества и высшей жизни можетъ быть помогла Сумарокову при сочиненіи трагедій. Трагическая муза воспитывается не въ уединеніи: ей нуженъ шумъ свѣта, жизнь со всей ея пестрой обстановкой. Никто столько не представляетъ доказательствъ

(*) Неизвѣстный авторъ «Статьи для біографіи Сумарокова» (Сѣв. Пч. 1833, № 72) говоритъ, что Сумароковъ еще въ корпусѣ за успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе произведенъ былъ въ капралы, а когда по окончаніи курса отбирали у кадетъ желаніе для распредѣленія ихъ по полкамъ, Сумароковъ одинъ не сказалъ ничего и предоставилъ назначеніе свое Графу Миниху, главному начальнику корпуса. Онъ помѣстилъ его въ своей военной канцеляріи съ чиномъ адъютанта, занимавшимъ тогда средину между подпоручикомъ и прапорщикомъ.

этой мысли своими созданіями, какъ величайшій трагикъ въ мірѣ — Шекспиръ.

Разумовскій, особенною судьбою поднявшійся до перваго мѣста въ государствѣ, не имѣлъ, какъ говорятъ современники, ни одного изъ тѣхъ пороковъ, которыми отличаются временщики. Онъ даже не вмѣшивался въ дѣла государственныя, не смотря на свой санъ и могущество. Добрый и простой отъ природы, онъ представляетъ рѣзкую противоположность съ другими вельможами двора Елисаветы, какими напримѣръ были братья Шуваловы. Поэтому мы смѣло можемъ заключить, что въ стихахъ, писанныхъ по смерти Графа А. Г. Разумовскаго въ 1771 году Сумароковымъ (Сумароковъ жилъ тогда въ Москвѣ и узналъ объ этой смерти изъ письма къ нему С. Петербургскаго Губернатора Ушакова), кромѣ выраженія особенной преданности къ своему бывшему начальнику, заключается еще чувство истины:

Три мѣсяца прошло, какъ я съ тобой разстался,
Три мѣсяца мнѣ ты въ очахъ моихъ мечтался
Въ болѣзни, въ слабости, сто въ день стенящій разъ,
И сей въ Петрополѣ послѣдній самый часъ,
Въ который у тебя я былъ передъ глазами,
Ты очи наполнялъ, прощаяся, слезами,
Вручая о себѣ ко памяти мнѣ знакъ (*),
Хотя бы помиралъ тебя я, Графъ, и такъ.
Взирая на него, колико слезъ я трачу!
Рыдаю и стеню, терзаюся и плачу.

(*) Табакерку.

О мой любезный Графъ! Ты весь свой прожилъ вѣкъ,
Какъ долженъ проживать честнѣйшій человѣкъ.
. . . . . .
А сей умершій мужъ тиранствомъ не былъ страстенъ
И сильной наглости ни мало не причастенъ.
Съ презрѣніемъ смотря, когда ему кто льстилъ,
И собственной своей досады онъ не мстилъ;
Степенью высоты во вѣкъ не величался
И добродѣтелью единой отличался.
Екатериною за то онъ былъ хранимъ,
И милости ея до гроба были съ нимъ. (*)

Въ эту пору служебной дѣятельности Сумарокова явилась первая его трагедія «Хоревъ.» Она напечатана въ С. Петербургѣ въ 1747, въ типографіи Академіи Наукъ, а играна въ первый разъ въ началѣ 1750 года. Въ 1747 году въ Петербургѣ не было другой типографіи, кромѣ академической, такъ какъ сенатская типографія печатала только указы и другіе оффиціальные акты. Кромѣ того книги въ ту пору распространялись по Россіи только посредствомъ академическихъ книжныхъ лавокъ, а потому Сумарокову не было другаго средства, какъ обратиться въ Канцелярію Академіи Наукъ съ просьбою о напечатаніи. Канцелярія Академіи Наукъ не зависѣла отъ ученой конференціи и была совершенно подчинена Президенту, которымъ былъ тогда братъ начальника Сумарокова Графъ К. Г. Разумовскій. Цензурная обязанность безъ всякаго сомнѣнія лежала тогда на этой же канцеляріи. Мы приводимъ слѣдующую собственноручную просьбу Сумарокова къ

(*) Сочиненія. Ч. 9, стр. 86.

Президенту, съ строгимъ соблюденіемъ тогдашней его орѳографіи:

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Я нимѣренъ издать сочиненную мною трагедію Хорева въ светъ. А понеже Милостивой Государь исполненіе моево жѣланія зависитъ отъ особы вашей; того ради приношу оную вашему сіятельству *для разсмотрѣнія;* и ежели она напечатанія достойна; то прошу милостивой государь приказать ѳѣ напечатать за мои деньги, литерами называемыми корпусъ, съ прокладываніемъ лубочковъ въ большую октаву числомъ 1200 ексемпляровъ, съ такимъ опрѣделеніемъ, чтобъ и впредь противъ воли моей трагедіи другихъ едиціи въ академіи не печатать, ибо то что я сочинилъ, мнѣ какъ сочинителю онаго свой трудъ издавать приличнае, а убытку изъ того академической суммѣ быть не можѣтъ. Ежелижъ для какихъ либо обстоятельствъ сихъ моихъ стиховъ нынѣ напечатать неудобно; то прошу сію мою трагедію возвратить мнѣ назадъ; *ибо меня къ тому, чтобъ она была напечатана ничто не понуждаетъ кромѣ одного искренняго жѣланія тѣмъ чемъ я могу служить моему отечеству.* Еще прошу сіятельнѣйшій графъ, ежели будетъ на то ваше соизволеніе, приказать употребить къ тому бумагу такую какъ я потребую, а деньги съ меня взыскать, хотя до печатанія хотя послѣ печатанія какъ ваше сіятельство приказать изволите. На что ожидаю вашего сіятельства милостиваго повѣленія, пребывая съ крайнимъ моимъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства

вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Александръ Сумароковъ.

Октября 28 дня
1747 года.

Изъ этой первой просьбы Сумарокова можно уже видѣть начало развитія того авторскаго самолюбія, которымъ отличался онъ во все время своего служенія литературѣ. Можетъ быть документъ этотъ интересенъ и для исторіи понятій о литературной собственности въ Россіи, сознаніе о которой имѣлъ Сумароковъ. Это сознаніе развилось въ немъ на основаніи его самолюбія и особеннаго уваженія къ себѣ, какъ автору. Канцелярія Академіи Наукъ опредѣлила напечатать его трагедію, «какъ онъ требуетъ, на его коштъ» и вѣроятно все изданіе трагедіи перешло въ академическую книжную лавку для продажи. (*) Но деньги за напечатаніе этой трагедіи и другихъ своихъ произведеній Сумароковъ выплачивалъ туго, почему, въ послѣдствіи времени, при изданіи «Трудолюбивой Пчелы,» старые счеты съ академической типографіей были помянуты и въ соединеніи съ новыми, надѣлали много затрудненій Сумарокову, въ чемъ онъ самъ былъ виноватъ. Такова исторія перваго драматическаго произведенія Сумарокова, послужившаго началомъ той литературной дѣятельности, которой посвятилъ онъ лучшія силы свои.

На этомъ первомъ драматическомъ произведеніи, писанномъ по русски, лежитъ печать ложноклассической трагедіи Французовъ, печать Расина, котораго Сумароковъ называлъ своимъ учителемъ, а современники еще при жизни Сумарокова называли его «сѣ-

(*) Въ бумагахъ Академіи 1747 года Сумароковъ носитъ слѣдующій титулъ: Его Высокографскаго Сіятельства Оберъ-Егеръ-Мейстера Ея Императорскаго Величества перваго Камергера Лейбкомпаніи Капитана-Поручика и разныхъ орденовъ Кавалера Графа Алексѣя Григорьевича Разумовского генералъ ево адъютантъ.

верным Расином.» (*) Съ этой поры долго русская трагедія наполнялась героями, носившими, правда русскія имена, но чрезвычайно далекими отъ русской жизни и народности. Такіе герои въ послѣдствіи времени смѣнились личностями художниковъ и романтическими боярами драмъ Полеваго и Кукольника, которые также далеки отъ нашей жизни, какъ и герои Сумароковскіе. Но русская сцена, русская трагедія, то есть родъ искусства, перенесенный въ русскую жизнь и литературу, были невиданными явленіями въ нашемъ отечествѣ, были такимъ благороднымъ родомъ забавъ, который далеко оставлялъ за собою грубыя забавы нашихъ предковъ. На театръ смотрѣли какъ на педагогическое средство не только при дворѣ, естественно шедшемъ во главѣ общественнаго развитія, но и между мыслящими современниками. Вотъ какъ одинъ изъ этихъ современниковъ говоритъ о театрѣ и о театральныхъ заслугахъ Сумарокова:

«Благородное россійское дворянство, вошедшее во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, пользуясь просвѣщеніемъ нынѣшняго времени, Премудрой Обладательницы нашей, къ добру на разумѣ законовъ всѣхъ ведущей, пріохотившись къ наукамъ, ищущее полезнаго съ пріятнымъ, находитъ свою забаву вмѣсто отдохновенія, въ чтеніи книгъ, музыкѣ, въ врѣніи театра и въ прочихъ безбѣдственныхъ удовольствіяхъ.

«Кто же похвалитъ веселія прежнихъ вѣковъ? Они дрались со звѣрьми, боролись сами между собою до убійства, почитая это геройствомъ; кулачные бои бывали лучшимъ позорищемъ, важивали дѣтей своихъ онымъ забавляться; и

(*) Новиковъ: «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» С. П. Б. 1772 г. Стр. 207.

какъ ручаться, чтобы въ ребячьемъ возрастѣ человѣкъ не пріучилъ сердце свое къ ожесточенію: даже благородныя женщины въ недавнемъ времени были зрительницами сихъ позорищей.

«Къ счастію нашему время оное перемѣнилось, просвѣщеніе торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи, жестокость исчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ россійскихъ провинціяхъ невѣжества не видно.

. . . . «Воспитаніе много обязано покойному Сумарокову. Онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденіи умягченія нравовъ, а вкусъ къ театру, конечно отъ его пера исправленъ.» (*)

Въ этихъ словахъ современника много правды. Мы видимъ, какъ постепенно, съ усиліями спадала старая кора съ общества, какъ свѣтлѣли темныя стороны его и какъ наконецъ это общество могло понимать искусственную трагедію Сумарокова, промѣнявъ на театральныя зрѣлища, на скромное сидѣнье въ театральной залѣ разгулъ отъѣзжихъ полей и дорогія сердцу, хотя часто кровавыя потѣхи, старины.

Чѣмъ же и какими образцами Сумароковъ былъ приведенъ къ театру, его любимому роду литературныхъ произведеній, о которомъ онъ такъ много заботился, что съ гордостію восклицалъ:

Расиновъ я театръ явилъ, о Россы, вамъ;
Богиня! (Мельпомена) я тебѣ поставилъ пышный храмъ.

На своемъ мѣстѣ мы скажемъ о значеніи, характерѣ и историческомъ достоинствѣ драматическихъ произведеній Сумарокова, здѣсь же мы обращаемъ вниманіе

(*) «Драматическій словарь.» Москва, 1787. Предисловіе.

на то только, что можетъ пояснить темную біографію разбираемаго нами писателя. Славяно-русскія драмы не могли имѣть никакого вліянія на характеръ произведеній Сумарокова и подстрекнуть его попытать свои силы на этомъ новомъ для него поприщѣ. Русскихъ зрѣлищъ Сумароковъ не видалъ, потому что ихъ не было. Пятнадцатилѣтнимъ кадетомъ онъ могъ видѣть итальянскія интермедіи, разыгрываемыя при дворѣ Анны Іоанновны актерами-Итальянцами, присланными изъ Дрездена польскимъ королемъ Августомъ къ коронаціи Императрицы. Аннѣ Іоанновнѣ такъ понравились эти представленія, что въ 1735 году выписана была цѣлая труппа актеровъ и актрисъ, между которыми были пѣвицы и пѣвицы, дававшіе современныя оперы на придворномъ театрѣ. Въ интермедіяхъ, представлявшихся разъ въ недѣлю, участвовали кадеты Сухопутнаго Корпуса, товарищи Сумарокова, можетъ быть и самъ онъ. Эта труппа давала комедіи и преимущественно оперы, музыка которыхъ составлялась капельмейстеромъ труппы — Араіемъ, писавшимъ въ послѣдствіи времени на слова Сумарокова. Итальянская поэзія того времени была въ незавидномъ положеніи. Комедія подражала французской; Гольдони только что начиналъ писать свои болѣе оригинальныя созданія. Въ трагедіи не являлось еще знаменитаго имени Алфьери. Вся литературная слава Италіи сосредоточивалась тогда въ сладкомъ, немного приторномъ, но лавроносномъ поэтѣ австрійскаго двора — Метастазіо. Его оперу Clemenza di Tito, написанную имъ въ честь Карла VI, давали во время коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны. Волковъ въ послѣдствіи времени перевелъ ее для своей труппы на русскій языкъ. При

Аннѣ Іоанновнѣ, для герцогини курляндской, которая не знала ни по французски, ни по итальянски, была также придворная нѣмецкая труппа, но она не была въ большомъ ходу. Графъ Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, притѣснялъ эту труппу тайнымъ образомъ и наконецъ по смерти Императрицы выгналъ совершенно. Актерамъ даже не выдали положеннаго жалованья. «Если бы саксонскій министръ Графъ Линаръ, прибавляетъ Штелинъ, не столь уважаемъ былъ при дворѣ, врядъ ли бы они въ добромъ здоровьи могли изъ Россіи выѣхать.» (*) Въ началѣ царствованія Елисаветы нанята была французская труппа по контракту съ содержателемъ Серини: полагать ему ежегодно 2500 рублей, играть на придворномъ театрѣ, и имѣть отъ двора музыкантовъ, театральныя декораціи и свѣчи, кромѣ платья. Въ 1748 и 1749 годахъ была и нѣмецкая труппа, подъ управленіемъ Ангерманна, у котораго перенималъ Волковъ. (**) Между тѣмъ появились и русскіе актеры.

Трудно представить теперь, чтобъ въ концѣ первой половины XVIII вѣка, въ провинціальномъ городѣ Россіи, гдѣ тогда и признаковъ не было развитія общественной жизни, при томъ, посреди сословія, всегда чуждавшагося всякимъ нововведеніямъ и долго удерживавшаго слѣпую привязанность къ старинѣ, могъ ролиться вкусъ къ театральнымъ представле-

---

(*) «Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ отъ начала ихъ до 1768 года,» сочиненное на нѣмецкомъ языкѣ Стелиномъ Переводъ въ С Петербургскомъ Вѣстникѣ 1779, ч 5, стр. 83 — 93, 163 — 174, 243 — 258.

(**) Митрополитъ Евгеній — «Словарь.» — Біографія Ѳ. Волкова.

ніямъ. Эти зрѣлища, столь народныя во многихъ странахъ Европы, связанныя тѣсно съ разными сторонами общественной жизни, связанныя тамъ исторически съ преданіями древняго театра, были совершенно чужды нашему отечеству. Можетъ быть славянскія мистеріи, сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго, разыгрываемыя въ Ростовской Семинаріи или въ Московской Академіи, гдѣ учился Волковъ, имѣли вліяніе на воображеніе молодого купеческаго сына въ Ярославлѣ—Ѳедора Григорьевича Волкова, перваго русскаго актера, но думаемъ, скорѣе искать объясненія этого страннаго и невиданнаго на Руси явленія въ личности самаго Волкова. Бываютъ избранныя натуры, съ избыткомъ прекрасныхъ самобытныхъ силъ, дарованныхъ Провидѣніемъ, открывающія новые пути въ искусствѣ и наукѣ, развертывающія свою дѣятельность не въ слѣдствіе подражанія чужому, уже существующему, а на внутренній голосъ, громко зовущій въ душѣ. Къ такимъ натурамъ принадлежалъ и Волковъ, самобытное дитя русской почвы. Новиковъ, знавшій лично Волкова, оставилъ намъ въ своемъ словарѣ довольно полную біографію его, списанную потомъ до слова въ словарѣ Евгенія: въ ней можно найти любопытные факты для исторіи начала нашего театра. Изъ свидѣтельствъ современниковъ видно, что Волковъ былъ страстно преданъ искусствамъ. Онъ оставилъ послѣ себя опыты живописи, скульптуры, архитектуры, даже нѣсни, расѣваемыя современниками. Воспитаніе его было жалко и ничтожно, но божественный пламень таланта сожигалъ эту душу. Натура пылкая и страстная, безпокойная и дѣятельная, Волковъ пыталъ себя во всѣхъ родахъ искусства, но театръ сдѣлался преобладающею

страстію его, можетъ быть потому, что на сценѣ всѣ искусства соединяются въ одно. Его первыя театральныя представленія съ приказными служителями Ярославля дали начало русской сценѣ. Есть преданіе, что сосланный въ Ярославль Бирономъ принималъ участіе въ художественномъ предпріятіи Волкова и помогалъ ему совѣтомъ и дѣломъ. Послѣ пребыванія своего, по дѣламъ вотчима, купца Полушкина, въ Петербургѣ, въ 1746 году, гдѣ Волковъ старался изучить театральное дѣло между итальянскими и нѣмецкими актерами, завелъ онъ въ Ярославлѣ свой собственный, отдѣльно устроенный театръ, гдѣ могло помѣщаться до 1000 зрителей. На этой сценѣ, поддерживаемой любителями и преимущественно богатымъ Майковымъ, Волковъ, съ четырьмя братьями своими, съ знаменитымъ въ послѣдствіи времени Дмитревскимъ, двумя Поповыми и Иконниковымъ (актрисъ тогда не было), разыгрывалъ уже первыя трагедіи Сумарокова, трагедіи Ломоносова, писанныя впрочемъ не для сцены, Титово Милосердіе, самимъ Волковымъ переведенное, и комическіе фарсы, собственнаго сочиненія, въ которыхъ Ярославцы узнавали себя. Это продолжалось до 1752 года.

Въ столицѣ русскаго театра не было. До 1752 года разыгрывались въ корпусѣ, на придворномъ театрѣ и даже въ самыхъ комнатахъ дворца, въ присутствіи Императрицы, французскія пьесы, трагедіи и комедіи Сумарокова кадетами и даже офицерами Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса. Между этими артистами особенно отличались: Фельдфебель Разумовскій, въ послѣдствіи Гетманъ Малороссіи, сержантъ Бекетовъ, въ послѣдствіи генералъ-поручикъ, котораго быстрое возвы-

шеніе при дворѣ началось именно съ этихъ представленій, но было остановлено интригами графа П. И. Шувалова и знаменитой жены его Мавры Егоровны (*), фельдфебель Мелиссино бывшій потомъ куратором Московскаго Университета, и сержантъ Остервальдъ. Императрица, любившая блескъ и пышность при дворѣ, естественно покровительствовала этимъ представленіямъ, что развило любовь къ нимъ и между придворными и въ столицѣ. Молва о ярославскихъ театральныхъ зрѣлищахъ совершенно кстати достигла между тѣмъ до Императрицы и до двора. Репертуаръ существовалъ уже, недоставало только артистовъ и вотъ сама судьба или русская смѣтливость помогли явленію театра въ нашемъ отечествѣ. Самородная труппа Волкова выписана была въ 1752 году изъ Ярославля по Высочайшему повелѣнію, представлена Императрицѣ, показала опыты своего искусства на комнатной дворцовой сценѣ представленіемъ Кающагося Грѣшника, Хорева, Гамлета, Синава и Трувора.

Молодые русскіе таланты до того понравились Императрицѣ и всему двору, что она приказала ихъ отдать въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ для ученія, гдѣ страсть Волкова къ искусствамъ и къ наукѣ получила новую пищу, хотя ему было уже 25 лѣтъ.

Наконецъ Высочайшимъ указомъ Сенату 30 Августа 1756 года существованіе русскаго театра было навсегда упрочено. Въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе принималъ Сумароковъ и ему, какъ знаменитому тогда автору трагедій и комедій, поручена была по праву

(*) Эти интриги рѣзко характеризуютъ эпоху. См. Бантышъ-Каменскій — Словарь Д. Л. Т. I, стр. 114.

дирекція этой новорожденной труппы, съ назначеніемъ жалованья, сверхъ получаемаго имъ по бригадирскому чину, еще по 1000 руб. каждогодно. (*) На содержаніе театра опредѣлено давать 5000 руб. въ годъ; сборъ за представленія шелъ также въ пользу артистовъ. Первыми представителями искусства были два брата Волковы: Оедоръ и Григорій, трагикъ Дмитревскій, комикъ Шумскій, произведшій игрою своею впечатлѣніе на фонъ-Визина, Михайло Поповъ, въ послѣдствіи плодовитый авторъ, Сѣкаревъ, тоже писатель, дѣвица Пушкина — знаменитая трагическая актриса того времени Татьяна Троепольская и двѣ сестры Марья и Ольга (фамиліи ихъ неизвѣстны), вышедшія за мужъ за Волкова и Шумскаго. Волковъ въ 1759 году завелъ и въ Москвѣ театръ, но онъ скоро соединился съ петербургскимъ. Сумароковъ дѣятельно хлопоталъ о своей труппѣ. Волковъ посланъ былъ имъ въ Москву для образованія тамъ труппы, составившейся изъ студентовъ Московскаго Университета. Сумароковъ даже выпросилъ позволеніе носить актерамъ шпаги, какъ дворянское отличіе, что необходимо было въ томъ младенчествующемъ обществѣ, въ которомъ актеръ и площадной гаеръ были синонимами, соединяясь въ одномъ незавидномъ названіи комедьянта. Сумароковъ давалъ своимъ новорожденнымъ акте-

---

(*) Въ «Москов. Вѣдом» 1756 года, 11-го Октября, напечатано слѣдующее извѣстіе изъ С. Петербурга: «Ея Императорское Величество изволила указать для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на россійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли, установить россійской театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову.»

рамъ уроки декламаціи и вообще былъ самымъ дѣятельнымъ директоромъ.

Большая часть драматическихъ сочиненій Сумарокова появилась на сценѣ до этого оффиціальнаго театра; такимъ образомъ трагедіи: Хоревъ, Гамлетъ, Синавъ и Труворъ, Артистона, комедіи: Чудовищи, Трессотиніусъ, играны были въ 1750 году, трагедія Семира въ 1751 году. Теперь, съ учрежденіемъ театра, коего онъ былъ директоромъ, драматическая дѣятельность Сумарокова должна была получить новый толчекъ и полное развитіе. У него были наконецъ актеры по призванію, для которыхъ сцена была жизнію. Дѣйствительно, разсматривая сочиненія Сумарокова, можно видѣть, что большую часть литературныхъ трудовъ своихъ посвятилъ онъ театру. Кромѣ исчисленныхъ нами произведеній, Сумароковъ написалъ, послѣ учрежденія театра, трагедіи: Ярополкъ и Димиза (1758), Вышеславъ (1768), Дмитрій Самозванецъ (1771), Мстиславъ (1774); комедіи: Опекунъ, Лихонмецъ, Три брата совмѣстники, Ядовитый, Нарцисъ (всѣ пять въ 1768 г.), Приданое обманомъ (1769), Пустая ссора, Рогоносецъ по воображенію, Мать совмѣстница дочери, Вздорщица, годъ появленія которыхъ на сценѣ неизвѣстенъ, драму Пустынникъ (1757), прологъ Новые Лавры, по случаю побѣды при Франкфуртѣ (1759), балетъ Прибѣжище добродѣтели (1764), оперы: Альцеста, Цефалъ и Прокрисъ (1764). Всего 26 сценическихъ произведеній.

Сумароковъ въ общемъ мнѣніи, поддерживаемомъ старою критикою, которая смотрѣла на наши литературныя явленія въ очки своего времени, забывая историческое значеніе писателя, считается вообще писа-

телемъ бездарнымъ, слѣпымъ подражателемъ чужого. Но подражать было въ духѣ того времени и этого подражанія нельзя ставить въ упрекъ нашей старой литературѣ, потому что тогда общество не хотѣло еще видѣть въ русской литературѣ выразительницу своего быта, который естественно отодвигался на задній планъ для всякаго, кто считалъ себя образованнымъ въ то время. Отъ литературы нашей хотѣли тогда, чтобъ она была вольной и легкой переводчицей того, что въ Европѣ достигалось долгимъ борешемъ и вѣковымъ историческимъ упорствомъ. Забывая эту сторону, можно клеймить все прошлое печатью ничтожности. Но эта плодовитость даже, хоть театральныхъ произведеній Сумарокова, развѣ доказываетъ его бездарность? Для того, чтобъ быть плодовитымъ, надобно быть полнымъ чѣмъ нибудь. А у Сумарокова, какъ видно, было много любви къ театру; ему посвящалъ онъ большую часть своей лучшей, такъ сказать, лихорадочной дѣятельности. Не эта ли лихорадочная дѣятельность заставила его написать на комедіи Трессотиніусъ: «зачата 12-го Генваря 1750 года, окончена Генваря 13 го 1750?»

Сумароковъ говоритъ, что онъ, послѣ опытовъ въ другихъ родахъ поэзіи, полюбилъ лучшую, по словамъ его, музу (Мельпомену). Что онъ страстно любилъ театръ, можно видѣть изъ многихъ мѣстъ его сочиненій, гдѣ выказывается эта привязанность. Когда Волковъ, устроивъ въ Москвѣ публичный маскарадъ для народа, во время пребыванія тамъ Императрицы Екатерины II, въ генварскіе морозы 1763 года, умеръ отъ страшной простуды на 35 году жизни, Сумароковъ написалъ элегію къ Дмитревскому, полную скорби о

Волковѣ. Сквозь грубыя формы тогдашняго стихосложенія проглядываетъ дѣйствительная печаль:

Преставился мой другъ; прости мой другъ любезный.
На вѣки Волкова пресѣклися часы,
Мой весь мятется духъ, тоска меня терзаетъ. (*)

Тоже скорбное состояніе духа и непритворное чувство грусти выражается и въ слѣдующемъ посланіи Сумарокова, написанномъ къ Дмитревскому, по случаю смерти извѣстной тогда актрисы Троепольской. Оно было напечатано въ первый разъ, какъ приложеніе къ отдѣльному изданію трагедіи, «Метиславъ» 1774 года.

Въ сей день скончалася и нѣтъ ея теперь —
Прекрасна женщина и Мельпомены дщерь,
И охладѣли ужъ ея младые члены,
И Троепольской нѣтъ, сей новыя Ильмены.
Элиза (**) да живетъ на свѣтѣ больше лѣтъ,
Она осталася, но Троепольской нѣтъ,
Живущія игрой къ увеселенью свѣта.
Ей — память вѣчная, Елизѣ — многи лѣта,
Да веселитъ она игрою нашъ народъ
И чтобы міръ нарекъ Семирѣ сотый годъ.
А ты, мой вѣрный другъ, игравшій намъ Метислава,
Кѣмъ днесь умножилась моя въ Россіи слава,
Старайся, чтобы нашъ театръ не палъ на вѣкъ,
А такъ какъ жилостный и добрый человѣкъ,
Восплачь, восплачь о той со мной и воспечались,
Которой роли всѣ на свѣтѣ окончались! (***)

(*) Сочиненія, ч. 9-я, стр. 77.

(**) Бѣлоградская.

(***) Сочин., ч. 9-я, стр. 92.

Можно быть увѣрену, что печаль эта непритворна. Конечно скорбь, выраженная въ мѣрныхъ звукахъ, надъ которыми думаетъ писатель, не скорбь, овладѣвающая всѣмъ человѣкомъ и парализующая чувства, но то былъ вѣкъ такой; думали не столько о истинѣ чувства, сколько о красотѣ его. Кромѣ того такая чудесная натура, какою былъ Волковъ, имѣла въ себѣ все то, что можетъ внушить къ ней въ другихъ страстную привязанность. Вотъ что Новиковъ (*) говоритъ о Волковѣ: «Сей мужъ былъ великаго, обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго сужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ высшей степени; при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ. Съ перваго взгляда казался онъ нѣсколько суровъ и угрюмъ, но сіе исчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели: друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществовать.» Фонъ-Визинъ говоритъ, что онъ могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. (**)

Другой извѣстный сценическій артистъ того времени — Иванъ Аѳонасьевичъ Дмитревскій, наслѣдникъ

(*) Опытъ Истор. Слов. о Рос. Пис., стр. 40—41.

(**) Признаніе. Соч., изд. 3 — Смирдина; стр. 508.

славы Волкова, основатель и распространитель въ Россіи декламаторской школы, былъ постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ къ Сумарокову, трагедіи котораго развернули талантъ Дмитревскаго. Самолюбивый до раздражительности Сумароковъ, забывалъ свою авторскую гордость, доводившую его до смѣшнаго въ отношеніяхъ къ литературнымъ представителямъ эпохи: онъ учился у Дмитревскаго, пользовался его совѣтами въ театральномъ дѣлѣ. Дмитревскій впрочемъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ того времени въ Россіи. Землякъ Волкову, передавшему ему страсть къ театру, онъ четырнадцати лѣтъ разыгрывалъ женскія роли въ его трупиѣ въ Ярославлѣ. Отданный вмѣстѣ съ прочими въ Кадетскій Корпусъ для ученія, Дмитревскій два раза потомъ былъ заграницею. Въ Парижѣ онъ подружился съ Лекеномъ, удивлявшимся заѣзжему Скиѳу, и жилъ у него. Въ Лондонѣ знаменитый Гаррикъ знакомилъ его съ произведеніями Шекспира, но Дмитревскій, къ сожалѣнію, остался вѣренъ французскимъ преданіямъ. Когда, по возвращеніи изъ заграницы (1767), Дмитревскій появился въ трагедіи Сумарокова «Синавъ и Труворъ» и произвелъ восторгъ своею игрою въ зрителяхъ, восхищенный авторъ трагедіи написалъ ему слѣдующіе стихи:

Дмитревскій, что я врѣлъ? колико я смущался,
Когда въ тебѣ Синавъ несчастный унывалъ;
Я всѣ его бѣды своими называлъ:
Твоею страстію встревоженъ восхищался:
И купно я съ тобой любилъ и уповалъ.
Какъ былъ Ильменой ты смущенъ неизрѣченно,
Такъ было и мое тѣмъ чувство огорченно;

Ты страсти всѣ свои во мнѣ производилъ;
Ты велъ меня съ собой изъ страха въ упованье,
Изъ ярости въ любовь, а изъ любви въ стенанье;
Ты къ сердцу новыя дороги находилъ.
Твой голосъ и лицо и станъ согласны были;
Да зрителя тронувъ въ немъ сердце воспалить.
Твой плачъ всѣ зрители слезами заплатили,
И плача всѣ тебя старалися хвалить.
Искусство съ естествомъ въ тебѣ совокупленны,
Производили въ насъ движенія сердецъ.
Ахъ какъ тобою мы остались изступленны!
Мы въ мысли всѣ тебѣ готовили вѣнецъ;
Ты тщился всѣхъ плѣнить и всѣ тобою плѣнны. (*)

Современники были въ восторгѣ отъ трагическаго таланта Дмитревскаго. Многіе и теперь еще помнятъ, какъ восьмидесятилѣтній Дмитревскій выходилъ на петербургскую сцену, предъ началомъ великихъ событій 12-го года, въ патріотическихъ драмахъ Озерова и особенно въ героическомъ представленіи Висковатаго: «Всеобщее Ополченіе 1812 года». Исполненіе имъ роли Усердова въ этой пьесѣ вызвало даже нѣсколько стихотвореній, написанныхъ въ честь ему. Глубоко было впечатлѣніе этой старческой, но несостарѣвшейся игры на души и безъ того уже наэлектризованныя временемъ. Дмитревскій былъ также авторомъ. Въ «Трудолюбивой Пчелѣ», періодическомъ изданіи Сумарокова 1759 года, помѣщалъ онъ стихи свои, которые впрочемъ не отличаются ничѣмъ отъ другихъ современныхъ стиховъ. Тотъ же размѣренный складъ рѣчи, тѣже вялыя, условныя выраженія чувства, заимствованныя нашею поэзіею отъ французской. Тамъ

(*) Сочиненія, ч. 9-я, стр. 202.

же Дмитревскій напечаталъ нѣсколько переводовъ своихъ изъ Аддисонова «Спектатора», нравственно-сатирическое направленіе котораго очень цѣнилось въ прошедшемъ вѣкѣ. Кромѣ того Дмитревскій переводилъ съ французскаго разныя театральныя пьесы. Россійская Академія считала его своимъ членомъ. Въ 1807 году, какъ членъ этой Академіи, въ торжественномъ собраніи ея, онъ читалъ похвальное слово Сумарокову. Это слово есть панегирикъ, написанный по образцу Плинія. Авторъ, согласно съ реторикою того времени, которая не знала умѣренности въ выраженіяхъ, называетъ Сумарокова «первымъ изъ тѣхъ краснорѣчцевъ, кои сладкогласною музикіею привлекли всѣхъ музъ въ Россію, помѣстили Геликонъ въ Петрополѣ, и живыя воды Иппокрены смѣсили съ прозрачными струями невскими.» (*) Пропуская мимо восторженныя похвалы, нельзя однакожь не видѣть въ нихъ того прекраснаго чувства, которое внушило ихъ Дмитревскому. Это было чувство любви и благодарности, какъ самъ онъ выражается. Онъ былъ другъ и почитатель Сумарокова, а друзей у Сумарокова было слишкомъ мало.

Любовь къ театру и, съ своей точки зрѣнія, заботы о чистотѣ храма Мельпомены, постоянно преслѣдовавшія Сумарокова, раздражительность и мелкое самолюбіе, доводили его часто до смѣшныхъ выходокъ. Въ Москвѣ въ 1770 году переведена была съ французскаго пьеса Бомарше, подъ названіемъ «Евгенія,» принадлежащая къ новому роду драматическихъ произве-

(*) Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею, ч. 3-я, стр. 171.

деній, называвшихся у французовъ comédie или drame larmoyante. (*) Этотъ родъ былъ введенъ Дидро, смотрѣвшимъ умѣе всѣхъ французскихъ критиковъ на театръ и вообще на искусство. Пьеса была разыграна и имѣла успѣхъ (**), тѣмъ болѣе справедливый, что холодныя, мѣрныя классическія трагедіи, гдѣ вмѣсто живыхъ людей являлись машины, называемыя героями, должны были надоѣсть порядочно. Сумароковъ, представитель старой трагедіи, думалъ видѣть въ чужомъ успѣхѣ послагательство на свои лавры. Крикъ оскорбленнаго самолюбія слышится въ довольно неприличныхъ его выходкахъ. «Ввелся, говоритъ онъ, новый и пакостный родъ слезныхъ комедій, ввелся тамъ (во Франціи), по тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Мольерова: а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредный вкусъ, а особливо вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А-дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ Г. Вольтеру; но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло

(*) «Qui, прибавляетъ Вольтеръ въ письмѣ къ Сумарокову, à la honte de la nation, a succédé au seul vrai genre comique, porté à sa perfection par l'inimitable Molière.» Полное собраніе сочиненій А. П. Сумарокова. Ч. 4, стр. 66.

(**) Переводчикъ въ обращеніи къ читателю говоритъ, что эта драма была представлена въ Москвѣ сряду четыре раза и удовольствіе публики выражалось постоянно неумолкаемыми рукоплесканіями. См. «Евгенія, комедія въ 5 дѣйствіяхъ». М. 1770, 12°. Объ этомъ же успѣхѣ ея упоминаетъ и «Драматическій Словарь», стр. 51, тѣмъ болѣе, что Дмитревскій хлопоталъ о постановленіи ея на сцену.

актриса подъ именемъ Евгеніи бахкханту ни изображала: а сіе рукоплескаиіе переводчикъ оныя драмы, *какой-то подъячій* (*) до небесъ возноситъ, сплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судьею Парнаса, и утвердителемъ вкуса московской публики!... Конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели *Г. Вольтеру и мнѣ.*» (**) Рукоплесканія московской публики этой забытой драмѣ казались личнымъ оскорбленіемъ Сумарокову и онъ написалъ ѣдкую ліатрибу противъ этой публики, которой «неприлично, по словамъ его, съѣхавшись, видѣть Семиру, сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторіи своей недѣли громогласно и пр. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите: грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи: и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, *сыкутъ ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра?*» (***) Выходка рѣзкая, но представляющая намъ нравы того времени, показывающая, какъ принимались публикою театральныя представленія и на сколько она была образована тогда.

Съ этими полными ожесточенія и затронутаго самолюбія словами Сумарокова можно сравнить то, что го-

(*) Переводчикомъ былъ Николай Пушшиковъ, служившій въ штатѣ Графа К. Г. Разумовскаго, какъ самъ онъ говоритъ о себѣ въ посвященіи перевода своему начальнику.

(**) Послѣсловіе къ «Дмитрію Самозванцу». С. П. Б. 1771, стр. 3.

(***) Соч. Ч. 4, стр 63.

воритъ современный журналъ «Всякая Всячина» о театральныхъ представленіяхъ: «наше дворянство и большая часть молодыхъ господъ говорятъ всегда, что они великіе охотники до театральныхъ представленій и почитаютъ себя въ томъ знатоками. Едва услышатъ они о новой какой драмѣ, то уже толпами собираются въ театръ и съ нетерпѣніемъ дѣйствія дожидаются. Но какое они имѣютъ при томъ намѣреніе? Чтобы примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры ими представляемые (стр. 421).» Одежда Дмитревскаго и Троепольской ихъ интересовала болѣе, нежели игра ихъ. И тогда, какъ и теперь, по словамъ того же журнала, можно было найти такихъ людей, которые бранятъ балетъ, «принуждая себя показаться знающими въ драматическихъ сочиненіяхъ, а между тѣмъ ничто имъ больше не нравится.»

Худое исполненіе сценическое вызывало опять всю желчь его и тутъ снова нападалъ онъ на Москву. (*) Любопытна жалоба Сумарокова московскому градоначальнику на интриги князя Урусова, перебившаго у него ложу и нехотѣвшаго его пустить безденежно, даже въ партеръ, во время представленія его трагедіи. (**) Желаніе быть безденежно въ театрѣ во время представленія собственной пьесы не совсѣмъ странно для того времени, но придирки другой стороны оскорбительны для всякаго писателя, тѣмъ болѣе для Сумарокова, который въ то время пользовался заслуженною славою (1775). Все это къ сожалѣнію показываетъ, какъ мало

(*) Соч. ч. 9-я, стр. 93.

(**) Журналъ «Москвитянинъ» 1841 г. № 1-й, Матеріалы для исторіи русской литературы.

значенія имѣлъ тогда писатель, слывшій даже знаменитымъ.

Сумароковъ недолго былъ директоромъ театра. Напрасно стали бы мы искать современныхъ указаній о томъ, добровольно или недобровольно отказался онъ отъ этого мѣста, совершенно приличнаго ему, какъ первому театральному автору въ Россіи и согласнаго съ его убѣжденіями. Этихъ указаній нѣтъ. Въ небольшой прозаической статьѣ его подъ названіемъ «Сонъ», написанной въ 1760 году, есть какіе-то темные намёки на тѣ непріятности, которыя терпѣлъ онъ отъ подъячихъ и иностранцевъ, упоминается о какихъ то свѣдѣніяхъ, требуемыхъ первыми отъ него. Онъ даже въ шутливомъ тонѣ заставляетъ Мельпомену бить челомъ просьбою, писанною по пунктамъ, русской Палладѣ. Но все это такъ темно и неопредѣленно, такъ тѣсно связано съ тогдашними отношеніями, что угадать прямой смыслъ невозможно. (*) Какъ бы то ни было, но въ 1761 году

(*) Соч., ч. 9, стр. 280—287, и «Праздное Время», журналъ 1760 года, ч. 2-я, стр. 291, 303 и 318. Здѣсь говоритъ Сумароковъ, что «комикъ отвратилъ его отъ Мельпомены», упоминаетъ о какой-то «сумасбродной справкѣ по дѣламъ Мельпомены», жалуется на подъячихъ и иноплеменниковъ, «разрушающихъ и оскверняющихъ храмъ ея». Въ челобитной Мельпомены тѣже жалобы на иноплеменниковъ, подъ которыми можетъ быть надобно разумѣть тогдашнихъ академиковъ, такъ какъ это было вскорѣ послѣ прекращенія его журнала. Сумароковъ говоритъ, что иноплеменники дѣлаютъ всякое притѣсненіе россійскимъ авторамъ, такъ что имъ невозможно издавать труды свои, потому что по ихъ распоряженію печатаніе книгъ несносно дорого. Въ челобитной же заключается предложеніе о заведеніи ученаго собранія въ словесныхъ наукахъ съ чисто русскимъ характеромъ. — Нападенія эти на Академію происходили въ слѣдствіе требованій канцеляріею послѣдней денегъ съ Сумарокова за его изданіе, что мы увидимъ въ послѣдствіи. По причинѣ этихъ

Сумароковъ уволенъ былъ отъ званія директора театра съ пенсіею по двѣ тысячи рублей. Дирекція передана оберъ-гофмаршалу, а въ 1767 Императрица поручила ее кабинетъ-секретарю Елагину.

Въ запискѣ Штелина сказано, что Сумароковъ отъ должности директора театра былъ отставленъ по Высочайшему повелѣнію за ссору съ актрисами. Но въ чемъ состояла эта ссора — мы не знаемъ. (*)

Живши въ отставкѣ, уже въ ту пору, когда написалъ онъ одну изъ послѣднихъ своихъ трагедій — «Дмитрія Самозванца,» Сумароковъ заключилъ въ Москвѣ съ содержателемъ театра Бельмонти контрактъ, по которому послѣдній обязуется не играть безъ позволенія автора «ни подъ какимъ видомъ, ни для чего и ни для какого обстоятельства» его трагедій. Въ противномъ случаѣ всѣ сборы должны быть отданы автору. (**) Это обязательство подписано Бельмонти въ Москвѣ 29-го Марта 1771 года, и вызвано было по всей вѣроятности осторожностію Сумарокова, не хотѣвшаго давать пьесъ своихъ на театръ послѣ непріятнаго для него представленія трагедіи «Синавъ и Труворъ». Мы знаемъ уже, какъ досадно было Сумарокову, что драма «Евгенія» имѣла успѣхъ на московской сценѣ и какъ онъ досаду эту выразилъ при изданіи своего Самозванца. Осмѣянный имъ переводчикъ Евгеніи, котораго онъ называлъ *подьячимъ*, принадлежалъ къ лучшему московскому обществу. Друзья его рѣшились отмстить Сумаро-

---

требованій Сумароковъ отказался отъ журнала и хотѣлъ не писать ничего по театру.

(*) Москвитянинъ 1851 года, Генварь, № 2-й, стр. 210.

(**) Москвитянинъ 1843 г., № 1-й, стр. 272.

кову и составили заговоръ. Заговоръ этотъ удался. Бельмонти, не смотря на старанія Сумарокова, знавшаго, что собирается надъ нимъ буря, по приказанію московскаго главнокомандующаго графа Салтыкова, рѣшился представить трагедію Сумарокова — Синавъ и Труворъ. Любопытно французское письмо Сумарокова, написанное къ Бельмонти: въ немъ выражается вполнѣ характеръ Сумарокова, гордый и самолюбивый, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о независимости автора и поэта. (*) Представленіе было сдѣлано въ позоръ Сумарокову. И публика и актеры рѣшились обезобразить вполнѣ трагедію; первая дѣйствительно повторила то, въ чемъ упрекалъ ее Сумароковъ, а послѣдніе умышленно искажали пьесу. Въ самомъ пылу досады поэтъ написалъ *элегію* (**), въ которой выражается состояніе его духа:

Въ сей часъ среди Москвы Синава представляютъ,
И вотъ какъ автора достойно прославляютъ:
Играйте, говорятъ, во мзду его уму,
Играйте накостно за трудъ на зло ему.
Сбираются ругать меня враги и други;
Сіе ли за мои, Россія мнѣ услуги!
Отъ странъ чужихъ во мзду имѣю не сіе:
Слезами я кроплю, Вольтеръ, письмо твое.
. . . . . .
За трудъ мой, ты Москва меня увидишь мертва:
Стихи мои и я наукъ злодѣямъ жертва.

(*) Переводъ его напечатанъ у Глинки, ч. 1-я стр. 101 — 102, а подлинникъ слитографированъ и приложенъ ко 2-й части.

(**) Сочиненія, ч. 9-ая, стр. 93.

Но этою элегіею не кончилось. Сумароковъ жаловался Императрицѣ два раза на Салтыкова, который вскорѣ потомъ навлекъ на себя неудовольствіе ея медленными и слабыми распоряженіями своими во время московской чумы. Екатерина прислала отвѣтъ Сумарокову, доказывающій вполнѣ прекрасный умъ ея. (*) Этотъ печальный эпизодъ изъ жизни Сумарокова, усилившій еще болѣе увеличивавшееся съ лѣтами его раздраженіе, былъ началомъ многихъ бѣдъ и неудачъ, которыя скопились подъ конецъ жизни надъ головою Сумарокова.

Мы не знаемъ содержанія жалобъ Сумарокова Императрицѣ, но, судя по строгому отвѣту ея, можемъ догадаться въ чемъ они состояли. До насъ дошли отрывки изъ прошенія его, поданнаго Государынѣ. Принадлежатъ ли они къ этому, въ которомъ онъ жалуется

(*) См. Бантышъ Каменскій — біографію Сумарокова. Этотъ отвѣтъ напечатанъ и у Глинки, ч. 1-я, стр. 94 — 96 (французскій подлинникъ и переводъ). — Гриммъ, въ перепискѣ своей, разсказываетъ однакожь причину жалобъ Сумарокова Екатеринѣ на Салтыкова иначе и анекдотъ, приведенный имъ, хотя и не можетъ служить къ чести Сумарокова, но вѣроятенъ. Дѣло въ томъ, что Сумароковъ, находясь въ ссорѣ съ главною актрисою, во время представленія взбѣжалъ на сцену, схватилъ ее за трагическіе доспѣхи и выбросилъ за кулисы. См. «Казанскія Извѣстія,» 1819 г., № 2-й, стр. 6. Этотъ анекдотъ, разсказанный Гриммомъ, подтверждается также и статьею, напечатанною въ «Трудахъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любителей Отечественной Словесности (Соревнователь Просвѣщенія,», С. П. Б. 1819. Ч. VI, стр. 220—222. и подписанною буквами А. Р. Въ слѣдствіе насмѣшекъ, которыя посыпались на Сумарокова послѣ отвѣта Екатерины, онъ написалъ басню: *Кукушки*, а не Кукушку, какъ сказано въ этой статьѣ, начинающуюся такъ:

Намѣсто соловьевъ кукушки здѣсь кукуютъ
И *гнѣвомъ милости Діанины толкуютъ*. (Соч., ч. 7-я. стр. 331.)

на графа Салтыкова, или къ другому — неизвѣстно, но въ нихъ, кромѣ прекраснаго опредѣленія истины, заключается еще слѣдующее оправданіе, написанное по видимому въ отвѣтъ на обвиненіе въ сочиненіи пасквиля: « Шествуя по стопамъ Горація, Ювенала, Депрео и Вольтера, имѣлъ ли я нужду въ пасквиляхъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе къ пользѣ публики, нежели пасквиль; можетъ ли человѣкъ, снабдѣнный оружіемъ, ухватиться во время защищенія за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ, вмѣсто сатиры и комедіи, за пасквиль!» (*)

Показавъ театральную дѣятельность Сумарокова, его отношенія къ представителямъ тогдашней сцены, намъ необходимо показать здѣсь тѣ отношенія, въ которыхъ находился онъ къ современнымъ ему русскимъ литераторамъ. На этихъ отношеніяхъ лежитъ печать смѣшнаго, передаваемая по преданію. Существуетъ довольно анекдотовъ, гдѣ Сумароковъ является въ невыгодномъ свѣтѣ. Эти анекдоты иными разсказываются съ большою любовію и подробностями, другіе умалчиваютъ обо всѣхъ дурныхъ сторонахъ того общества, считая ихъ страшными пятнами на репутаціи писателя, оскорбляющими даже гордость народную. Но обѣ эти стороны, кажется, несправедливы. Есть примиритель самый вѣрный противоположныхъ взглядовъ на человѣка: это примиритель всѣхъ

(*) «Памятникъ отечественныхъ музъ». Альманахъ на 1827 годъ — Бориса Федорова. С. П. Б. 1827. Стр. 101.

борющихся сторонъ существующаго — время. Трудно обвинять человѣка въ тѣхъ порокахъ, которые принадлежатъ современному ему развитію общества. Человѣкъ — существо не отдѣльное: всѣми сторонами своего бытія онъ принадлежитъ къ извѣстной почвѣ, дающей содержаніе для жизни. Развѣ можно нравственнымъ образомъ казнить человѣка за то только, что онъ вѣрный выразитель необходимо входящихъ въ него началъ? Посмотримъ же на Сумарокова, какъ на одного изъ представителей литературной дѣятельности въ Россіи въ половинѣ XVIII вѣка, взглянемъ на него въ кругу подобныхъ ему людей. Это дастъ намъ поводъ распространиться вообще о тогдашнемъ литературномъ обществѣ. Картина его была бы любопытна, еслибъ можно было изобразить ее вполнѣ, по современнымъ свѣдѣніямъ.

Пушкинъ, котораго сужденія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ показываютъ удивительный литературный тактъ, какое-то ясновидѣніе поэта, угадывающаго иногда инстинктивно личности, сказалъ нѣсколько словъ и о Сумароковѣ. «Сумароковъ, говоритъ онъ, былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина его дразнили, подстрекали, забавлялись его выходками. Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изъ подтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ иного покроя, и проч.» (*) Мы можемъ однакоже видѣть изъ

(*) «Сочиненія А. Пушкина,» т. XI, стр. 32.

современныхъ, хотя и скудныхъ извѣстій, что въ этихъ словахъ мало правды. Невозможно упускать изъ виду исторической точки зрѣнія и то, что теперь кажется намъ страннымъ, было тогда естественнымъ и необходимымъ условіемъ времени. Писатель прошлаго вѣка у насъ былъ существо еще непонятое. Общество смотрѣло на него безъ сочувствія, а иногда съ насмѣшкою. Оно терпѣло его болѣе для забавы своей и не давало ему почетнаго мѣста. Поэтъ, для того, чтобъ не попасть въ окончательный загонъ, изъ тѣхъ прекрасныхъ сферъ, куда уносила его творческая фантазія, гдѣ онъ видѣлъ одни высокіе, благородные идеалы, долженъ былъ спускаться на землю, писать стихи на фейерверочные огни торжествъ, на дачи вельможъ, выстроенныя въ окрестностяхъ Сѣверной Пальмиры, на выздоровленіе мецената и проч. Между поэзіею и дѣйствительною жизнію не было связи. Еще одна причина раздѣляла писателей и общество. Это была, странно сказать, наука, одна выдвигающая впередъ писателя. Въ незрѣлыхъ обществахъ на науку смотрятъ съ какой-то враждебной стороны; нѣмой ли упрекъ пустотѣ жизни видятъ въ ней, или пугаются ея, какъ неизвѣстной, таинственной и непонятной силы. Общество тогда упрекаетъ науку въ педантствѣ, забывая, что и у него есть своего рода педантство, которому трудно подчиниться: это тѣ мелкія условія приличій, основывающіяся не на нравственномъ и тонкомъ чувствѣ, а на обычаѣ, исчезающія въ развитомъ обществѣ. Отъ чего не примириться съ тѣми особенными формами, въ которыя по необходимости должна облечься наука и которыя укорительно называются педантическими. Великое проявленіе жизни не похоже

на другое, каждое имѣетъ свою форму, ему свойственную. Развѣ можно называть Ломоносова педантомъ, когда онъ приноситъ къ намъ лучи міровой науки, славу и гордость тогдашней Европы, и является пылкимъ и увлекающимся рыцаремъ этой молодой, невиданной еще у насъ гостьи?

Живя въ отчужденіи отъ общества, писатели необходимо должны были подчиниться всѣмъ невыгоднымъ условіямъ этого уединенія. Въ уединеніи развиваются многіе пороки, исключительно ему свойственные и исчезающіе при жизни въ обществѣ, при соприкосновеніи съ людьми. Понятія о нравственности въ обоихъ случаяхъ бываютъ различны; при томъ же вообще въ половинѣ XVIII вѣка въ Россіи они не походятъ на наши. Обвинять ли нашихъ писателей того времени за это отчужденіе отъ общества, когда они въ немъ не виноваты? Писатель въ обществѣ долженъ быть уважаемъ по личнымъ достоинствамъ своимъ, а отъ него требовали, какъ это всегда происходитъ въ молодыхъ обществахъ, породы, богатства, презрѣнія къ наукѣ. Обвинять ли нашихъ писателей за грустныя слѣдствія уединенія? Но, подчинясь формѣ жизни, необходимо подчиниться и слѣдствіямъ ея. Не мудрено, такимъ образомъ, было появиться въ этомъ отдѣльномъ, уединенномъ кружкѣ литераторовъ нашихъ прошлаго вѣка спорамъ и враждамъ, возникавшимъ въ слѣдствіе литературныхъ отношеній. Домашнія распри ихъ любопытны въ своемъ родѣ и мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, въ которыхъ болѣе отражается время и современная литература.

Разъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный своими переводами, нелѣпымъ «Опытомъ повѣство-

ванія о Россіи», большой поклонникъ Сумарокова и, не смотря на свое придворное значеніе, любившій общество писателей, ему современныхъ, написалъ «Сатиру на петиметра и кокетокъ.» Сатира эта до крайности добродушна, содержаніе ея пусто, потому что нападенія мелки, и, написанная языкомъ тяжелымъ, она не могла ни на кого имѣть вліянія. Но начало ея, состоящее изъ панегирика Сумарокову, котораго Елагинъ называетъ:

Паперсникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ,
Защитникъ истины, гонитель, бичъ пороковъ,
Благій учитель мой....

возбудило почему-то негодованіе Ломоносова. Въ письмѣ своемъ къ кому-то онъ нападаетъ не столько на эту жалкую сатиру Елагина, сколько на неумѣренныя похвалы его Сумарокову, и при этомъ ѣдко острится на счетъ послѣдняго. (*) Литературное дѣло о произведеніи Елагина пошло дальше. Тредьяковскій, въ свою очередь, написалъ возраженіе въ стихахъ на него, въ ему свойственномъ дикомъ родѣ. Ломоносовъ написалъ эпиграмму на Елагина, гдѣ на нескромномъ языкѣ того времени называетъ его «балабаномъ». Нѣсколько другихъ ненавѣстныхъ литераторовъ напали съ ожесточеніемъ на бѣднаго Елагина. Въ этихъ нападеніяхъ видны нецеремонная и ничѣмъ неприкрытая брань и самыя пошлыя ругательства, до которыхъ могли унижаться люди съ такимъ талантомъ, какой былъ у Ломоносова. Эта легкая перестрѣлка не имѣетъ

(*)«Сочиненія Ломоносова». Изданіе Смирдина. Т. I. стр. 708—711.

никакого литературнаго значенія, но въ историческомъ отношеніи очень любопытна. Она показываетъ, до какой степени доходило самолюбіе писателей, увеличенное и раздутое еще ихъ уединеннымъ положеніемъ касты. Это литературное дѣло запутывалось больше и больше, подобно Гордіеву узлу; наконецъ его разсѣкъ новый Александръ Македонскій — какой-то поручикъ Бр.... Послѣ его длинной сатиры, гдѣ досталось и тѣмъ и другимъ, дѣло замолкло. Она начинается слѣдующими справедливыми стихами:

Довольно не могу я людямъ надивиться,
Которые хотятъ сатирой возноситься,
Напрасные труды къ тому употребя,
Ругаючи другихъ, находятъ въ ней себя.
Какова ждать должна сатира та успѣха,
Кромѣ обратнаго ругательства и смѣха. (*)

(*) Эти подробности заимствованы изъ рукописи in. 4°, находящейся въ библіотекѣ Казанскаго Университета. Она любопытна, какъ сборникъ нѣкоторыхъ непечатныхъ фактовъ русской литературы второй половины XVIII столѣтія. Неизвѣстный собиратель, жившій по видимому въ концѣ прошлаго вѣка, задалъ себѣ цѣль собрать сатирическія, личныя нападенія другъ на друга тогдашнихъ писателей, гдѣ они не церемонились между собою. Вѣроятно эти нападенія интересовали любителей. Но для насъ они не имѣютъ того интереса, какой тогда имѣли, за то чрезвычайно любопытны въ историко-литературномъ отношеніи. Здѣсь можно найти такія подробности, которыя неизвѣстны историкамъ нашей литературы. Попадаются даже стихотворные портреты писателей, писанные впрочемъ не совсѣмъ дружелюбными красками. Однимъ словомъ, открывается вся закулисная жизнь писателей. Къ сожалѣнію самъ собиратель, или писецъ, при красотѣ почерка, не соединялъ познанія грамматики, а потому очень часто совсѣмъ нельзя добраться до настоящаго смысла стиха.

Сумароковъ не принималъ участія въ этой перебранкѣ.

Были и другія литературныя распри, побуждавшія писателей того времени къ ѣдкимъ нападеніямъ другъ на друга. Къ сожалѣнію, надобно прибавить, что источникъ ихъ былъ очень мелокъ и литературная буря эпиграммъ, грубыхъ по чувству и выраженію, казалась бурею въ стаканѣ воды. (*)

Представители нашей литературы XVIII вѣка — Ломоносовъ и Сумароковъ — рѣдко сходились между собою. Большею частію они жили не въ ладахъ и эта взаимная вражда, по преданіямъ, доходила до смѣшнаго. Анекдоты относительно примиренія ихъ, задуманнаго И. И. Шуваловымъ, имѣютъ общую извѣстность; но не надобно забывать также, что знаменитый меценатъ — вельможа любилъ и подразнить ихъ — для своего удовольствія. «Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ короткое знакомство и ежедневное обхожденіе», говоритъ Сумароковъ. (**) Онъ же въ своей статьѣ: «О правописаніи», говоритъ, что Ломо-

(*) Нѣкоторыя подробности тогдашнихъ распрей писателей между собою можно найти въ той же рукописи Казанскаго Университета. Въ этомъ собраніи помѣщена любопытная ода Сумарокова, имѣющая отношеніе къ одному изъ извѣстныхъ непечатныхъ стихотвореній Ломоносова. Въ ней много соли и злости, направленныхъ на противниковъ Ломоносова. Тутъ же сохранилось нѣсколько эпиграмматическихъ стихотвореній Ломоносова, открывающихъ новую, болѣе живую сторону въ его стихотворномъ талантѣ. Между ними есть и неудобныя для печати. Въ недавнее время съ четырьмя эпиграммами Ломоносова познакомилъ русскую публику Г. Шевыревъ. См. «Москвитянинъ» 1834 г. № 1 и 2. Историческіе матеріалы. Двѣ изъ нихъ относятся къ Сумарокову и Тредьяковскому.

(**) Соч. Ч. 9-я; стр. 210.

носовъ принялъ его мнѣніе о правописаніи буквъ И и І, но не успѣлъ согласиться «по частымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ.» (*) Обращаясь къ тѣни Ломоносова, по поводу искаженнаго изданія сочиненій послѣдняго, по смерти его, въ чемъ Сумароковъ видитъ наказаніе за распри его съ нимъ, онъ говоритъ, что онъ «участныя имѣя со мною распри, часто мнѣ противоборствовалъ и въ правописаніи, и въ другомъ касающемся языка, въ чемъ мы прежде нашихъ участныхъ ссоръ и распрей всегда согласны были: и когда мы другъ отъ друга совѣты принимали, ругался несмысленнымъ писателямъ, которыхъ тогда еще мало было и переводу Аргениды». (**) — «Жаль того, что въ какое время мы съ нимъ были пріятели и ежодневные собесѣдники: и другъ отъ друга здравые совѣты принимали. Я самъ тогда тонкость стихосложенія незналъ.» (***) Любопытно это свидѣтельство Сумарокова о прежней дружбѣ его съ Ломоносовымъ. Мы разберемъ въ послѣдствіи, справедливы ли критическія нападенія Сумарокова на своего противника. Въ наше время можно и должно отдѣлять личность писателя отъ его литературныхъ трудовъ. Въ то время было совсѣмъ напротивъ: критикъ считался личнымъ врагомъ, а разборъ сочиненія, даже справедливый, но строгій, казался бранью. Не мудрено, что Ломоносову критическія выходки Сумарокова казались оскорбленіемъ и онъ считалъ позоромъ примиреніе съ нимъ, о чемъ старался Шуваловъ. Въ

(*) Сочин. Ч. 10, стр. 16.
(**) Ibid. Ч. 10, стр. 23.
(***) Ibid, стр. 32.

извѣстномъ письмѣ своемъ къ Шувалову онъ желчно отзывается о литературномъ врагѣ своемъ, который «бѣдное свое ремесленство выше всего человѣческаго знанія ставитъ» (*) Ломоносовъ смотрѣлъ на литературу слишкомъ съ отдаленной точки зрѣнія. Для него, жреца и страстнаго поклонника науки, литература была мелкимъ дѣломъ, а для Сумарокова цѣлою жизнію. Въ наукѣ же Ломоносовъ былъ страшный монополистъ, какъ свидѣтельствуетъ Шлецеръ; онъ не терпѣлъ никого, кто брался за одно съ нимъ дѣло. Самолюбіе и гордость его доходили до высшей степени и подчиненные трепетали передъ нимъ. Въ Академіи, гдѣ онъ былъ главнымъ, самовластіе его доходило до грубости и бѣдные Нѣмцы-академики, дѣйствовавшіе противъ него болѣе скрытыми и тайными путями, дрожали передъ этою широкою вспыльчивою натурою, разыграться которой позволяли обстоятельства времени и неразвитое состояніе общества. (**) Для того, чтобы возстать противъ такого сильнаго соперника, надобно было Сумарокову имѣть много увѣренности въ себѣ, силы и независимости сужденія. Впрочемъ Сумароковъ дѣйствовалъ довольно открыто и печатно нападалъ на Ломоносова, хотя часто мелки были его нападенія, особенно тамъ, гдѣ онъ толкуетъ о грам-

(*) «Сочиненія Ломоносова». Изданіе Смирдина. Т. 1-й, стр. 680.

(**) Oft kam er berauscht zu seinen Geschäften in die Canzlei und Conferenz: seine ihm, auch wenn er nüchtern war, natürliche Grobheit ging nun in Wildheit über; da riss er in offner Conferenz Blätter aus dem Protocoll (aus Müllers Munde), alles zitterte vor dem Gewaltigen, niemand getraute sich dem Betrunkenen die Thüre zu weisen. Schlözer's: «Oeffentliches und Privat-Leben». Erstes Fragment. Götting. 1802. S. 220. Abschn.

матикѣ. За то въ непечатной литературѣ того времени мы не нашли ни одной эпиграммы на Ломоносова. Вѣроятно ко времени дружбы его съ знаменитымъ лирикомъ относится извѣстный стихъ его:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!

Но уже потомъ иначе отзывался о немъ Сумароковъ:

Одинъ (Лом.), послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ. (*)

Въ своихъ «вздорныхъ одахъ» Сумароковъ и удачно и остро пародировалъ великолѣпныя, высокопарныя строфы Ломоносова; онъ смѣялся надъ нимъ. (**) Все это раздражало Ломоносова, который вовсе не принадлежалъ къ числу «незлобивыхъ поэтовъ» и онъ написалъ злую эпиграмму на Сумарокова по случаю дружбы его съ Тредьяковскимъ. (***) Выраженіе въ письмѣ къ Шувалову извѣстно.

Очень любопытно оффиціальное свидѣтельство объ

(*) Соч. Ч. 1-я, стр. 331.

(**) Что Ломоносовъ принималъ на свой счетъ «вздорныя оды Сумарокова, можно видѣть изъ слѣдующаго: когда въ Академіи возникло дѣло по поводу цензурныхъ отношеній Сумарокова, а время изданія имъ «Трудолюбивой Пчелы» въ 1759 году (цензорами были Поповъ, Котельниковъ и Барсовъ), на одномъ изъ донесеній Тауберта въ Канцелярію Академіи, Ломоносовъ своею рукою написалъ: «Его Сіятельство (Президентъ) вздорныхъ одъ вносить не приказалъ. Что велѣть исполнить Барсову». — Вотъ какъ распоряжался совѣтникъ Академіи.

(***) Москвитянинъ 1851 г. № 1 и 2. Историческіе матеріалы. Стр. 2 и 3. (Злобное примиреніе.)

отношеніяхъ Сумарокова къ Ломоносову. По видимому они старались мстить другъ другу всѣми возможными средствами. Трагедіи Сумарокова были печатаны отъ Академіи и на счетъ ея. Ломоносовъ, желая вѣроятно досадить Сумарокову, написалъ, какъ членъ Академіи, въ Государственную Штатсъ-Контору, отъ которой зависѣлъ Сумароковъ въ качествѣ директора театра, «промеморію». Въ ней онъ требуетъ, чтобъ изъ жалованья Сумарокова вычтены были слѣдующія за напечатаніе трагедіи деньги. Сумароковъ написалъ на эту промеморію «доношеніе» въ Штатсъ-Контору, въ которомъ просилъ не удерживать жалованья по просьбѣ Ломоносова. Все доношеніе направлено на этого врага его литературнаго. «А оный Ломоносовъ, говоритъ Сумароковъ, яко человѣкъ, на котораго я имѣю подозрѣнія, по челобитью моему, въ силу указовъ, какъ извѣстный мнѣ злодѣй, будетъ отъ моихъ дѣлъ отрѣшенъ. Оный Ломоносовъ можетъ быть принялъ дерзновеніе дѣлать таковыя на меня нападенія отъ того, что онъ часто отъ пьянства сходитъ съ ума, что всему городу извѣстно и (какъ уповательно) то онъ ту промеморію написалъ на меня въ обыкновенномъ своемъ безуміи.... Всегда и часто съ ума сходящій Ломоносовъ не можетъ повелѣніемъ своимъ ни одной полушки удержать изъ моего жалованья, хотя бы онъ и въ цѣломъ умѣ былъ; потому что я свое жалованье получаю по именному Ея Императорскаго Величества указу и служу отъ начала службы моей безпорочно. А онъ Ломоносовъ таковыя въ пьянствѣ дерзновенія дѣлалъ не однократно, за что содержался нѣсколько времени подъ карауломъ и отрѣшенъ былъ отъ присутствія конференціи. А что онъ не въ полномъ разумѣ, въ томъ

я свидѣтельствуюсь сочиненною имъ риторикою и грамматикою» (*)!

Почти въ тѣхъ же, даже можетъ быть еще болѣе рѣзкихъ отношеніяхъ, судя по печальному для обоихъ писателей анекдоту, дошедшему до насъ (**), находился Сумароковъ и къ Тредьяковскому. Характеръ послѣдняго, бѣднаго и жалкаго піиты, представляетъ совершенную противоположность характеру Ломоносова; онъ вполнѣ выражается въ его литературныхъ произведеніяхъ. Загнанный и запуганный въ общественныхъ отношеніяхъ, предметъ смѣха для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній, бездарный труженикъ безсознательнаго труда, Тредьяковскій, подобно всѣмъ тогдашнимъ писателямъ, былъ самолюбивъ и раздражителенъ до высокой степени тамъ, гдѣ затрогивались не убѣжденія, которыхъ собственно не было, а плоды его литературной дѣятельности. Исторія его съ Волынскимъ, которая могла бы убить человѣка съ чувствомъ, но лишеннаго средствъ дѣйствовать и защищать себя, кончилась полученіемъ *бичестія*, вѣроятно успокоившаго и совѣсть и самолюбіе поэта. Такъ мало было нравственнаго развитія въ ту эпоху, въ чемъ разумѣется виноваты не люди, а время. За то между своей братьей писателями, съ которыхъ можетъ быть нечего было взять, Тредьяковскій бранился безпощаднымъ образомъ. Къ мертвымъ и живымъ относилась его

(*) «Литературная Газета» Барона Дельвига 1830 г. Т. I-й. № 28. Стр. 223.

(**) «Избранныя сочиненія Тредьяковскаго», изданіе Царевѣсскаго. Стр. XX.

грубая брань. (*) Таково ужь время было тогда. Невозможно теперь добраться до дѣйствительныхъ причинъ ссоръ тогдашнихъ писателей между собою. Пустыя и ничтожныя, вѣроятно всѣ онѣ выходили изъ одного общаго источника — самолюбія. Сумароковъ нѣсколько разъ ссорился съ Тредьяковскимъ, а Ломоносовъ смѣялся громко и ѣдко надъ обоими, и надъ ихъ ссорами и надъ ихъ примиреньями. Но и въ свою очередь Ломоносовъ огорчался нападеніями Тредьяковскаго, даже мнимыми, даже существующими только въ воображеніи его, какъ напр. статьею его «о Мозаикѣ», напечатанною въ журналѣ Сумарокова «Трудолюбивая Пчела».

Критика Тредьяковскаго, въ которой было довольно правды, потому что Тредьяковскій глубже всѣхъ своихъ современниковъ зналъ теорію, задѣвала за живое Сумарокова. «Очень это смѣшно и ясно, говоритъ онъ, что онъ превеликою надутъ на меня злобою, да на меня ль одного? на весь свѣтъ: за то что его сочиненій никто не хвалитъ, а паче тѣ, которымъ они на разсмотрѣніе даются, можно ли ихъ напечатать позволить. Что жь касается до меня, меня онъ всѣхъ пуще не любитъ за нѣкоторые въ одной моей эпистолѣ стихи и за комедію, которую онъ беретъ на свой счетъ. Пускай его беретъ, а я въ томъ что не къ нему то сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотябъ то и о немъ было; однако я не говорю, что то о немъ писалъ; можетъ быть о немъ, а можетъ быть и не о немъ. А онъ точно во всей своей критикѣ не милосердо меня бра-

(*) Рукопись Казанскаго Университета.

нить изволитъ, какъ нигдѣ никого не критикуютъ, только отъ него все сносно.» (*) Сумароковъ вывелъ своего критика въ лицѣ жалкаго и неестественнаго педанта Трессотиніуса въ комедіи того же имени. Комедія эта ничтожна по своему содержанію, но Тредьяковскій въ Трессотиніусѣ, недущемъ мелкіе споры о буквѣ Т, узнавалъ себя и сердился, а этого было довольно для Сумарокова. Но и оскорбленный педантъ мстилъ за себя по своему: рукописныя эпиграммы его на своего литературнаго врага отзываются особенною грубостію и злобою.

Вражду свою съ Сумароковымъ Тредьяковскій забылъ, однакожъ, умирая. Первое изданіе трагедіи послѣдняго «Деидамія», напечатанное уже послѣ смерти его въ 1775 году, Москва, 8°, посвящено Сумарокову, съ прибавленіемъ: «по завѣщанію сочинителя, въ знакъ вѣчныя памяти, посвящается.» Это только одинъ извѣстный намъ фактъ изъ завѣщанія Тредьяковскаго.

Изъ этого можно видѣть, какъ вообще неделикатны были отношенія. Къ литературѣ примѣшивалось все не литературное, или скорѣе о самой литературѣ-то и забывали. Сумароковъ и дружился и бранился съ Тредьяковскимъ безпрестанно. И ссора и миръ были чисто случайными, выходили изъ раздраженнаго, мелкаго самолюбія. Здѣсь, въ этихъ жалкихъ распряхъ, забывалось достоинство писателя, страдало нравственное чувство Печально это явленіе въ нашей литературѣ, грустно упоминать объ немъ, но есть по крайней мѣрѣ оправданіе — во времени, создавшемъ эти явленія, и

(*) Сочин. Ч. 10. стр. 101.

въ обществѣ, которое смотрѣло съ своей точки зрѣнія на литературу и науку.

Характеръ Сумарокова, раздражительный и мелкій до крайности, доводилъ его до ссоръ со многими. Мы не знаемъ ни одного современнаго литератора, съ которымъ бы онъ не побранился. Въ запискахъ Порошина, бывшаго дядькою у Великаго Князя и Наслѣдника Престола Павла Петровича, часто упоминается о Сумароковѣ, приходившемъ обѣдать къ Великому Князю для свиданія съ Панинымъ. Но всякій разъ Сумароковъ является съ отличительными чертами собственнаго характера. То разсказываетъ онъ о ссорѣ своей съ писателемъ Эминымъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить, или «о побранкахъ съ Оберъ-Маршаломъ Сиверсомъ» (*), то упоминается о ссорѣ его съ графиней Бутурлиной въ Москвѣ. (**) Иногда, какъ за рѣдкость, Порошинъ говоритъ: «Александръ Петровичъ смиренъ былъ. Поговорилъ только нѣсколько о безграмотствѣ и о плутняхъ подъячихъ.» (***) Непримиримость Сумарокова выказывалась на каждомъ шагу. Къ чести его есть основанія думать, что эта непримиримость, это осужденіе другихъ и вѣчныя нападенія, выходили часто изъ сознательнаго чувства истины.

Но и Сумарокову доставалось. Лукинъ, секретарь Елагина, авторъ нѣсколькихъ комедій, оскорбленный можетъ быть тѣмъ диктаторскимъ тономъ, какой любилъ принимать на себя Сумароковъ, смѣялся надъ нимъ въ глаза. Но никто не умѣлъ такъ досадить Сумароко-

(*) «Записки Порошина,» С. П. Б. 1842. 8°. Стр. 5.
(**) Ibid., стр. 116.
(***) Ibid., стр. 371.

кову, какъ знаменитый Барковъ, Аретинъ того времени. Его непечатныя пародіи трагедій перваго имѣютъ своего рода обширную извѣстность.

Что касается до другихъ современныхъ писателей, то всѣ они были моложе Сумарокова, а потому имя его было для нихъ авторитетомъ, который долго оставался незыблемымъ. Между ними, по характеру своихъ произведеній, по плодовитости, даже по мѣсту воспитанія, ближе всѣхъ былъ къ нему Херасковъ. Онъ смотрѣлъ на Сумарокова, какъ на учителя, какъ на образца въ литературѣ. Сумароковъ поощрялъ талантъ жены его, Е. В. Херасковой, женщины — поэта того времени, которую Новиковъ называетъ «россійской де ла Сюзою.» Стихи этой «стихотворицы Московской», которой Сумароковъ совѣтуетъ «дать увидѣть въ себѣ Россамъ Сафу нову» погибли въ рѣкѣ забвенія, подобно многимъ другимъ. Странное дѣло: русская литература изобиловала въ то время поэтами, такъ что они могли считаться не плеядами, а миріадами, а много ли именъ вошло въ исторію нашей литературы? Всякій, кто только умѣлъ писать, хлопоталъ объ одѣ, трагедіи, эпопеѣ. За то произведенія этихъ поэтовъ, удовлетворявшихъ можетъ быть формою современниковъ, не существуютъ для нашего времени. Всѣ они страшно бѣдны содержаніемъ, взятымъ не изъ окружающей поэта дѣйствительности, а Богъ знаетъ откуда. Кто напр. знаетъ теперь Майкова, поэта въ свою пору очень извѣстнаго, принадлежавшаго, по свидѣтельству Новикова, къ числу лучшихъ нашихъ стихотворцевъ? Сумароковъ въ посланіи своемъ къ нему говоритъ, что онъ будетъ

. . . . на верхахъ Парнаса неотложно.

Знаменитый Дидро, бывшій въ 1773 году въ Петербургѣ, думалъ видѣть въ Майковѣ писателя оригинальнаго, потому что послѣдній не былъ знакомъ съ иностранными языками. Наивный философъ не зналъ, что такая оригинальность — мнимая. Содержаніе трагедій Расина, эти великолѣпныя формы псевдо-классической поэзіи, съ которыми такъ ратовалъ Дидро, пройдя сквозь поэтическую дѣятельность Сумарокова, перешли къ Майкову уже въ измѣненномъ, болѣе блѣдномъ видѣ. Какъ Сумароковъ ставилъ себѣ за честь подражать Расину, такъ Майковъ подражалъ своему учителю — Сумарокову.

Между тогдашними писателями Сумароковъ болѣе всего уважалъ двухъ: Козицкаго и Мотониса, можетъ быть потому, что они принадлежали къ самымъ образованнымъ людямъ того времени. Они участвовали въ журналѣ его; на ихъ судъ, въ дѣлѣ литературной критики, онъ много разъ ссылается съ полною довѣренностію. Оба они были сначала академическими переводчиками, путешествовали за границею, знали языки классическіе и новые. Козицкій, соединявшій съ обширными свѣдѣніями и страсть къ литературѣ, извѣстенъ какъ издатель сатирическаго журнала «Всякая всячина», о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Императрица Екатерина, имѣвшая прекрасный даръ открывать таланты полезные государству, сдѣлала его своимъ статсъ-секретаремъ. Новиковъ сожалѣетъ, что служебныя занятія отвлекли его отъ литературныхъ. О Мотонисѣ почти ничего неизвѣстно.

Княжнинъ, представитель дальнѣйшаго развитія въ нашей литературѣ, но все еще шедшій по слѣдамъ Сумарокова, подчинялся совершенно его авторитету.

Въ дѣлѣ искусства Сумароковъ былъ тогда судьею, на котораго не могло быть апелляціи. Современники разсказываютъ, съ какимъ почтеніемъ поднесъ Княжнинъ свою «Дидону» «отцу россійскаго театра», ожидая отъ него приговора. Сумароковъ былъ чуждъ зависти въ этомъ дѣлѣ и съ восторгомъ и любовію принялъ того, кто такъ ревностно шелъ по слѣдамъ его. Дружескія отношенія стараго поэта къ молодому трагику скрѣпились въ послѣдствіи времени семейною связью: Княжнинъ женился на дочери Сумарокова, принадлежавшей тогда тоже къ числу женщинъ-поэтовъ. Современники говорятъ о дочери Сумарокова, какъ о чудѣ красоты, образованія и поэтическаго таланта. Въ журналѣ отца своего она помѣщала стишки, но напрасно современный читатель будетъ искать въ этихъ стихахъ того, что интересовало доброе старое время. Очарованіе отлетѣло вмѣстѣ съ временемъ и мы не понимаемъ прежняго восторга.

Молодой Аблесимовъ, писатель quasi — оригинальный, что было большою рѣдкостію для тогдашняго времени, когда все, что только писало, подражало иностраннымъ образцамъ, жилъ и служилъ при Сумароковѣ. Трудно думать, что переписываніе стиховъ своего покровителя пробудило въ немъ поэтическій талантъ: такъ разнообразны ихъ направленія. «Мельникъ», составившій славу Аблесимова, былъ впрочемъ игранъ на театрѣ и напечатанъ уже послѣ смерти Сумарокова. Аблесимовъ, какъ говорятъ современники, былъ крестникомъ Сумарокова, который звалъ его своимъ *чернильнымъ сынкомъ*. Заслуженный творецъ трагедій, для котораго литература представлялась въ размѣрахъ большихъ, въ формахъ торжественныхъ,

смѣялся надъ Аблесимовымъ, говоря про него, что онъ началъ писать *разную стихотворную мелочь и — оды ты пожалуй! даже сказки.* Все это дѣйствительно казалось ему мелочью. Аблесимовъ участвовалъ и въ журналѣ своего покровителя, помѣщая въ немъ элегіи, идилліи и проч. Но на всемъ этомъ не лежитъ печать оригинальности, своеобразности. Произведенія этого писателя походятъ совершенно на произведенія другого и отличить ихъ не возможно. Въ деревнѣ Сивцово, Тарусскаго уѣзда, принадлежавшей Сумарокову, были устроены домашніе спектакли, гдѣ Аблесимовъ былъ и актеромъ и суфлеромъ. Въ послѣдствіи, когда онъ служилъ при московской полиціи, товарищи по службѣ называли его *полицейскимъ Сумароковымъ.* (*)

Державинъ, принадлежавшій къ молодому поколѣнію, въ свою очередь не остался чуждымъ, въ отношеніяхъ своихъ, Сумарокову. Кромѣ словъ Пушкина, приведенныхъ выше и неоправданныхъ другими свидѣтельствами, до насъ дошло и печатное преданіе, что Державинъ, въ слѣдствіе Сумароковской басни: *Кукушки,* упомянутой нами уже, написалъ на него свою

(*) Статья Макарова въ «Репертуарѣ русскаго театра» 1840 года. Это единственная нѣсколько полная статья объ Аблесимовѣ, хотя свѣдѣнія, передаваемыя ею нѣсколько сомнительны и необходимо требуютъ критики. Лицо Аблесимова и его дѣятельность, въ которой по видимому было много оригинальной жизни, для насъ не совсѣмъ ясно. Его большая комедія «Подъяческая пирушка», никогда ненапечатанная и извѣстная по слухамъ только, должна заключать въ себѣ много подробностей, любопытныхъ какъ характеристика времени и общественнаго быта у насъ въ прошломъ вѣкѣ. Въ современной журналистикѣ Аблесимовъ былъ цѣлію нападеній тогдашнихъ полемистовъ и самъ нападалъ, въ особенности на литературнаго врага своего — Лукина.

басню, гдѣ выставилъ его въ образѣ сороки. Эта басня оканчивалась такъ:

Сорока что соврет,
То все слывет сорочій бредъ.

Она не находится въ собраніяхъ сочиненій Державина и распространилась въ самую раннюю пору литературной извѣстности его съ полписью Г. Д., такъ что Сумароковъ считалъ ее сочиненіемъ малоизвѣстнаго молодого поэта того времени — Гавриды Дружерукова, и побранился съ нимъ по своему. Дружеруковъ забылъ непыльчивую выходку старика, послѣ смерти его, и участвуя деньгами въ его погребеніи, написалъ въ честь его стихи: «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Сумарокова съ Ломоносовымъ.» (*)

Показавъ, сколько позволяли намъ скудныя современныя свидѣтельства, отношенія Сумарокова къ своимъ сподвижникамъ въ литературной дѣятельности, намъ нужно теперь сказать нѣсколько словъ о явленіи, исключительно принадлежащемъ тому времени и исчезнувшемъ въ наше, именно о *меценатствѣ*. Но здѣсь недостатокъ литературныхъ фактовъ, очень небольшое количество похвальныхъ стиховъ, состоящее изъ двухъ, трехъ, напечатанныхъ въ собраніи сочиненій Сумарокова, заставляетъ смотрѣть на него совсѣмъ иными глазами, нежели обыкновенно привыкли. Сума-

(*) «Труды Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1819 года, ч. VI, стр. 222.

роковъ не былъ льстецомъ — это достовѣрно. Его рѣзкій, независимый умъ, ѣдкость сужденія и осужденія, ставили его въ открытую оппозицію со многимъ. При такомъ характерѣ, какой былъ у него, трудно представить, чтобъ онъ могъ унизиться. По этому слова Пушкина: «Сумароковъ былъ шутомъ у тогдашнихъ вельможъ», кажутся несправедливыми. Къ тому же меценатство того времени имѣло много хорошихъ сторонъ, особенно при томъ младенчествующемъ состояніи, въ какомъ были наше общество и наша литература. Вельможа-меценатъ, подобный И. И. Шувалову, былъ явленіемъ и отраднымъ и полезнымъ тогда. Потомство всегда съ благодарностію помянетъ его имя. Онъ отличался умомъ развитымъ и образованнымъ, на сколько можно было развиться тогда въ обществѣ самыхъ блестящихъ представителей умственнаго развитія XVIII вѣка. На науку смотрѣлъ онъ съ уваженіемъ: доказательствомъ служитъ основаніе Московскаго Университета — мысль Шувалова, и близкія отношенія къ Ломоносову, который высказывалъ ему порою горькую правду. Шуваловъ, при томъ разстояніи, которое было тогда между нимъ, сильнымъ вельможею, родственникомъ временщиковъ, и бѣднымъ поэтомъ-простолюдимомъ, не оскорблялся этою правдою. Литературѣ нашей нужно было тогда покровительство: цвѣтокъ, пересаженный насильственно, хотя и въ здоровую, крѣпкую и дѣвственную почву, она развивалась медленно; существованіе ея было непрочно. Стоило только бросить безъ вниманія этотъ цвѣтокъ и онъ погибъ бы рано, въ періодѣ однолѣтняго цвѣтенія. Не приписывая слишкомъ много Шувалову, потому что все-таки въ литературѣ, каково бы ни было ея времен-

ное существованіе, выражаются вѣчныя силы народнаго духа, можно отдать ему полную справедливость за его участіе въ судьбѣ нашихъ писателей. У него не было того узкаго взгляда, который смотритъ на предметы подъ извѣстными условіями, часто съ односторонностію непримиримостію. Не даромъ же Ломоносовъ писалъ ему въ поэтическомъ посланіи, *приписывая* ему, по тогдашнему выраженію, свою поэму «Петръ Великій»:

Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ навсегда защитники такіе,
Каковъ ты Промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.
Благополучная сіяла къ нимъ планета,
Предвозвѣщая плодъ въ твои прекрасны лѣта.
Въ благодѣяніяхъ твои проходятъ дни.
О коль красно цвѣтетъ Парнасъ въ твоей тѣни.
Для музы моея твой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ счастія продли, продли, о Боже! (*)

Шуваловъ походилъ на того вельможу, котораго прекрасный типъ представилъ Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ посланіи. Какое живое участіе принималъ Шуваловъ въ нашей литературѣ, можно видѣть изъ старанія его примирить литературныя знаменитости. Сумароковъ вѣроятно являлся на поклонъ къ нему, но во всемъ собраніи его сочиненій нѣтъ ни одного стихотворенія, *приписаннаго* имъ Шувалову. Этотъ меценатъ кажется исключительно покровительствовалъ Ло-

(*) «Сочиненія Ломоносова», изд. Смирдина. Т. I, стр. 308.

моносову; онъ написалъ даже русскіе стихи къ портрету его.

Сумарокову покровительствовалъ, кажется, особенно графъ Н. И. Панинъ, подъ начальствомъ котораго служилъ и молодой Фонъ-Визинъ. Знаменитый вельможа двора Екатерины смѣялся иногда надъ шутками нашего писателя, когда онъ приходилъ къ обѣденному столу Великаго Князя, гдѣ могъ встрѣтить гофмаршала его. Но никогда эти шутки не выходили изъ границъ приличія и всегда Сумароковъ оставался въ выгодномъ свѣтѣ. Панинъ принадлежалъ къ числу самыхъ свѣтлыхъ умовъ славнаго царствованія. Не даромъ Екатерина В. поручила ему воспитаніе Наслѣдника, надежду огромной Имперіи. Планъ воспитанія, составленный Панинымъ, и самое воспитаніе, ходъ котораго можно видѣть въ любопытныхъ запискахъ Порошина, дѣлаютъ много чести благородному Панину. Его щедрая награда секретарямъ, когда онъ, по окончаніи воспитанія Наслѣдника, раздѣлилъ пополамъ между собою и ими царскую милость, состоявшую изъ 8000 душъ, надѣлала много шуму въ свое время, но доказываетъ его щедрость и то качество въ вельможѣ, когда онъ не подавляетъ эгоизмомъ своимъ труды подчиненныхъ. Его заслуги государству на дипломатическомъ поприщѣ, независимость и самостоятельность мнѣній его, умѣнье говорить истину и спорить даже съ Потемкинымъ, принадлежатъ исторіи. Панинъ позволялъ высказываться передъ собою; его присутствіе не могло отнять у мнѣнія его рѣзкой формы, у обличительной истины — силы сужденія. Вотъ отрывокъ изъ записокъ Порошина, гдѣ является на сцену другое славное тогда лице, котораго филантропическія учре-

жденія, плоды можетъ быть его личныхъ убѣжденій, какъ слѣдствіе его особеннаго положенія въ свѣтѣ, тѣмъ не менѣе принесли пользу Россіи.

«Александръ Петровичъ, разговорясь съ Е. И. Никитою Ивановичемъ о г. Кювильи (человѣкѣ, имѣвшемъ значеніе при Бецкомъ), говорилъ, что онъ . . . . . такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи. Какъ Е. И. Никита Ивановичъ сказалъ ему, что И. И. Бецкій г. Кювильи очень доволенъ и увѣряетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ, то А. П. говорилъ на то: «таковы-то вить и учрежденія В. И.! Вы конечно о нихъ, какъ «разумный человѣкъ по одной наружности судить не будете. «Кювильи надобно метлами отсюда выгнать, а Бецкаго, подъ «присмотромъ прямо разумнаго и основательнаго человѣка, «опредѣлить на мѣсто Кювильи смотрѣть, чтобъ мальчики «были хорошо одѣты и комнаты у нихъ вычищены! Еще «примолвилъ А. П.: есть де нѣкто г. Тауберть; онъ смѣется «Бецкому, что робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. «Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, «которое недавно заведено въ Академіи, воспитываетъ на «языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, продолжалъ А. П. и «Бецкій и Тауберть оба дураки: должно дѣтей воспитывать «въ Россіи на языкѣ россійскомъ.» (*)

Можно видѣть изъ этого, что Сумароковъ не былъ льстецомъ у своихъ меценатовъ; онъ говорилъ сво-

(*) «Записки Порошина», стр. 435—436. Эти записки любопытны во многихъ отношеніяхъ. Что касается до исторіи нашей литературы, то здѣсь можно найти современныя свѣдѣнія, какъ смотрѣли тогда на нашу литературу въ высшемъ общественномъ кругу. Порошинъ имѣлъ прямой русскій умъ; онъ любилъ ее, едва только раждающуюся, любилъ сильно и пламенно. Его сердце радовалось, когда за столомъ у Великаго Князя отзывались съ почтеніемъ о русскихъ писателяхъ. Онъ самъ часто читалъ наставнику отроку стихи Ломоносова. «Эдакіе люди», говорилъ онъ ему о Ломоносовѣ, «не растутъ какъ грибки изъ земли . . . . такія головы, какова Ломоносова и рѣденьки нѣсколько». О жалкомъ состояніи тогдашней Академіи Порошинъ часто упоминаетъ. Кажется онъ раздѣлялъ

больше съ ними, спорилъ и горячился, и вездѣ оставался вѣренъ своей натурѣ и тому, что онъ называлъ истиною. Можетъ быть и въ этихъ словахъ Сумарокова есть своя доля правды. Въ учрежденіяхъ Бецкаго, въ примѣненіяхъ ихъ къ общественному быту Россіи было много французскаго вліянія. У него было особое предпочтеніе ко всему французскому. Объ этомъ упоминаетъ и Шлёцеръ, во время пребыванія котораго въ Россіи приводились въ исполненіе планы Бецкаго. (*) Начало царствованія Екатерины ознаменовано было многими новыми учрежденіями. Плановъ преобразованія подавалось множество; къ счастію, благодаря уму Императрицы и добросовѣстности нѣкоторыхъ исполнителей ея воли, немногіе изъ нихъ приведены были въ исполненіе.

Вотъ почти все, что можно сказать объ отношеніяхъ Сумарокова къ меценатамъ того времени. Свѣдѣній вообще немного, да и тѣ, какія имѣемъ мы, не представляютъ намъ Сумарокова льстецомъ и жалкимъ угодникомъ, подобнымъ Тредьяковскому. Угловатая натура перваго выказывалась рѣзко во многихъ случаяхъ. Въ минуту вспышки онъ горячился и забывался, что иногда доводило его до смѣшныхъ выходокъ. (**)

Въ личности Сумарокова было особенно то замѣчательно, что къ окружающей его современности онъ

сужденіе Сумарокова касательно Бецкаго, называя его «мнимымъ россійскимъ Кольбертомъ». Стр. 490.

(*) Oeffentl. u. Privat-Leben S. 146.

(**) Статья Князя Вяземскаго: «Выдержка изъ записной книжки». Сѣверные Цвѣты на 1829 годъ. стр. 225—227.

относился самымъ живымъ образомъ. Общественныя явленія въ нашемъ отечествѣ всегда обращали на себя вниманіе Сумарокова. Его литературный талантъ носилъ на себѣ печать современности и не было, кажется, ни одной стороны въ обществѣ, которой бы онъ не сочувствовалъ и которая бы не нашла отголоска въ его произведеніяхъ. Внѣшнія войны Россіи, побѣды Румянцева, мысль о завоеваніи Турціи, жившая въ сердцахъ исполинскихъ людей, окружавшихъ Екатерину II, ея начальныя учрежденія, все это является въ одахъ Сумарокова, бѣдныхъ впрочемъ поэзіей. Въ его прозаическихъ сочиненіяхъ, похожихъ на летучіе листки журнала, темныя стороны современнаго быта являются довольно полнымъ образомъ. Мелкіе стихи Сумарокова, съ исключительнымъ сатирическимъ направленіемъ, имѣютъ тоже содержаніе. Смотря съ этой точки зрѣнія на Сумарокова, нельзя не видѣть въ немъ *общественнаго критика*, лицо живое и энергическое, сочувствующее всему. Намъ представится случай еще подробнѣе показать содержаніе этой «общественной критики» Сумарокова. Здѣсь же стоитъ привести случай, относящійся къ дѣтямъ ученаго Крашенинникова, который показываетъ, что слова Сумарокова писались иногда не даромъ, а приносили полезный плодъ.

Крашенинниковъ, первый изъ русскихъ профессоръ ботаники въ Академіи, сдѣлавшій одинъ трудное семилѣтнее путешествіе по Камчаткѣ, плодомъ котораго было описаніе Камчатки, изданное по смерти его Миллеромъ и, какъ классическое твореніе, переведенное на иностранные языки и даже теперь не утратившее цѣны своей, умеръ въ бѣдности, слишкомъ рано для

науки, на 43 году жизни. Безпечность и благородство русской натуры не позволили ему собрать что либо для семейства. Куча дѣтей осталась безъ помощи: они чуть ли не собирали милостыни по улицамъ Петербурга. Сумароковъ, котораго чувство оскорблялось такимъ грустнымъ явленіемъ общественности, позволилъ себѣ въ своей комедіи «Опекунъ» аонискую черту и упомянулъ объ этомъ въ такихъ словахъ:

. . . . «А честнаго-то человѣка дѣтки пришли милостыни просить, которыхъ отецъ ѣздилъ до китайчетова царства и былъ въ камчатномъ государствѣ, и объ этомъ государствѣ написалъ повѣсть; однако сказку то его читаютъ, а дѣтки то его ходятъ по міру; а у дочекъ то его крашенинные бостроки, да и тѣ въ заплатахъ; даромъ то, что отецъ ихъ въ камчатномъ былъ государствѣ, и для того то что они въ крашенинномъ таскаются платьи, называютъ ихъ Крашенинкиными». (*)

Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ обращается къ этимъ бѣднымъ дѣтямъ ученаго профессора:

Несчастнаго отца несчастнѣйшіе дѣти,
Которыми злой рокъ потщился овладѣти,
Когдабъ вашъ былъ отецъ приказный человѣкъ,
Такъ не были бы вы несчастливы во вѣкъ.
По гербу бы вы рцы съ большимъ писали крюкомъ,
Въ которомъ состоитъ подъячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы,
И статься бы могло, чтобъ ѣздили вы цукомъ.
Потомъ бы стали вы большіе господа,
Однако бы блюли подъячески порядки,
И безъ стыда
Со всѣхъ бы брали взятки,
А намъ бы сдѣлали пудъ тысячу вреда. (**)

(*) Сочиненія. Ч. 5, стр. 12.
(**) Сочиненія. Ч. 9-я, стр. 137.

Не смотря на слогъ и тяжелый стихъ, нельзя не видѣть здѣсь глубокаго трогательнаго чувства. Эти слова Сумарокова измѣнили на лучшую несчастную участь осиротѣлаго семейства. Прекрасна та литература, въ которой встрѣчаются такія отрадныя явленія, дѣлающія честь писателю. Къ счастію, съ народною гордостію, мы можемъ привести стихъ другого, новаго поэта, который сознательно сказалъ о себѣ, что онъ....

. . . . милость къ падшимъ призывалъ.

Все это доказываетъ нами высказанную мысль объ общественномъ, живомъ содержаніи нашей литературы.

Обращаясь снова къ прерванной нами біографіи Сумарокова, намъ остается немного прибавить фактовъ къ сказанному, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія вообще слишкомъ ничтожны. Императрица Екатерина пожаловала его дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени въ 1767 году. (*) Императрица, сама писавшая комедіи, цѣнила талантъ Сумарокова. Онъ былъ приглашаемъ въ ея вечернія собранія, на которыхъ читывались его комедіи. Послѣднее время жизни Сумароковъ жилъ или въ Москвѣ, или въ своей деревнѣ, а иногда, по дѣламъ, ѣздилъ въ Петербургъ. Во время московской чумы Сумароковъ спасался въ деревнѣ. (**) Это послѣд-

(*) Бантышъ-Каменскій — «Словарь достопамятныхъ людей» — біографія Сумарокова, и «Московскій Телеграфъ» 1833 года, № 10, стр. 342, гдѣ помѣщенъ разсказъ Сандунова.

(**) Письмо его къ Фонъ-Визину, у Князя Вяземскаго: «Фонъ-Визинъ.» Стр. 371.

нее время жизни Сумарокова было самымъ печальнымъ временемъ для него. Невзгоды жизни окружили его со всѣхъ сторонъ и окончательно убили жизнь. Казалось все благопріятствовало и все улыбалось поэту: и вниманіе Государыни, и заграничная слава, и уваженіе лучшихъ людей современности. Но все это было не надолго. Съ 1771 года, со времени ссоры съ Салтыковымъ, какъ мы видѣли, начинается печальный переломъ въ жизни Сумарокова и все клонится къ окончательному упадку нравственныхъ и физическихъ силъ писателя. Не мало значенія имѣли въ этомъ грустномъ исходѣ жизни на душу писателя, и на его совершенное духовное паденіе, и семейныя его обстоятельства. Онъ былъ женатъ три раза и отъ перваго брака его, съ фрейлиною, пріѣхавшею съ Екатериною изъ Германіи, были у него двѣ дочери: Графиня Головина и Княжнина. Овдовѣвъ послѣ этого брака, Сумароковъ еще два раза женился, но послѣдніе браки его были не совсѣмъ удачны и вѣроятно много принесли горя ему. Намѣкая на эти браки, Сумароковъ, по словамъ Глинки (*), часто говорилъ: «Тесть мой, кучеръ, не сломилъ мнѣ головы, а дядя мой, поваръ, не окормилъ меня: свой своему по неволѣ другъ.» При такой обстановкѣ не мудрено было возникнуть семейнымъ непріятностямъ, которыя вмѣстѣ съ другими, наполнили конецъ его жизни. Его ѣдкія насмѣшки раздражали родныхъ и удаляли ихъ отъ него, а можетъ быть и они, въ свою очередь, были неправы по отношенію къ нему. До насъ дошло свидѣтельство, что Сумароковъ писалъ множество жалобъ на ближнихъ

(*) «Очерки жизни» и пр. Ч. 1, стр. 130.

родныхъ своихъ (*) и это окончательно оттолкнуло ихъ отъ него, такъ что смерть его походила на смерть одинокаго и всѣми забытаго человѣка.

Раздражительность его съ лѣтами дѣлалась сильнѣе и сильнѣе. Живя въ отставкѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій и не представляя изъ себя человѣка, стоящаго твердо на ступеняхъ общественной іерархіи, Сумароковъ, безъ всякаго сомнѣнія, чаще могъ испытывать непріятности, нежели въ то время, когда должность и чинъ спасали его отъ нихъ. Мы знаемъ уже что въ 1775 году у него вышли непріятности съ Княземъ Урусовымъ, по поводу мѣста въ театрѣ, и дѣло въ полиціи, въ чемъ онъ просилъ заступленія у Князя Потемкина. Сюда можно также отнести обстоятельство, сильно оскорбляющее Сумарокова, о которомъ упоминаютъ нѣкоторые и самъ Сумароковъ: именно перепечатываніе его сочиненій съ умышленною цѣлію исказить ихъ. Гдѣ была эта перепечатка, кѣмъ и для чего дѣлалась она, мы не знаемъ, за неимѣніемъ фактическихъ доказательствъ.

Но важнѣе всего этого была тяжба его о долгѣ, которая окончательно разорила Сумарокова. Подъ старость, забывая въ винѣ житейскія горести, Сумароковъ не занимался домомъ и хозяйствомъ. Въ стѣсненномъ положеніи онъ заложилъ, за 2000 рублей, домъ свой на Прѣснѣ знаменитому тогда богачу и чудаку, незнавшему куда дѣвать деньги — Прокопію Демидову. Срокъ уплаты приблизился и прошелъ, а Сумарокову не чѣмъ было выкупить своего дома. Демидовъ пред-

(*) См. статью П. Сумарокова: «Отрывокъ изъ біографіи А. П. Сумарокова», въ Москов. Город. Листкѣ 1847 года, № 79, стр. 318.

ставилъ ко взысканію и сумма, съ процентами и рекамбіями, такъ какъ Сумароковъ не заплатилъ въ условный срокъ, возросла до значительности. Домъ былъ описанъ и оцѣненъ, разумѣется, въ трое дешевле настоящаго. Сумароковъ внесъ въ магистратъ всѣ свои драгоцѣнности, книги и эстампы, но все это было незначительно и писателю приходилось лишиться всего. Мы имѣемъ письмо и записку Сумарокова къ Потемкину (*), въ которыхъ онъ проситъ Потемкина о заступничествѣ, и жалуясь на Демидова, разсказываетъ довольно подробно все дѣло. Демидовъ обѣщалъ архитектору Баженову, своему пріятелю, что онъ отсрочитъ вексель, не будетъ требовать ни процентовъ, ни рекамбій, но векселя не переписалъ и въ минуту гнѣва на Сумарокова, разсердясь на него за плута своего повѣреннаго, котораго онъ самъ прогналъ, подалъ ко взысканію и непремѣнно требовалъ уплаты капитала и неустойки. Демидовъ былъ страшно богатъ и сорилъ деньгами и дома и за границей, жертвуя огромныя суммы на пользу общественную. Поэтому трудно объяснить причину ожесточеннаго преслѣдованія имъ бѣднаго сочинителя. Издатель письма и записки объясняетъ это преслѣдованіе шуткою, потому что Демидовъ извѣстенъ былъ множествомъ проказъ и шутокъ, всегда остроумныхъ по мнѣнію современниковъ. Но здѣсь, надобно признаться, что шутка была и неумѣренна, и зла, и груба. Она показываетъ только какъ смотрѣли въ томъ обществѣ вообще на писателя, даже славнаго, по понятіямъ времени.

(*) Они напечатаны въ «Литературной газетѣ» Дельвига 1830 г., стр. 222—223.

Какъ бы то ни было, грустный фактъ существуетъ. Письмо къ Потемкину писано 10-го Іюля, а объяснительная записка *ради памяти* 11-го Ноября 1775 года. Въ нихъ много любопытнаго для опредѣленія личности Сумарокова.

Въ письмѣ Сумароковъ обращается къ человѣколюбію Потемкина и проситъ его послать къ Демидову убѣдить его, чтобъ онъ не требовалъ ничего кромѣ должной суммы, и чтобъ она была вычтена изъ жалованья (вѣроятно пенсіона), получаемаго Сумароковымъ. «У меня одинъ только на сей землѣ домъ, говоритъ онъ, такъ мнѣ пріютиться будетъ некуда и долженъ я буду на старости таскаться по міру. . . . Я вмѣсто процентовъ и рекамбій воздамъ вашему сіятельству сочиненіемъ новой трагедіи безъ рифмъ, какъ вы мнѣ приказывать изволили.» Издатель письма и записки видитъ въ этомъ желаніи проницательность Потемкина, требующаго отъ драмы новыхъ покушеній, и говоритъ, что Потемкинъ, по крайней мѣрѣ желаніями и соображеніями, долженъ занять почетное мѣсто *въ романтической нашей школѣ??*

Въ запискѣ, написанной афоризмами по пунктамъ, много замѣчательнаго:

6) . . . «Книги мои и рукописи приказано подканцеляристу магистратскому осмотрѣть и поставить при нихъ караулъ, хотя ни магистратъ, ни подканцеляристъ, не знаютъ различія между оды, эклоги и элегіи.

12) Выбить человѣка изъ дому, хотя бы онъ и ни малѣйшей не сдѣлалъ отечеству услуги со всею фамиліею, съ малолѣтными дѣтьми и со всѣми слугами, посреди сѣверной зимы, не позволяется.

13) Происшедшему отъ знатныхъ предковъ и имѣющему чинъ и орденъ и прославившемуся къ чести своего отечества во всей Европѣ, таскаться по міру и замерзнуть на улицѣ, непозволяется; ибо въ православномъ государствѣ о православіи и любви ближняго забывать магистрату не должно.

14) И разбойники людей грабятъ, но не всегда умерщвляютъ; а магистратъ долженъ о человѣколюбіи больше стараться нежели разбойники.

15) Сіи судьи, которые меня разорить хотятъ, суть рабы отечества; а я сынъ отечества и потому что я дворянинъ и потому, что я уже отличный чинъ и орденъ имѣю; и потому, что трудился довольно во краснорѣчіи россійскаго языка.

16) Драмы мои играютъ содержатели, продавая и покупая выхоженную мною привиллегію, и не только отнявъ у меня ложу, но и отказавъ мнѣ дать билеты, нарушая сочиненные со мною прежними содержателями контракты и довольствуются доходомъ моихъ трудовъ они, а не я.»

Въ примѣчаніи къ запискѣ, Сумароковъ проситъ разобрать дѣло его съ Урусовымъ, и намѣкая на отношенія свои къ Бельмонти, говоритъ: «Драмы напечатаны, но они напечатаны ради чтенія, а не для публичнаго представленія, чего нигдѣ и никогда не дѣлалося, гдѣ театральныхъ стихотворцевъ и много, да и здѣсь, исключая меня ни съ кѣмъ того, гдѣ и контрактовъ не было, не дѣлалося: а я театръ основалъ не ради огорченія, но ради прославленія моего времени и моего имени.» Мы не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло, но эти крутыя обстоятельства тяжелѣе и тяжелѣе ложились на душу раздражительнаго старика и послѣдніе два года его жизни должны исчез-

путь совершенно отъ самаго наблюдательнаго его біографа. (*) Эти непріятности ускорили смерть его.

Современный Сумарокову біографъ (**) говоритъ, что главною причиною его смерти была невоздержность. Невоздержность эта, какъ извѣстно, заключалась въ неумѣренной привязанности къ вину. До какого прав-

---

(*) До насъ дошло одно письмо изъ этого періода жизни Сумарокова, писанное къ неизвѣстному знатному лицу, въ которомъ онъ просилъ объ исходатайствованіи повелѣнія для полученія ему годоваго жалованья или пенсіона. Это письмо писано 8 Іюня 1775 года въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ для печатанія своихъ сочиненій, и все наполнено жалобами на печальныя обстоятельства, на бѣдность, которая должна быть удѣломъ дѣтей его. Сумароковъ говоритъ: «всему сему главная причина любленіе мое ко стихотворству; ибо я на него полагаяся и на словесныя науки, не столько о чинахъ и объ имѣніи рачилъ, какъ о своей музѣ. См. «Русскій Вѣстникъ», журналъ на 1842 годъ, № 5 и 6. Извѣстія и Смѣсь Стр. 91.

(**) «С. Петербургскій Вѣстникъ» 1778 года. Ч. 1-я. Здѣсь, при извѣстіи о смерти Сумарокова, напечатана неизвѣстнымъ авторомъ краткая біографія умершаго писателя. Свѣдѣнія въ ней скудны. Но, разсуждая о характерѣ Сумарокова, біографъ отозвался довольно иронически. Это вызвало одного изъ поклонниковъ таланта Сумарокова, который «любилъ его какъ друга и просвѣтителя отечества (стр. 14)», напечатать витіеватое защищеніе характера и свойствъ душевныхъ Сумарокова. Кромѣ общихъ мѣстъ, здѣсь нельзя найти ничего любопытнаго. См. «Апологія къ потомству отъ Николая Струйскаго или начертаніе о свойствѣ нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравоучительныхъ его поученіяхъ, писано 1784 года, въ Рузаевкѣ, изданіе 3-е. 1793 года. 47 стр. 12°. — Статья «С. Петербурскаго Вѣстника» явилась и въ нѣмецкомъ переводѣ въ S Peterburgisches Journal 1778, B. 5, стр. 98—107, подъ названіемъ: «Kurze Nachricht von dem Leben und den Schriften des Kaiserl. würklichen Staatsraths Herrn A. P. Sumarokow.»

ственнаго упадка дошелъ Сумароковъ, можно видѣть, изъ разныхъ современныхъ свидѣтельствъ. (*)

Послѣдніе годы жизни поэтому были вѣроятно какимъ-то тяжелымъ бредомъ для Сумарокова и съ 1775 года, отъ котораго дошли до насъ жалобы его (послѣднія изданія его относятся къ 1774 году, и только одна одн 1775 года), мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о немъ. Глинка говоритъ (**), что Ѳедоръ Григорьевичъ Каринъ засталъ разъ Сумарокова надъ какимъ-то сочиненіемъ и тотъ сказалъ ему, что это его «лебединая пѣснь.» Она напечатана Новиковымъ (***).

Печально и глухо, въ отчужденіи отъ свѣта, родныхъ и близкихъ людей, умеръ Сумароковъ въ Москвѣ 1 Октября 1777 года. (****) Никто не былъ свидѣтелемъ его смерти и никто, по видимому, не пожалѣлъ его. Современное извѣстіе, напечатанное въ «С. Петербургскомъ Вѣстникѣ» отзывается о немъ сухо и безъ особеннаго участія. Послѣ него не осталось денегъ на погребеніе

(*) «Москвитянинъ» 1833 года, № 23. Статья г. Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти.» Стр. 136.

(**) «Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова.» Ч. 1. Стр. 137.

(***) Сочиненія. Ч. 2. Стр. 137.

(****) См. Bacmeister: «Russische Bibliothek.» S. Peterab. 1778. B V. Статья: «Vermischte Nachrichten von Moskau». Стр. 240. Тожо число смерти Сумарокова показано въ современномъ «Извѣстіи о смерти г. Сумарокова съ приложеніемъ надгробныхъ надписей, сочиненныхъ ему въ Москвѣ.» Это извѣстіе приложено при «Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ». — Статья «Сѣверной Пчелы» 1833 года, № 72, указываетъ на 10 Октября, какъ на день смерти Сумарокова.

и его схоронили на свой счетъ московскіе актеры, несшіе гробъ его на рукахъ своихъ до Донскаго монастыря. Только одинъ его родственникъ — Юшковъ, и еще какой-то Архаровъ провожали тѣло покойнаго. Могила его не имѣетъ памятника и остается совершенно неизвѣстною. (*) Дружеруковъ, упомянутый уже нами, въ современной стихотворной брошюрѣ: «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ» (**), заставляетъ такъ говорить послѣдняго о своихъ смертныхъ минутахъ:

При старости меня съ безстыдствомъ всякъ оставилъ,
Что другъ я Бахусу то нѣкто всѣмъ прославилъ.
Въ унынiи, тоскѣ недуг своп всѣ дни,
Болѣзни чувствовалъ и горести одни,
Имѣнiя лишенъ, лишенъ друзей, почтенья,
Охотно смерти ждалъ къ прерванiю мученья.
Сей часъ приблизился, въ послѣдній воздохнулъ,
Отдавъ натурѣ долгъ, спокойно и заснулъ.
Но могъ ли смертiю конечъ и сдѣлать злобѣ?
Лежащаго меня безъ чувствiя во гробѣ
Ни кто не восхотѣлъ въ послѣдній разъ узрѣть,
Ни жалости о мнѣ естественной имѣть.
Архаровъ съ Юшковымъ лишь только то явили
По смерти, что они любовь ко мнѣ хранили.
Въ актерахъ и нашелъ чувствительны сердца:
Узнавши смерть они Семирина творца,
Стопая горестно потоки слезъ пролили,
Со жалостью мой прахъ въ земной утробѣ скрыли.
Вотъ воздаянiе достойно за труды!
Вотъ вѣка цѣлаго прилежности плоды!

(*) П. Сумароковъ въ «Москов. Город. Листкѣ» 1847 г. № 79.
(**) Москва Изданiе 1787 г. 8°. Стр. 8

Эта одинокая, печальная смерть писателя, столь прославляемаго въ свое время и столь гордаго своими заслугами, эта безвѣстная могила его, возбуждаютъ въ сердцѣ тягостное чувство.

Вотъ почти все, что удалось намъ собрать о жизни Сумарокова и о живыхъ отношеніяхъ его къ людямъ эпохи. Свѣдѣній, какъ видно, немного и мы сказали уже причину, почему не могло ихъ быть больше. Жизнь писателя нашего въ XVIII вѣкѣ слагалась изъ немногихъ, бѣдныхъ мотивовъ, а потому большею частію можетъ быть представлена въ крупныхъ чертахъ. Эти черты не блестѣли разнообразіемъ и самъ онъ, прѣзывавшій умомъ въ обществѣ, не понимающее его и не сочувствующее ему, проходилъ незамѣченный и ненавѣстный. Намъ остается сказать немного о внутреннемъ содержаніи жизни Сумарокова, на основаніи тѣхъ же скудныхъ источниковъ, и этимъ пополнить по возможности изображеніе личности разбираемаго писателя. Здѣсь, на основаніи сочиненій Сумарокова, мы прямо можемъ сказать, что отличительною чертою характера его было неумѣренно развитое самолюбіе, и этому лучшему свойству мы одолжены тѣмъ, что лицо Сумарокова въ исторіи нашей литературы представляется намъ не блѣднымъ и не безцвѣтнымъ.

Литературными заслугами своими Сумароковъ гордился при каждомъ удобномъ случаѣ. Это составляло его слабую сторону, и здѣсь не терпѣлъ онъ ни соперниковъ, ни противорѣчія. Бѣда была, если кто либо затрогивалъ раздражительное самолюбіе писателя. Мы

видѣли уже, какъ онъ ставилъ себя рядомъ съ Вольтеромъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ о себѣ:

«Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, Россія, стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ и приведенъ въ совершенство театръ твой, о Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами недостигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно» (*)

Сумароковъ самъ переводитъ статью, состоящую преимущественно изъ похвалъ, написанную можетъ

(*) Сочиненія. Ч. 6-я. Стр. 371—372. Похвалы Сумарокову помѣщены въ «Journal étranger, ouvrage périodique», Paris, 1755, Avril, p. 114—136, въ статьѣ: «Sinave et Trouvore, tragédie russienne en vers.» Разборъ этотъ носитъ на себѣ всѣ условія тогдашней критики и рецензентъ особенно хвалитъ Сумарокова за то, что онъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ нравственныя правила. — Французскій переводъ этой трагедіи вышелъ, въ Петербургѣ въ 1751 году, въ типографіи Академіи Наукъ, подъ названіемъ: «Sinave et Trouvore, tragédie russe en vers, faite par Monsieur Sommarokoff et traduite en français par M-r le Prince Alexandre Dolgorouky.» 8°, 72 стр. Нѣмецкій переводъ ея помѣщенъ былъ въ журналѣ: «Das Neuste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit», 1755.

быть съ вѣдома самого его. (*) Званіе члена Лейпцигскаго Ученаго Собранія сильно льстило его самолюбію. Даже въ одной изъ пѣсенъ своихъ онъ упоминаетъ объ этомъ:

Германія и мнѣ,
Небывшу въ ней, извѣстна,
Стиховъ душа всемѣстна,
Да лжъ еще и членъ въ ученой сей странѣ. (**)

Въ минуты восторга Сумароковъ мечталъ о славѣ въ потомствѣ. Въ письмѣ своемъ къ Вольтеру, гдѣ онъ говоритъ о французскихъ трагедіяхъ, Сумароковъ завидуетъ его славѣ при жизни, которая невозможна для него, «пишущаго на малоизвѣстномъ Европейцамъ, хотя и прекрасномъ языкѣ.» — «Сію славу, говоритъ онъ, моему праху оставляю.»

«А мнѣ хвалу снлететъ Европа и потомки!» (***)

(*) Сочиненія Ч. 10. Стр. 102—190. Замѣчательно, что Мераліковъ въ своемъ дѣльномъ и въ первый разъ безъ увлеченія написанномъ разборѣ трагическихъ произведеній Сумарокова, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 года, ч. XCIII, № 12, стр. 287—281, и ч. XCIV, № 13, стр 26—31, № 14, стр. 106—140, сомнѣвается въ существованіи французскаго подлинника и ссылку Сумарокона на страницы «чужестраннаго журнала»: 114 и *слѣд.*, растолковалъ: и *слѣдовательно въ Парижѣ*, на основаніи чего дѣлаетъ напрасные упреки Сумарокову.

(**) Сочиненія Ч. 8 Стр. 181. — Почетнымъ членомъ Лейпцигскаго Ученаго Собранія Сумароковъ сдѣланъ въ Августѣ 1756 года, что видно изъ публикаціи Московскаго Университета, которому онъ предъявилъ свой дипломъ. См. «Московскія Вѣдомости» 1756 года, № 69 (20 Декабря) Такимъ же почетнымъ членомъ былъ и Елагинъ.

(***) Сочиненія Ч 9-я Стр. 77.

восклицаетъ онъ, подъ вліяніемъ того же чувства, въ другомъ мѣстѣ. Любопытенъ планъ путешествія, составленный Сумароковымъ. Нѣсколько выписокъ изъ этой статьи его могутъ служить для показанія того, какъ высоко цѣнилъ онъ свое литературное достоинство. Путешествій оригинальныхъ не было тогда на русскомъ языкѣ, хотя въ то время, можетъ быть, больше ѣздили за границу, нежели теперь. Для Русскихъ, совершенно справедливо разсуждаетъ Сумароковъ, путешествія должны быть писаны Русскими, потому что всякій смотритъ съ своей народной точки зрѣнія; всякій народъ смотритъ иначе. Путешественникъ долженъ знать свое отечество, быть человѣкомъ образованнымъ, чувствующимъ и хорошимъ писателемъ. Всѣ эти справедливыя мнѣнія клонятся къ показанію своихъ достоинствъ:

«Я предпріемлю, говоритъ Сумароковъ, сдѣлати описаніе путешествія, и изъ оставшихъ лѣтъ средины моего вѣка, два года и четыре мѣсяца, считая отъ Мая сего года, употребити въ сію пользу моего отечества. Каково мое перо, о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ, и тѣ мнѣ похвалу сплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердились. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю. Многіе наши путешественники показываютъ экипажи свои чужимъ народамъ, а я не за тѣмъ ѣхать собираюся, ибо наши экипажи и головы снаружи чужестраннымъ уже со излишкомъ извѣстны. Однако съ недостаткомъ ѣхать, желая услужить моему отечеству, не хочу. И ради того мнѣ къ моему жалованью, на оные два года и четыре мѣсяца, потребно, по моему исчисленію, двѣнадцать тысячь руб., которыя деньги, по изданіи моего путешествія, возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо шесть

тысячь экземпляровъ, продаваяся по три рубли, осьмнадцать тысячь рублевъ, а потомъ оные во всегдашнее время продаваться будутъ и такъ какаѣ убытка не будетъ. Я опишу одну Италію и проѣхавъ оттолѣ въ Парижъ, опишу Парижъ, мѣста на пути до Италіи, и оттолѣ до Парижа, а изъ Парижа чрезъ Голландію до Петербурга. Ежели бы такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячь рублевъ на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а моій собственный прибытокъ изъ того только, одна честь имени моему.» (*)

Въ наше время странно читать такія неумѣренныя и публично выраженныя похвалы самому себѣ. Въ этой вялой прозѣ слышится самая мелкая гордость. Здѣсь все такъ пошло, мелко и надуто. Эту-то мелочную сторону характера Сумарокова и осмѣивали современники. Они буквально дразнили его и доводили до бѣшенства самолюбиваго старика.

Конечно и на него, какъ на всякаго живого человѣка, находили минуты раздумья и душевной тоски, но причины такого грустнаго состоянія духа были слишкомъ мелочны, слишкомъ случайны. Раздумье новой поэзіи имѣетъ глубокое основаніе. Элегическій стихъ Пушкина вытекаетъ изъ глубины развитаго чувства, изъ болѣе богатаго содержанія внутренняго. Въ искусственной поэзіи прошлаго вѣка не было такихъ причинъ. Самой грусти какъ-то не вѣришь, зная, что расположило къ ней поэта какое нибудь неудавшееся желаніе, въ родѣ плана путешествовать, насмѣшка или оскорбленіе литературнаго врага, невниманіе вельможи. Къ тому же и форма губила все.

(*) Сочиненія, Ч. 9-я, 328—332.

Много ли поэзіи, напримѣръ, въ слѣдующихъ элегическихъ стихахъ Сумарокова :

Самъ себя я ненавижу,
Отлучившися всего;
Окончанія невижу
Я страданья моего.
Сердце стонетъ,
Взоръ мой тонетъ
Во слезахъ и день и ночь:
Духъ томится,
Солнце тмится,
Въ полдень убѣгая прочь.
. . . . . .
Во стенаніи и плачѣ
Я еще тужу о томъ,
И тужу всего я паче,
Что родился не скотомъ!
Кромѣ славы,
Всѣ бъ забавы
Были бъ въ области моей:
Гнанный псами,
Я бъ лѣсами
Сокрывался отъ людей . . . . и пр. (*)

Въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ жалуется на свою бѣдность, но мы знаемъ, что у него была деревня, была карета.....

Что касается до внѣшности Сумарокова, то изъ современныхъ извѣстій мы знаемъ, что наружность его не была особенно замѣчательна, кромѣ открытаго лица его, въ которомъ всякій мускулъ жилъ отдѣльною жизнію. Лицо его вполнѣ выражало ту внутреннюю, вѣчную

(*) Сочиненія. Ч. 2-я. Стр. 173.

жизнь, которая сожигала его. Эту подвижность лица осмѣялъ Тредьяковскій въ одной неизданной эпиграммѣ. Но надобно замѣтить, что Тредьяковскій и Ломоносовъ изображали своего литературнаго противника не совсѣмъ лестными красками. Ломоносовъ упоминаетъ о внѣшности Сумарокова, называемаго имъ Аколастомъ, слѣдующимъ стихомъ:

Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ. (*)

Одежда Сумарокова, какъ отзываются современники, отличалась особенно изящностію и щегольствомъ. Но великолѣпныя кружевныя манжеты его, по словамъ племянника его, Сенатора П. И. Сумарокова, записаннымъ Глинкою (**), всегда были засыпаны табакомъ, какъ у Фридриха Великаго. Нюхалъ онъ безпрестанно и сыпалъ табакъ по всѣ стороны. Къ сочиненіямъ его, изданнымъ Новиковымъ, приложенъ очень некрасивый портретъ съ надписью Хераскова:

Изображается потомству Сумароковъ,
Парящій, пламенный и нѣжный сей творецъ,
Который самъ собой достигъ пермескихъ токовъ,
Ему Расинъ поднесъ и Лафонтенъ вѣнецъ.

Портретъ, приложенный ко 2-й части сочиненія Глинки, сдѣланъ лучше; лучшій портретъ Сумарокова находится въ Академіи Художествъ.

Какъ человѣкъ, Сумароковъ имѣлъ разумѣется много недостатковъ, подмѣченныхъ современниками. Отли-

(*) «Злобное примиреніе», эпиграмма Ломоносова, находящаяся въ рукописи Казанскаго Университета.

(**) «Очерки жизни и проч.», ч. 1 я, стр. 73.

чительною чертою его характера была живость. Подвижная натура его не знала покоя. И изъ этой-то вѣчно дѣятельной, вѣчно увлекающейся природы, можно объяснить недостатки его характера. Вотъ какъ говоритъ объ немъ современникъ:

«Что касается до свойствъ его души, то кажется былъ онъ весьма добраго сердца, (*) но безмѣрная чувствительность, качество которое нужно стихотворцу, которое однако должно обуздывать благоразуміемъ, было виною сего крутаго и горячаго нрава, который всѣхъ имѣющихъ съ нимъ союзы, а больше его, терзалъ. Склоненъ сколько благодѣтельствовать, столько и любить, не могъ никогда позабыть ни одолженій, ни обидъ ему учиненныхъ. Притворство и коварство ненависти, былъ друзьямъ вѣрный другъ и не умѣлъ сокрывать злобы противъ враждующихъ ему. Нетерпѣливъ въ желаніяхъ и нѣсколько въ оныхъ безмѣренъ, малѣйшее препятствіе, смертельно огорчая его, представляло ему часто самое ничто великимъ злоключеніемъ. Славенъ, осыпанъ благодѣяніями монаршими, могъ бы онъ быть блаженъ, если бы умѣлъ. Гнушаяся великой низости души, былъ онъ снисходителенъ къ учтивымъ, но гордъ противу гордыхъ. Имѣлъ онъ высокое, а можетъ быть чрезмѣрное понятіе о званіи и достоинствѣ примаго стихотворца и для того не могъ съ терпѣніемъ видѣть, что сія благородная наука, въ которой упражнялися Гомеры, Софоклы, Мароны, Вольтеры, и прочіе великіе люди, почитаемые отъ

(*) Доброта его сердца видна изъ извѣстнаго анекдота, разсказаннаго панегиристомъ Сумарокова — Дмитревскимъ. Разъ Сумароковъ на улицѣ встрѣтилъ стараго, израненнаго офицера, собирающаго милостыню. Не имѣя денегъ при себѣ, онъ снялъ съ себя богатый, шитый золотомъ мундиръ, отдалъ ему, а самъ пошелъ въ плащѣ своего служителя. «Сочиненія и Переводы, издаваемые Россійскою Академіею», ч. 3-я. Спб. 1807 г.

вѣка всѣми народами, оскверняема руками людей не имущихъ ни ума ни сердца.» (*)

Объ этой живости, которою отличался Сумароковъ, сохранилось нѣсколько анекдотовъ. Но для того, чтобъ привести его къ какой либо необыкновенной выходкѣ, нужна была причина, которая бы задѣла слабую струну его. Глинка разсказываетъ анекдотъ о томъ, какъ онъ у сестры своей выбранилъ гостью ея, странно выразившуюся о трагедіи его «Дмитріи Самозванцѣ». Сумароковъ крикнулъ ей: «Охота тебѣ принимать къ себѣ такихъ дуръ!» и въ слѣдъ за тѣмъ схватилъ шляпу и убѣжалъ. (**) Николевъ разсказывалъ Глинкѣ, что Сумароковъ не могъ слышать равнодушно, когда въ какомъ либо домѣ, въ его присутствіи, называли людей: *хамово колѣно*. Съ сильною досадою вскакивалъ онъ со стула, хваталъ шляпу, убѣгалъ и никогда уже не возвращался въ тотъ домъ. (***) Авторъ статьи: «Отрывокъ изъ біографіи А. П. Сумарокова» (****), приводитъ также нѣсколько анекдотовъ, представляющихъ живость характера Сумарокова. Разъ погнался онъ въ деревнѣ, со шпагою въ рукахъ, за своимъ камердинеромъ и въ пылу гнѣва не замѣтилъ, какъ попалъ въ прудъ. Часто гонялся онъ за мухами, которыя не давали ему спокойно писать; выбѣгалъ въ бѣшенствѣ на улицу и бранился съ разносчиками, продавцами, кричавшими подъ его окнами. Эта мелкая вспыльчи-

(*) «С. Петербургскій Вѣстникъ» 1778 г. Ч. 1-я, стр. 47.

(**) «Очерки жизни» и пр. Ч. 3-я, стр. 134.

(***) «Очерки жизни» и пр. Ч. 3-я, стр. 178.

(****) «Московскій Городскій Листокъ» 1847 г. № 70.

вость, составлявшая смѣшную его сторону и подмѣченная своей братьею писателями, проходила впрочемъ скоро и не оставляла продолжительныхъ слѣдовъ. Сущность характера Сумарокова была доброта и любовь къ правдѣ, которую онъ высоко ставилъ.

Въ обществѣ Сумароковъ отличался веселостію и блескомъ разговора. По нѣскольку часовъ сряду могъ онъ говорить и занимать своихъ слушателей. У него были конькй, гдѣ уже никто не могъ съ нимъ спорить въ краснорѣчіи. Объ нихъ упоминаетъ и Порошинъ. Особенно неистощимъ онъ былъ, когда разговоръ касался подъячихъ, съ которыми онъ умѣлъ воевать. На этомъ полѣ войны онъ былъ неподражаемъ и въ разговорѣ и въ печатныхъ статьяхъ.

Но главнымъ достоинствомъ Сумарокова, какъ человѣка и потомъ, какъ писателя въ его прозаическихъ произведеніяхъ, была горячая благородная любовь къ наукѣ и просвѣщенію. Онъ хотѣлъ собственно не науки съ ея догматизмомъ, съ ея мертвыми, абстрактными выводами, съ уединенною, кабинетною жизнію, а живого примѣненія ея къ быту общественному. Сумароковъ хотѣлъ свѣта, который бы разливался ровно и благодѣтельно для всѣхъ. Его пылкое чувство не выносило мрака, не выносило темныхъ сторонъ прежнихъ, и всего того, что было наложено великимъ преобразователемъ Россіи. Въ началѣ нашей литературы, когда она шла ощупью, безсознательно, не зная ни силъ своихъ, ни стремленій, Сумароковъ представляетъ отрадное явленіе, лице, на которомъ исторія нашей литературы должна останавливаться съ почтеніемъ. Мы привыкли въ Сумароковѣ, по преданію, видѣть

только одну жалкую, тяжелую и неуклюжую форму его произведеній, привыкли видѣть въ немъ мелкаго литературнаго врага Ломоносова, этого колосса, стоящаго въ преддверіи нашей новой, преобразованной словесности. За бѣдною формою мы забываемъ живое и всегда примѣнимое содержаніе.

Взглянемъ же теперь на литературныя заслуги Сумарокова, на его произведенія, не выпуская изъ виду исторической точки зрѣнія, единственно возможной и единственно вѣрной въ семъ случаѣ.

II.

Русская критика смотрѣла на Сумарокова и его сочиненія съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія: она или безусловно склонялась передъ его талантомъ, считая и именуя его «русскимъ Расиномъ» или «сѣвернымъ Лафонтеномъ», какъ было то въ прошломъ вѣкѣ и началѣ нынѣшняго, или безусловно отнимала у него всякое литературное значеніе. Это было естественно и зависѣло отъ развитія идей эстетическихъ и теорій литературныхъ въ обществѣ. Современники, воспитывавшіеся по тѣмъ же теоріямъ, по которымъ учился и Сумароковъ, видѣли въ немъ блестящаго выразителя современной литературы, современнаго взгляда на искусство. Они благоговѣли передъ Сумароковымъ. Люди позднѣйшихъ поколѣній, знакомые съ новою, болѣе полною литературною формою, добытою ими отрицаніемъ прежней, должны были враждебно смотрѣть на Сумарокова Языкъ, развившійся въ послѣдствіи и младенческій у Сумарокова, много помогалъ этой враждѣ. Подъ устарѣлою формою не видѣли живого содержанія и не хотѣли знать его. Пушкинъ, воспитанный новою критикою, въ пылкомъ восторгѣ моло-

дыхъ силъ, въ сознаніи владычества надъ новою формою искусства, еще въ школѣ говоритъ:

. . . . . Слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый горденъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ,
И съ Пиида сброшенный и проклятый Расиномъ. (*)

Но Пушкинъ, подобно всѣмъ, смотрѣвшимъ его глазами, за этою наружною формою, неудовлетворявшею его, не хотѣлъ видѣть живого человѣка, воспитаннаго обществомъ и живущаго въ немъ. Критика должна отдѣлиться отъ своего времени, должна забывать пріобрѣтенное ею въ развитіи и переноситься вполнѣ во время, въ которое жилъ литературный дѣятель, разбираемый ею. Писатель — сынъ времени. Оно, какъ нянька, держитъ его на рукахъ своихъ, не спускаетъ съ нихъ и убаюкиваетъ разсказами и пѣснями своего времени. Для того, чтобъ писатель явился намъ въ полной правдѣ, надобно изучить его время, надобно знать, что онъ взялъ изъ него и что принесъ онъ новаго ему. Только такой, историческій взглядъ на писателя можетъ быть вѣренъ. Въ первомъ отдѣлѣ сочиненія, разсматривая біографію Сумарокова и общество, которое вскормило его, мы старались показать волшебную связь его съ временемъ и бытомъ, его окружавшимъ. Теперь остается разсказать литературныя заслуги Сумарокова для его времени и наконецъ указать мѣсто его въ исторіи нашей литературы.

(*) Лицейское стихотвореніе: «Благослови, поэтъ!». Сочиненія. Т. IX.

Когда Сумароковъ въ первый разъ печатно появился въ русской литературѣ, она едва только начала свое существованіе. Не говоря о сатирахъ Кантемира, извѣстныхъ тогда немногимъ, и то въ спискахъ, и слѣдовательно не имѣвшихъ печатнаго вліянія, русская литература началась одою, торжественнымъ паренiемъ на высоты Пинда, въ соборъ пермесскихъ дѣвъ, какъ говорили тогда. Эта ода необходимо должна была быть *торжественною*, то есть чисто внѣшнею, возбужденною толчкомъ, внѣшнимъ событiемъ. Военныя грозы, молнiи и громы побѣдъ, которыми повита была едва только призванная къ жизни Петромъ Россiя, были единственнымъ почти предметомъ, вдохновлявшимъ громкiе гимны. Въ этихъ громкихъ одахъ, молодыхъ порывахъ національнаго чувства, сначала было что-то оглушительное, подымающее сердце. Поэтъ являлся вѣщимъ пѣвцомъ родной славы. Но единственный предметъ вдохновенiя не можетъ вызывать къ жизни разнообразныя творенiя. Пѣнiе одъ скоро прискучило однообразнымъ паденiемъ строфъ, напыщеннымъ тономъ выраженiя, поддѣльнымъ восторгомъ и всею этою слишкомъ пошлою механикою, которая была осмѣяна Дмитрiевымъ въ «Чужомъ Толкѣ.» Долго еще продолжалось *одопiе*, но никто не слушалъ уже его и всѣ расходились съ этого надоѣвшаго концерта. Внѣшняя лирика нескоро могла замѣниться внутреннею, лирическимъ выраженiемъ чувства и страсти, которыя бы развились до драматическаго движенiя. Общество было еще слишкомъ молодо для такой лирики.

Когда Сумароковъ сошелъ съ литературнаго поприща, русская литература, начавшаяся громкою одою,

сдѣлала уже исполинскіе шаги въ развитіи. Въ сатирическихъ журналахъ, за восемь лѣтъ до смерти Сумарокова, подняты были самые живые общественные вопросы, вопросы, касавшіеся существенныхъ сторонъ отечественной жизни, и журнальное движеніе, общественная сатира, замѣнили оду. Отъ безсознательнаго, крикливаго гимна до глубоко-сознающей сатиры кажется переходъ труденъ и далекъ, а онъ совершился быстро и ровно въ тридцать лѣтъ, считая съ Ломоносовской оды на взятіе Хотина. Такими широкими шагами шла наша, теперь забытая литература. Въ этомъ быстромъ возрастаніи нашей литературы, въ этомъ времени ея исполинскаго развитія, времени чрезвычайно любопытномъ для историка литературы, Сумароковъ былъ самымъ живымъ, самымъ дѣятельнымъ лицемъ. Кажется всѣ направленія, всѣ формы литературныя, были если не созданы имъ, то вызваны подъ его вліяніемъ. Онъ одинъ заключаетъ въ себѣ всю тогдашнюю литературу, а потому его литературная дѣятельность стоитъ подробнаго разбора. Онъ былъ совершенно представителемъ своего времени, сыномъ его. Общественное развитіе Россіи въ этотъ періодъ времени вполнѣ выражается въ сочиненіяхъ Сумарокова. Ломоносовъ слишкомъ далеко уходилъ отъ жизни въ своихъ одахъ, фантазія его летала на недоступныхъ высотахъ и, занѣвъ первую оду, и тѣмъ положивъ основаніе нашей литературѣ, онъ не развивался вмѣстѣ съ обществомъ. Его заслуга — въ созданіи стремленія къ наукѣ, въ созданіи началъ ея. Здѣсь онъ творецъ и дѣло его соотвѣтствуетъ дѣлу Петра В. въ нашей исторіи. Сумароковъ же былъ продолжателемъ, имѣвшимъ

то, чего не было у послѣдняго, но составляло главное достоинство Сумарокова — чувство сознанія исторической истины.

Наша литература на первыхъ порахъ своего существованія не могла быть народною литературою. Народность не составляла условія писателя и существовала въ немногихъ произведеніяхъ, неимѣвшихъ эстетическаго достоинства. У народа была своя литература: пѣсни и сказки, большею частію переходившія изъ рода въ родъ живымъ словомъ или въ рукописи. Наша печатная литература, въ слѣдствіе новаго историческаго толчка, началась отрицаніемъ этой народности. Ей нужно было разомъ создать всѣ литературныя формы, извѣстныя на Западѣ. Она существовала для высшаго общества, а оно было воспитано въ европейскихъ понятіяхъ о литературѣ. Поэтому нашимъ писателямъ была одна дорога — подражаніе тому, что существовало уже въ Европѣ. Ихъ дѣло было пересадить на нашу почву цвѣты чужого климата. Потому и Сумароковъ былъ искусственнымъ писателемъ. Онъ отвернулся отъ народности, смотрѣлъ на нее враждебно и всю жизнь хлопоталъ о томъ, чтобъ «явить Россіи театръ Расиновъ». Онъ первый познакомилъ нашу литературу съ литературою западною, преимущественно французскою, и всякая литературная форма, тамъ извѣстная, вызывала его дѣятельность, и страстно стремился онъ усвоить ее своему отечеству, забывая о томъ, естественна ли она или нѣтъ. Но, знакомя насъ съ западными литературными формами, Сумароковъ не думалъ о внутреннемъ содержаніи произведеній европейскихъ литературъ. Воспитанный преимущественно французскими трагиками и теоретиками литератур-

ными, онъ подчинялся только вліянію французской литературы XVII и начала XVIII вѣка, которая кромѣ внѣшней формы, мало имѣла общественнаго значенія. Поэтому Сумароковъ не могъ перенести къ намъ содержанія европейскаго. Въ душѣ его жило убѣжденіе, что подражать классическимъ писателямъ Франціи — необходимо, что въ этомъ подражаніи заключается непремѣнное условіе русскаго писателя. Это убѣжденіе раздѣляли тогда всѣ, и театральныя произведенія Сумарокова основаны главнымъ образомъ на немъ. Но, при подражаніи чужимъ формамъ, не было органической передачи идей: внутренній смыслъ западныхъ литературныхъ явленій не былъ передаваемъ. Если западная литература въ прошломъ вѣкѣ и имѣла на нашу существенное вліяніе, то оно оказалось уже позднѣе, именно на Державинѣ, какъ на лирикѣ. Но Державинъ былъ живымъ современникомъ конца XVIII столѣтія. Русское общество уже много выросло тогда, а потому много сторонъ литературы того вѣка, много вопросовъ, поднятыхъ ею, общественныхъ, политическихъ, мистическихъ, отразилось въ лирическихъ произведеніяхъ Державина. Сумароковъ же жилъ раньше; въ его время этого быть не могло.

Если и отразилось что въ произведеніяхъ Сумарокова изъ внутренняго содержанія европейскихъ литературъ, то это было *сатирическое направленіе*, главнымъ представителемъ котораго былъ онъ у насъ. Оно перешло къ Сумарокову чрезъ журналы. Вся литература XVIII вѣка носитъ сатирическій характеръ. Этотъ характеръ возникъ сначала въ Англіи, въ ея пуританской литературѣ, слѣдовавшей за роскошными царствованіями Стюартовъ. Тамъ историческій смыслъ сатиры былъ

ясенъ. Родившись на протестантской почвѣ, она относилась ко всему и всѣ англійскіе писатели, начиная съ Шефтесбюри, были сатириками. «Spectator» Аддисона и «Tattler» были главными сатирическими журналами того времени. Въ послѣдствіи эта англійская сатира, смягченная, измѣненная, болѣе въ легкой и роскошной формѣ, перешла во Францію. Здѣсь блестящія «Lettres persannes» Монтескьё служатъ самымъ лучшимъ представителемъ сатиры. Онѣ отразились даже въ «Адской Почтѣ» — журналѣ Эмина. Изъ Франціи, слѣдовательно, могло перейти сатирическое направленіе, которое преимущественно замѣтно въ Сумароковѣ. Конечно первымъ сатирикомъ русскимъ былъ Кантемиръ, но его сатира, не смотря на то, что и въ ней являются черты и слѣды русскаго быта, все-таки была далека отъ общества. Она создана была по классической формѣ древнихъ и далека была отъ живого, вседневнаго содержанія, которое живымъ ключемъ бьетъ въ прозаическихъ произведеніяхъ Сумарокова. Сатира Кантемира, строгая и важная, имѣетъ мѣсто въ исторіи нашей литературы по отношенію болѣе къ ея художественной, классической формѣ. Сатира Сумарокова, летучая и подвижная, полное выраженіе его характера, входитъ въ исторію нашей литературы болѣе своимъ внутреннимъ содержаніемъ, выросшимъ на общественной почвѣ. Наша литература въ своихъ сатирическихъ явленіяхъ имѣетъ много правъ на уваженіе. Вся она проникнута глубокимъ сознаніемъ нравственности и на первыхъ порахъ своего существованія отзывалась на все доброе, что только успѣвала подмѣчать въ обществѣ. Это составляетъ важное моральное достоинство ея. Наша литература была учительницею

народною и воспитательницею. Она шла впереди развитія общественнаго. Она была провозвѣстницею всѣхъ благородныхъ чувствъ и побужденій; она развивала для общества высокія понятія нравственности, правды и добра; она указывала ему цѣли стремленій.

Опредѣлить хронологически время первыхъ произведеній Сумарокова, какъ и позднѣйшихъ, чрезвычайно трудно, даже невозможно въ настоящее время. Новиковъ, издавшій два раза полное собраніе сочиненій его, со многими опечатками и пропусками, не позаботился о хронологическомъ указаніи, что легко было сдѣлать ему, имѣя подъ руками первыя изданія. Для насъ эти первыя изданія, любопытныя во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ очень не многихъ, рѣшительно не существуютъ. Сдѣлавшись библіографическими рѣдкостями, они даже не находятся въ извѣстныхъ библіографическихъ каталогахъ, а потому мы по неволѣ должны будемъ отказаться отъ хронологическаго плана разсматриванія литературной дѣятельности Сумарокова и ограничиться разборомъ его сочиненій по родамъ и формамъ литературнымъ. Но гдѣ указанія хронологическія существуютъ, тамъ мы постараемся воспользоваться ими.

Первыя произведенія Сумарокова явились въ печати еще въ то время, когда онъ былъ въ корпусѣ. Мы знаемъ уже о существованіи кадетской поэзіи, къ которой принадлежала и первая ода Сумарокова 1740 года. Онъ самъ говоритъ, что они напечатаны были отъ кадетскаго корпуса для показанія его ученичества (*), и жалѣетъ объ этомъ раннемъ появленіи въ

(*) «Трудолюбивая Пчела» 1759 года. Декабрь. Статья — «Къ несмысленнымъ рифмотворцамъ». Стр. 765.

свѣтъ своихъ стихотвореній. Видно, что онъ сознавалъ въ послѣдствіи бѣдность прежней литературной формы своей. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Глинка говоритъ (*), что они явились въ 1736 году. Какъ бы то ни было, они явились въ свѣтъ и сдѣлались извѣстными около времени появленія первой Ломоносовской оды. Кромѣ того существуетъ преданіе, что однимъ изъ первыхъ поэтическихъ произведеній Сумарокова были пѣсни, которыя вошли тогда же въ моду и сдѣлали извѣстнымъ имя Сумарокова. Онѣ были положены на музыку. Современнымъ Сумарокову сочинителемъ пѣсенъ или романсовъ является Алексѣй Нарышкинъ, котораго нѣкоторыя пѣсни перешли въ народъ. Что касается до «пѣсенъ» Сумарокова, то ихъ у него 151. (**) Это собственно не пѣсни, а романсы того времени и народнаго нѣтъ ничего въ нихъ, хотя Сумароковъ и поддѣлывается въ иныхъ пѣсняхъ подъ народный ладъ, напр. въ 8-й:

Въ рощѣ дѣвки гуляли,
Калина ли, малина моя.
И весну прославляли,
Калина ли . . . и проч.

Всѣ онѣ наполнены любовною тоскою двухъ сердецъ, но эта любовь до того сентиментальна и неестественна, что какъ-то и не вѣрится ей. У сочинителя пѣсни она является чисто придуманнымъ элементомъ ея, а потому и никакъ не можетъ служить для объясненія характера писателя. Это не душа плачетъ

(*) «Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова». Ч. 2. Стр. 3.

(**) Сочиненія. Ч. 8. Стр. 170 — 334.

и выливается, какъ въ современной лирикѣ, напримѣръ въ пѣснѣ Цыганова и Кольцова, гдѣ эта самая страстная сила чувства, это драматическое движеніе страсти дѣлаютъ теперь пѣсню народною. Во время славы Сумароковскихъ пѣсенъ общество было еще молодо и чувство не могло въ немъ быть глубоко, вырости до той глубины, которая рождаетъ драму. Поэтому пѣсни Сумарокова любопытны для насъ именно по отношенію къ обществу современному. Бѣдность ихъ содержанія заставляетъ догадываться о пустотѣ того общества, гдѣ были онѣ въ ходу. Эти пѣсни вертятся около двухъ, трехъ нотъ. Но напрасно позднѣйшій изслѣдователь будетъ думать, судя по сентиментальности пѣсенъ Сумарокова, о нѣжности въ общественныхъ отношеніяхъ. Эта сентиментальность была одно только искусственное направленіе въ обществѣ, и поэтому исторія романсовъ въ Россіи любопытна въ исторіи нашей литературы для опредѣленія извѣстныхъ направленій въ обществѣ. Но Сумароковъ и въ пѣснѣ оставался вѣренъ своему сатирическому направленію, которое составляетъ главную и существенную сторону его таланта. Его любимою пѣснію, по извѣстіямъ ему современнымъ, была :

Савушка грѣшенъ,
Сава повѣшенъ.
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава?
Больше не падки
Мысли на взятки.
Савушка, Сава!
Гдѣ твоя слава? и проч. (*)

(*) Сочиненія. Ч. 8-я. Стр. 212

Есть у Сумарокова и историческая пѣсня, написанная въ честь Графа П. И. Панина, покорителя Бендеръ. (*) Сумароковъ въ 1763 году, къ различнымъ группамъ огромнаго маскарада, устроеннаго въ Москвѣ въ коронацію Императрицы Екатерины II-й Волковымъ, написалъ «хоры». Нѣкоторые приписываютъ ихъ однакожь самому Волкову. Особенно замѣчательны: *хоръ пьяницъ*, *хоръ невѣжества*, поющій:

Мы полезнаго желаемъ,
А па вредъ ученья лаемъ;
Прочь и азъ и буки,
Прочь и литеры всѣ съ ряда:
Грамота, науки,
Вышли въ міръ изъ ада. (**)

и другой *хоръ — ко превратному свѣту*, начинающійся народнымъ складомъ:

Прилетѣла на берегъ синица,
Изъ за полночнаго моря,
Изъ за холодна океана.
Спрашивали гостейку пріѣзжу,
За моремъ какіе обряды (***) . . . и пр.

Этотъ довольно длинный хоръ, не смотря на легкую по видимому форму, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно ѣдкую сатиру на общественные пороки.

Изъ указаній Штелина (****) видно, что Сумароковъ еще съ 1742 года писалъ и издавалъ оды. Между

(*) Сочиненія. Ч. 8-я Стр. 204.
(**) Тамъ же. Стр 337.
(***) Тамъ же. Стр. 330.
(****) «Записка» Штелина въ журналѣ «Москвитянинъ» 1851. Генваръ. № 2-й.

«торжественными одами» (числомъ 33), напечатанными Новиковымъ, нѣтъ однакожь ни одной старѣе 1755 года. (*) Послѣдняя ода Сумарокова написана въ 1775 году, на торжество мира съ Портою Оттоманскою. Всѣ эти оды касаются двухъ царствованій: Елисаветы и Екатерины. Разсматривая ихъ съ художественной точки зрѣнія, легко убѣдиться, что Сумароковъ не былъ поэтомъ: у него не было того вдохновенія, которое внушало современнику его Ломоносову иногда звучные, полные чувства стихи. Стихъ Сумарокова чрезвычайно прозаиченъ вообще, а въ одахъ даже замѣтно особое усиліе, трудъ созданія. Ода въ наше время и тогда принадлежала и принадлежитъ къ искусственному роду поэзіи. Въ ней слышится что-то заказное, а не прямо выливающееся изъ души поэта. Самая постройка ихъ отзывается внѣшнею работою, замѣтнымъ тяжелымъ механизмомъ. Это мануфактурное произведеніе. Посмотрите на эти начала одъ, которыя у Сумарокова чисто случайны и расплодились въ нашей литературѣ съ легкой руки Ломоносова, перешедъ прямо отъ Ж. Б. Руссо и Боало:

Мой духъ и сердце возлетаютъ
Туда, гдѣ музы обитаютъ
И съ лирой слышенъ Аполлонъ.

или:

Ищи избранныхъ словъ союза,
Взлети со мной на Геликонъ,
Воспой Елисавету, муза.

(*) Сочиненія. Ч. 2. Стр. 1 — 134. Неизвѣстно въ которомъ году вышла 1-я ода: «На побѣды Государя Императора Петра Великаго».

или:

Не сирена мя прельщаетъ,
Нимфа тайну возвѣщаетъ.

Возваніе къ музѣ и миѳологическая обстановка были необходимыми условіями одъ. Этимъ подслащивался не-поэтическій вообще складъ оды и они давали ему внѣшнюю блестящую одежду. Съ точки зрѣнія практической, ода въ то время была, можетъ быть, самымъ выгоднымъ родомъ поэзіи для поэта. Кстати поднесенная, она вызывала не только благосклонную улыбку вельможи-мецената, но и вела болѣе къ существеннымъ наградамъ. Въ тогдашнемъ обществѣ, еще при дѣтскомъ пониманіи значенія писателя, ода походила на поздравленіе, приносимое дѣтьми въ праздникъ родителямъ, за что получаютъ они улыбки и подарки. Почти всѣ наши писатели прошлаго вѣка начали свое литературное поприще съ оды, и она проложила имъ дорогу къ дальнѣйшимъ почестямъ и литературнымъ успѣхамъ.

Разсматривая торжественныя оды Сумарокова по отношенію къ историческимъ событіямъ, казалось бы надобно ожидать живого участія поэта къ современнымъ успѣхамъ нашей исторіи. Время, въ которое писалъ свои оды Сумароковъ, было дѣйствительно замѣчательное время. Къ преобразованіямъ и нововведеніямъ въ началѣ царствованія Екатерины II, вызвавшимъ широкое развитіе нашей общественной жизни, присоединились вскорѣ, громъ за громомъ, неслыханныя побѣды русскаго оружія. Появились люди дотолѣ невиданные. Это былъ какой-то яркій разгаръ жизни, въ которомъ всѣ силы были напряжены. Казалось

тутъ бы и возникнуть поэту, тутъ бы и пѣть ему хвалебные, торжественные гимны. Ничуть не бывало. Мы не видимъ въ одахъ Сумарокова сердечнаго участія къ событіямъ. Оды его вялы и напыщенны, и не внутренній, пиндарическій восторгъ заставлялъ его складывать строфы, а только, можетъ быть, желаніе прослыть лирическимъ стихотворцемъ. Разъ только, въ годъ первой войны съ Турціею, въ 1769, въ «Одѣ на день тезоименитства Государыни,» Сумароковъ по видимому поднялся выше надъ обыкновеннымъ лирическимъ полетомъ, и представились ему и освобожденная Греція, и вновь процвѣтающія Аѳины, и іоническіе города въ прежнемъ блескѣ, и соединеніе народовъ.... Но непривычная вспышка была непродолжительна. Къ тому же Сумароковъ не находилъ и стиха хоть сколько нибудь гармоническаго. Его строфы не отличаются поэзіей и далеко ниже Ломоносовскихъ.

Кромѣ торжественныхъ одъ, у Сумарокова есть еще цѣлый отдѣлъ одъ, подъ названіемъ *разныхъ*. (*) Ихъ у него числомъ 36. Въ этотъ отдѣлъ входятъ такъ называемыя анакреонтическія, сафическія, гораціанскія оды, написанныя въ подражаніе внѣшней формы этихъ поэтовъ древности, но разумѣется далекія отъ нихъ по духу и содержанію. Подражаніе совершенно принадлежитъ пріемамъ XVIII вѣка. У Сумарокова есть даже переводъ IV олимпійской оды Пиндара, сдѣланный, по всему вѣроятію, съ французскаго, или съ прозаическаго перевода Козицкаго. Козицкій переводилъ ему оды Сафо и Анакреона прозою, а Сумароковъ перекладывалъ эту прозу въ стихи. Къ этой одѣ Сума-

(*) Сочиненія. Ч. 2-я. Стр. 137—202.

роковъ дѣлаетъ примѣчаніе и задѣваетъ въ немъ соперника своего по одѣ — Ломоносова. «Г. Ломоносовъ, говоритъ онъ, не зная по гречески и весьма мало зная по французски (Сумароковъ считалъ знаніе французскаго языка необходимымъ для знакомства съ Пиндаромъ), можетъ быть никогда не читалъ Пиндара: и хотя нѣкоторыя сего россійскаго лирика строфы великолѣпіемъ и изобильны, но Пиндара въ нихъ не видно; ибо вкусъ Пиндаровъ со всѣмъ иной. *А какъ писалъ Пиндаръ: я при семъ сообщаю его IV олимпійскую оду — для желающихъ ему подражати.*» (*) Любопытно и справедливо его замѣчаніе, которое впрочемъ можетъ быть отнесено и къ нему: «многіе наши одослагатели не помнятъ того, что они поютъ: и вмѣсто того говорятъ, разсказываютъ и надуваются.»

Между *разными* одами Сумарокова есть одна «Къ Потемкину», его покровителю, на отъѣздъ его въ Москву. Въ ней замѣчательно то, что Сумароковъ всего болѣе выставляетъ литературныя стремленія Потемкина и его любовь къ наукѣ:

Прощаюся съ тобой Потемкинъ,
Въ Москвѣ тя зрѣть желая здрава,
Россійскій любяща языкъ,
Словесны чтущаго науки,
Подобно какъ дѣла вописки,
Въ которыхъ твой великъ успѣхъ.
Гражданскі и духовны правы,
До сама центра ты проникъ . . . . и пр.

Въ 22-й одѣ разсказываются ужасы московской чумы и подвиги, прекратившіе ихъ. Въ *одахъ вздор-*

(*) Сочиненія. Ч. 2-я, стр. 193.

ныхъ (*) Сумароковъ хотѣлъ посмѣяться надъ современными ему одописцами и преимущественно Ломоносовымъ. Вотъ въ образецъ начало одной изъ вздорныхъ одъ:

Среди зимы, въ часы мороза,
Когда во мнѣ вся стынетъ кровь,
Хочу твою воспѣти, роза,
Съ Зефиромъ сладкую любовь
Въ верхахъ парнасскихъ быстры рѣки
Цвѣтовъ царицу вы на вѣки,
Вознесте шумно въ небеса;
Стремитесь мысленные взоры,
На многія парнасски горы,
Моря внимайте и лѣса.

Въ 1744 году вышли *три преложенія* 143 псалма, сдѣланныя Ломоносовымъ, Сумароковымъ и Тредьяковскимъ, и были напечатаны вмѣстѣ. (**) У Сопикова это изданіе отнесено правильно къ 1744 году. Оно называется: «Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ (Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго), изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо.» Спб. 1744. 4°. (***) Изданіе это снабжено предисловіемъ, написаннымъ Тредьяковскимъ, которое напечатано и въ его «Сочиненіяхъ и переводахъ», изданныхъ Академіей. О переводчикахъ сказано слѣдующее: «Чтожъ еще до сихъ одъ писателей, ихъ токмо всѣхъ трехъ имена здѣсь объявляются, т. е. что авторы сіи именно: Александръ Сумаро-

(*) Сочиненія. Ч. 2-я, стр. 203—218.
(**) Записка Штелина. Здѣсь ошибочно показанъ 1743 годъ.
(***) У Сопикова невѣрно показано in 8°.

ковъ,' генералъсъ-адъютантъ, Михаилъ Ломоносовъ, адъюнктъ при Академіи, да тожъ Академіи секретарь Василій Тредьяковскій. Но который изъ нихъ которую оду сочинилъ о томъ умалчевается: знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая ода чрезъ котораго сложена (стр. 6).» Первая ода сочинена Сумароковымъ.

Что касается до «преложеній псалмовъ», сдѣланныхъ Сумароковымъ, то вѣроятно въ продолженіе многихъ лѣтъ жизни трудился онъ надъ переводомъ всего псалтыря. Этотъ переводъ, въ XX книгахъ, напечатанъ Новиковымъ въ собраніи сочиненій Сумарокова. (*)

«Духовныя стихотворенія» (**) посвящены «Ихъ Преосвященствамъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода членамъ: Гавріилу, Архіепископу Петербургскому, Иннокентію, Архіепископу Псковскому, Платону, Архіепископу Тверскому.» Въ посвященіи, какъ и во всемъ, что писалъ Сумароковъ, высказался его характеръ и самолюбіе, а потому не лишнимъ считаемъ привести слова его:

«Я приношу духовныя мои стихотворенія, вашимъ Преосвященствамъ, ради засвидѣтельствованія моего къ вашимъ особамъ отличнаго усердія и ради умноженія безгрѣшнаго моего любочестія, симъ предчувствіемъ пышѣ, что потомки знати будутъ то, что я живучи съ вами въ одномъ вѣкѣ и въ едино время царствованія Великія Екатерины, ей посвящая сей мой трудъ, вашими особами, былъ не только знаемъ, но и любимъ. Усугубятъ потомки симъ ко мнѣ почтеніе, хотя и то правда, что хвалити будутъ тѣ люди, которыхъ еще нѣтъ,

(*) Ч. 1-я, стр. 1—218.

(**) Они напечатаны въ 1774 году. Спб. 8°. Страницъ 163 перемѣченныхъ и 11 неперемѣченныхъ.

того, котораго уже не будетъ. Но что дѣлати! Такова судьбина человѣческая,

Вашихъ Преосвященствъ,

Усердный и покорный слуга. (*)

Трудно думать, чтобъ божественная книга Давида, въ которой поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ находили источникъ вдохновенія, которая полымаетъ сердце и поитъ вѣчнымъ содержаніемъ духовную жажду души, не разбудила лиру Сумарокова и не вызвала сколько нибудь вдохновенныхъ пѣсенъ. Въ псалмахъ есть отголосокъ на всѣ человѣческія стремленія; этотъ звучный, полный жизни строй божественной лиры, вызываетъ душу и волю къ дѣятельности поэтической. Нѣмецкій поэтъ Гёте въ одномъ изъ самыхъ поэтическихъ стихотвореній своихъ восклицаетъ:

Ist auf deinem Psalter,
Vater der Liebe, ein Ton,
Seinem Ohre vernehmlich —
So erquicke sein Herz.

(*) Продолженіе этихъ стихотвореній вышло тамъ же, въ томъ же году и въ томъ же форматѣ подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя духовныя стихотворенія, служащія продолженіемъ прежнимъ», такъ что нумерація страницъ идетъ по порядку чиселъ за послѣднею страницею первой книжки. Кромѣ этого продолженія, въ томъ же году вышло «Дополненіе къ духовнымъ стихотвореніямъ.» (Стр. 82 и 3 безъ перемѣтки). Оно снабжено *предисловіемъ*, въ которомъ Сумароковъ посвящаетъ и это свое изданіе тѣмъ же духовнымъ особамъ. Это предисловіе очень любопытно во многихъ отношеніяхъ и надобно сожалѣть, что Новиковъ въ своемъ изданіи не помѣстилъ предисловій Сумарокова, этой живой исторіи его литературнаго характера и его произведеній, въ которыхъ отражалась жизнь его. Въ этой же книгѣ есть и *послѣсловіе*, въ которомъ Сумароковъ свидѣтельствуетъ, что при переводѣ псалмовъ онъ пользовался какимъ-то нѣмецкимъ ихъ переводомъ.

И Сумароковъ, вѣроятно въ тяжелыя минуты жизни, прибѣгалъ къ псалтырю. Въ немъ онъ можетъ быть находилъ утѣшеніе въ скорби жизненной и нѣтъ сомнѣнія, что иныя преложенія вызваны были минутнымъ настроеніемъ. Но при всемъ желаніи найти поэтическія мѣста въ его преложеніяхъ, которыя бы указывали на состояніе духа переводчика и были бы вѣрнымъ выразителемъ его, мы должны отказаться отъ этого желанія. Иныя строфы, очень рѣдкія, представляютъ намъ языкъ не похожій на тотъ, который встрѣчаемъ въ другихъ произведеніяхъ Сумарокова, напр. начало 28 псалма:

О чада, подвластныя ложнымъ богамъ,
Узрите владыки вселенныя честь,
Почувствуйте область его многомочну
И слышите славное имя его:
Узрите Творца и падите предъ нимъ,
Услышите Вышняго гласъ надъ водами . . . . и пр.

Этотъ болѣе поэтическій языкъ встрѣчается также въ псалмахъ 2, 60, 80 и еще очень не многихъ. Вообще о преложеніяхъ Сумарокова надобно сказать, что они, можетъ быть вызванныя примѣромъ Ломоносова, стоятъ ниже образца своего. Въ Сумароковѣ замѣчательно только обиліе размѣровъ и разнообразіе ихъ. Какъ кажется онъ хотѣлъ пощеголять ими, но это механика, а не признакъ творчества. Тоже самое механическое искусство владѣть стихомъ заставило его 100-й псаломъ переложить акростихомъ, начальныя буквы котораго составляютъ: Екатерина Великая. Видно, что, увлекаясь вѣчною прелестію небесной поэзіи, онъ не забывалъ и о землѣ.

Къ преложеніямъ псалмовъ, по содержанію, близко относятся *оды и другія духовныя сочиненія и преложенія*. Здѣсь, кромѣ одъ, болѣе важнаго содержанія, гимновъ и молитвъ, встрѣчаются «Стихиры Пресвятой Дѣвѣ» и «Стихиры Св. Александру Невскому», и переводы изъ разныхъ мѣстъ библіи. Можетъ быть въ молитвахъ выражается внутреннее состояніе духа Сумарокова. Въ иныхъ нельзя не слышать внутренней скорби, при всемъ томъ, что мы не можемъ сочувствовать стиху, напр.:

Правосудное Небо воззри,
Милосердіе мнѣ сотвори
И всѣ дѣйства мои разбери!
Во всей жизни минуту я кажду
Утѣсняюсь гонимый и стражду,
Многократно я алчу и жажду . . . . и пр.

Живая натура Сумарокова, часто и близко къ сердцу принимавшая оскорбленія и преувеличивавшая ихъ, выливалась въ этихъ духовныхъ одахъ и молитвахъ. Какъ выливалась—это другой вопросъ и намъ нельзя и требовать художественности тамъ, гдѣ ея быть не могло. Но и здѣсь читатель поражается странною выходкою, которой объясненіе надобно искать въ условіяхъ тогдашней искусственной поэзіи и въ томъ, что Сумароковъ не одаренъ былъ поэтическимъ талантомъ. Мы встрѣчаемъ молитву, «которая и по первымъ литерамъ молитва», какъ сказано въ примѣчаніи Сумарокова. Молитва, которая должна быть невольною пѣснію сердца и прямо итти отъ него, если и допустить стихо-

(*) Сочиненія. Ч. 1-я, стр. 221—262.

творную форму, является у Сумарокова акростихомъ, поэтическою игрушкою. Вотъ какое понятіе было тогда о поэзіи.

Сумароковъ не былъ поэтомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вообще, по нашему мнѣнію, въ XVIII вѣкѣ, кромѣ очень немногихъ стихотвореній Ломоносова и тоже очень немногихъ строфъ Державина, хотя и въ большемъ количествѣ, нежели у перваго, у насъ не было настоящей поэзіи. Поэтомъ прошлаго вѣка у насъ недоставало многаго: недоставало глубокаго пониманія жизни, пріобрѣтаемаго жизнію, недоставало чувства и страсти, которое даетъ поэзіи и смыслъ и движеніе, а дается нравственнымъ развитіемъ. Но Сумароковъ былъ замѣчательный и чрезвычайно плодовитый стихотворецъ. Смотря на произведенія его съ рифмами, которыя составляютъ большую половину всѣхъ его сочиненій, нельзя не удивляться, если не таланту его, то огромному трудолюбію. Зная его живой характеръ и безпрерывныя увлеченія, не знаешь, откуда бралъ онъ время писать столько. Надъ всѣми его не-прозаическими статьями возвышается однакожь мысль — создать поэтическія формы у насъ, за которую мы должны быть ему благодарны. Увлекаясь похвальнымъ рвеніемъ пересадить на родную почву стихотворныя растенія чужой земли, преимущественно французской, которая воспитала его, онъ писалъ во всѣхъ стихотворныхъ родахъ и этимъ, отдадимъ ему справедливость, онъ создалъ нашу литературу. Только такой талантъ, какой былъ у него, талантъ чисто подражательный, довольно образованный для того, чтобъ понимать образцы, и такая натура, какая была у него, натура живая и всѣмъ увлекаю-

щаяся, могли рѣшиться на это дѣло. Этому помогала и страстная любовь его къ родному слову, выказывающаяся вездѣ, и наконецъ его самолюбіе, подстрекавшее его къ дѣятельности и возбудившее въ немъ желаніе быть первымъ въ нашей литературѣ. Въ «Эпистолѣ о стихотворствѣ» (*) онъ говоритъ:

Все хвально: драма ли, эклога или ода,
Слагай, къ чему влечетъ твоя природа,
Лишь просвѣщеніе писатель дай уму:
Прекрасный нашъ языкъ способенъ ко всему.

Тогда именно въ нашей литературѣ необходимъ былъ не столько геній поэтическій, сколько просвѣщеніе, это умѣнье познакомить Русскихъ съ литературными формами европейскими. Эпистола Сумарокова, не смотря на то, что она заимствована большею частію изъ Буало, замѣчательна въ томъ отношеніи, что представляетъ намъ взглядъ Сумарокова на поэзію, какъ на особое искусство. Онъ говоритъ:

Стихи слагать не такъ легко, какъ многимъ мнится...
. . . . . Оно не плодъ единыя охоты,
Но прилежанія и тяжкія работы.

И Сумароковъ былъ трудолюбивый работникъ въ дѣлѣ поэзіи. Не легко давались ему формы чужого народа. Мы приведемъ еще мѣста изъ этой эпистолы при разсматриваніи поэтическихъ его произведеній.

(*) «Двѣ епистолы Александра Сумарокова. Въ первой предлагается о русскомъ языкѣ, а во второй о стихотворствѣ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ.» Спб. 1748. 8°. Стр. 20. См. также Сочиненія. Ч. 1-я, стр. 348.

Эти поэтическія произведенія, кромѣ разобранныхъ уже нами, состоятъ изъ: элегій, эклогъ, идиллій, стансовъ, сонетовъ, надписей, эпиграммъ, эпитафій, мадригаловъ, разныхъ мелкихъ стихотвореній, не подходящихъ подъ эти роды, эпистолъ, сатиръ и наконецъ басенъ. Такое разнообразіе родовъ доказываетъ страшную дѣятельность Сумарокова и мы должны о каждомъ изъ нихъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что Сумароковъ былъ образцемъ въ этихъ родахъ для всѣхъ стихотворцевъ нашихъ прошлаго вѣка.

Часть «элегій» напечатана была самимъ Сумароковымъ подъ названіемъ: «Элегіи любовныя,» Спб. 1774. 8., съ эпиграфомъ:

Противнѣе всего элегіи притворство,
И хладно въ ней всегда безъ страсти стихотворство,
Колико мыслію въ него ни углубись,
Коль хочешь ты писать такъ прежде ты влюбись.

Въ этомъ собраніи только 12 элегій. (*) Къ нимъ Новиковъ прибавилъ еще 27 элегій, напечатанныхъ отдѣльно, или вовсе при жизни Сумарокова не напечатанныхъ. (**) Въ «Эпистолѣ о стихотворствѣ» Сумароковъ говоритъ:

Когда ты мягкосердъ и жалостливъ рожденъ,
И ежели при томъ любовью побѣжденъ,
Пиши элегіи, воспѣвай любовны узы
Плачевнымъ голосомъ стенящей де ла Сувы.

(*) Въ изданіи «Сочиненій» у Новикова. Ч. 8-я, стр. 347 - 388.
(**) Сочиненія. Ч. 9-я, стр. 50—94.

По этому правилу главнымъ содержаніемъ элегій Сумарокова была любовь, но объ этой любви въ элегіи мы можемъ повторить только то, что сказали уже, говоря о пѣснѣ Сумарокова. Эта любовь скучна и однообразна до крайности и не понятна намъ. Элегическія восклицанія: «драгая! о день лютый! о мой несчастный вѣкъ! о сладкая моя надежда! о злая вѣдомость!» и надоѣдаютъ и смѣшатъ. Эта прямичная любовь Сумароковскихъ элегій была въ рѣзкой противоположности съ жизнію, въ которой трудно было, думаю, найти и чувство и любовь, воспѣтую столькими поэтами. Какъ далека эта элегія отъ скорбнаго чувства элегистовъ современныхъ, выстраданнаго развитіемъ внутреннимъ! Поколѣнія живутъ и умираютъ не даромъ и внутреннее содержаніе отжившаго входитъ въ жизнь начинающаго жить и послѣднее богаче сердцемъ и чувствомъ перваго.

У Сумарокова, кромѣ общихъ любовныхъ элегій, есть элегіи также на смерть разныхъ его друзей и родныхъ: сестры его Бутурлиной, Волкова, Графини Шереметьевой, Графа А. Г. Разумовскаго, дочери И. И. Елагина, актрисы Троепольской и др. Въ нихъ, кромѣ чувства, дѣлающаго честь сердцу автора, поэзіи нѣтъ. Здѣсь также находятся двѣ элегіи, любопытныя для біографіи Сумарокова и приведенныя уже нами. Одна по поводу его театральныхъ непріятностей (*), а другая по случаю извѣстнаго представленія трагедіи «Синавъ и Труворъ.» (**)

Собраніе «эклогъ» своихъ, печатанныхъ прежде въ

(*) Сочиненія, Ч. 9-я, стр. 74.

(**) Ibid., стр. 93.

журналѣ Миллера и «Трудолюбивой Пчелѣ», Сумароковъ издалъ также въ 1774 году. Спб. 8. Въ этомъ собраніи 64 эклоги. (*) Къ нимъ Новиковъ прибавилъ еще 12 эклогъ. (**) Эклоги свои Сумароковъ посвятилъ «Прекрасному россійскаго народа женскому полу». Въ «посвященіи», которое заступаетъ мѣсто предисловія, много любопытнаго. «Ежели, кому изъ васъ подумается, говоритъ онъ, обращаясь къ прекрасному полу, что мои эклоги наполнены излишно любовью, такъ должно знати, что недостаточная любовь не могла быть матерію поэзіи; сверхъ того должно и то вообразити, что во дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ къ оному принадлежащихъ: едина нѣжность только препровождаема жаромъ и вѣрностію была основаніемъ любовнаго блаженства.» Въ концѣ посвященія, продолжая говорить о любви, называя ее «источникомъ и основаніемъ всякаго дыханія и поэзіи», Сумароковъ не могъ не задѣть ябеды и крючкотворства, съ которыми боролся цѣлую жизнь. Натура его не измѣнила себѣ и сказалась: «Что почтеннѣе, заключаетъ онъ, эклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ, *и пишемыя хорошимъ складомъ*, или тяжебныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?» Къ эклогамъ, по сходству родовъ, могутъ быть отнесены и 9 «идиллій» Сумарокова. (***) Различая эклоги отъ идил-

---

(*) Сочиненія Ч. 8. Стр. 3—149. Здѣсь прибавлена еще 65-ая эклога: «Переводъ 8 эклоги Фонтенеля», которая не вошла въ собраніе эклогъ, изданныхъ самимъ Сумароковымъ.

(**) Сочиненія. Ч. 9-я, стр. 3—80.

(***) Ibidem. Ч. 8-я, стр. 151—160.

лій, Сумароковъ кокется слѣдовалъ Баттё, теоретику и учителю искусственныхъ стихотворцевъ прошлаго вѣка. Баттё говоритъ: «S'il y a quelque différence entre les Idylles et les Eclogues, elle est fort légère. Les auteurs les confondent souvent. Cependant il semble que l'usage veut plus d'action et de mouvement dans l'Eclogue, et que dans l'Idylle, on se contente d'y trouver des images, des récits ou des sentimens seulement.» (*)

Пасторальная поэзія была въ большой модѣ въ искусственной литературѣ XVIII вѣка. Фонтенель, Флоріанъ и мадамъ Дезульеръ были представителями ея во Франціи, перенеся на французскую почву пьесы Тасса и Гварини. Общество прошлаго вѣка, которое съ другой стороны было развито до чрезвычайности, которое все знало и ничему не вѣрило, казалось хотѣло забыть свою агонію въ этихъ первоначальныхъ, свѣжихъ звукахъ природы. Въ немъ была замѣтна какая-то тоска по природной естественной жизни, ему хотѣлось лѣсовъ первобытнаго міра и дикое общество, безъ всякихъ условій развитой гражданственности, было идеаломъ тогдашнихъ утопистовъ. Le monde enfant казался обѣтованною землею. Въ этомъ возвратѣ къ дѣтству стараго общества былъ смыслъ и правда, какъ въ дѣтской радости слишкомъ много жившаго старика. Общество какъ будто забывалось передъ смертію и надъ гробомъ его, вмѣсто печальной похоронной пѣсни, раздавались веселые звуки свирѣли идеальнаго пастуха. Такъ было въ Европѣ и такой смыслъ имѣетъ тамъ пасторальная поэзія XVIII вѣка. Но не то было въ Россіи, и эклоги и идилліи Сумарокова не имѣютъ

(*) Principes de la littérature Paris 1761 T. 2, p. 80.

историческаго смысла у насъ, а по содержанію своему, суть только пересадка чужой формы въ нашу литературу. Всѣ эклоги Сумарокова носятъ названіе идеальныхъ именъ пастушекъ, всѣ онѣ представляютъ сначала несчастную любовь, разлуку, тоску двухъ любящихся сердецъ и оканчиваются къ обоюдному счастію — вожделѣннымъ образомъ, «въ рощѣ нимфы, при сладкомъ дыханіи зефира, при кроткихъ лучахъ Діаны или при появленіи блѣдно-розовой Авроры». Справедливость требуетъ упрекнуть Сумарокова въ нѣкоторой сладострастности рисуемыхъ имъ картинъ, которая иногда доходитъ до излишества и можетъ не понравиться читательницамъ нашего времени. Въ идиліяхъ воспѣвается тоска любовниковъ и несчастная любовь. Эти произведенія лирической музы Сумарокова можетъ быть нравились, какъ и пѣсни его, современному обществу поэта. Можетъ быть и любовь эта, однообразная и приторная, приходилась по вкусу тогда, но для насъ эклога Сумарокова не имѣетъ никакого значенія.

Въ «стансахъ», которыхъ не много у Сумарокова (*), онъ касается и современности; «городу Симбирску на Пугачева», описывая стихами ужасы Пугачевскаго времени. И здѣсь выказывается наружу его сатирическое направленіе, существенная сторона таланта Сумарокова (стансъ 4).

«Сонеты» (**) большею частію переведены Сумароковымъ, напр. «Три сонета нѣмецкаго поэта Флеммига», написанные имъ къ Москвѣ, гдѣ онъ былъ съ

(*) Сочиненія, Ч. 9, стр. 01—103

(**) Ibid., стр. 103—109

гольштинскимъ посольствомъ. Одинъ сонетъ «нарочно написанъ дурнымъ складомъ для показанія, что если мысль и изрядна, стихи порядочны, риѳмы богаты, однако при неискусномъ, грубомъ и принужденномъ сложеніи, все то сочинителю никакого плода, кромѣ посмѣшества не принесетъ.» Современный читатель, впрочемъ, съ трудомъ разберетъ теперь, который сонетъ нарочно написанъ дурнымъ складомъ и который хорошъ.

«Надписи» Сумарокова (*) не отличаются большою изобрѣтательностію и остроуміемъ. Стихъ ихъ тяжелъ, по обыкновенію. Большая часть ихъ относится къ Петру В., а прочія къ Екатеринѣ II, ея сподвижникамъ и главнымъ событіямъ ея царствованія. Въ доказательство того, что Сумароковъ считался образцемъ, которому другіе подражали, приведемъ слѣдующую надпись, очень напоминающую извѣстную Рубановскую:

Гора содвигнулась, а мѣсто премѣня,
И вилы своего столпія кончину,
Пресѣкла балтійскую пучину
И пала полъ ноги Петрова, здѣсь конь.

Всѣхъ надписей у Сумарокова 55.

Въ 97 «эпиграммахъ» Сумарокова (**) нельзя найти современной намъ эпиграммы, которая бы, какъ у Пушкина или Баратынскаго, хлестала въ немногихъ словахъ по лицу, выводимому въ эпиграммѣ. У Сумарокова встрѣчаются чрезвычайно обиліи нападенія на какой

(*) Сочиненія. Ч. 1-я, стр. 263—284.
(**) Ibid. Ч. 9-я, стр. 109—134.

либо порокъ, совершенно безличный, или сладкія двустишія, ничего колкаго не заключающія въ себѣ. Замѣчательна, по отношенію къ самому поэту, слѣдующая эпиграмма:

Грабители кричатъ: бранитъ онъ насъ.
Грабители! не трогаю я васъ;
Не въ злобѣ, въ ревности къ отечеству духъ стонетъ,
А васъ и Ювеналъ сатирою не тронетъ.
Тому кто воръ,
Какой стихи укоръ?
Ворамъ сатира то: веревка и топоръ.

«Эпитафіи» (*) — тоже общія мѣста, кромѣ тѣхъ, которыя написаны подъ личнымъ. Въ «мадригалахъ» (**) своихъ Сумароковъ высказывалъ вовсе не тонкую лесть, которая, какъ лесть, характеризующая время, довольно любопытна. Нѣкоторые изъ своихъ мадригаловъ Сумароковъ подносилъ за торжественнымъ обѣдомъ присутствующимъ вельможамъ. Кромѣ мадригаловъ Сумароковъ писалъ и «загадки», первый образецъ тѣхъ шарадъ, которыя наполняли журналы наши двадцатыхъ годовъ и въ свое время нравились публикѣ.

Въ «разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ» (***), которыя не попали подъ исчисленныя нами рубрики стихотвореній Сумарокова, попадается много для характеристики его, какъ писателя и какъ человѣка. Здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстную уже намъ «шидулку» къ дѣтямъ

(*) Сочиненія, ч. 9-я, стр. 135—141.
(**) Ibid, стр. 141—147.
(***) Ibid. стр. 150—216.

профессора Крашенинникова; здѣсь же попадаются небольшія, но за то мѣткія нападенія на подъячихъ. Пугачевъ опять преслѣдуется стихами. «Жалоба» Сумарокова вѣроятно написана была въ самый разгаръ дѣла его съ Демидовымъ:

Слаба отрада мнѣ, что слава не увянетъ,
Которой никогда тѣнь чувствовать не станетъ.
Какая нужда мнѣ въ умѣ,
Коль только сухари таскаю я въ сумѣ?
На что писателя отличнаго мнѣ честь,
Коль нечего ни пить, ни ѣсть?

Къ тому же времени, безъ всякаго сомнѣнія, относится и небольшая пьеска: «Разставаніе съ музами», гдѣ Сумароковъ, прощаясь навсегда съ музами, обѣщается не писать никогда болѣе и вѣроятно послѣ того онъ не писалъ ничего. Какъ механическій слагатель стиховъ, Сумароковъ является здѣсь въ двухъ стихотвореніяхъ. Въ одномъ: «На стрѣльцовъ», онъ хочетъ показать, что «весьма удобно описать автору день и часъ, не называя днемъ и часомъ того времени, которое потребно, и что піиту и ритору надлежитъ искуснымъ быти, когда онъ наприм. время возвышеннымъ словомъ изобразить намѣренъ.» Въ другомъ, посвященномъ Потемкину, онъ пишетъ сряду двадцать двѣ различныя риѳмы. Къ мелкимъ стихотвореніямъ отнесены также и «билетцы» или двустишія, пригодныя для конфетъ.

Разбирая стихотворныя произведенія Сумарокова, мы придемъ къ той мысли, что тамъ, гдѣ онъ оставлялъ ему несвойственный тонъ влюбленнаго элегиста, или нѣжнаго идилліка, или громкаго слагателя одъ и

шелъ дорогою сатиры, насмѣшки, преслѣдуя особенно мракъ и невѣжество, тамъ стихъ его становился и глаже и изящнѣе и для насъ понятнѣе.

Гдѣ нѣтъ наукъ, тамъ нѣтъ ни счастья ни покою

говоритъ онъ въ «Письмѣ къ Князю А. М. Голицыну», выражая здѣсь свою пламенную любовь къ просвѣщенію. Сатира оживляла его и измѣняла рѣшительно. Порокъ, преслѣдуемый имъ, задѣвалъ его за живое и вдохновлялъ его.

Но, не смотря на это рѣшительное признаніе къ сатирѣ, «сатиры» Сумарокова (*) не имѣютъ художественнаго достоинства, какое мы привыкли требовать отъ этого рода стихотвореній. Имъ недостаетъ спокойнаго тона, которымъ отличается сатирикъ настоящій. Мы имѣемъ уже довольно художественную, образованную по классическимъ образцамъ сатиру Кантемира. Она спокойна и безстрастна, какъ и надобно понимать этотъ родъ искусственной поэзіи. Сумароковъ же хотѣлъ, чтобы она «въ страстныя сердца втекла». Отъ того въ ней много желчи и она скорѣе походитъ на памфлетъ. Да Сумароковъ и созданъ былъ собственно для задору памфлетиста. Его страстная натура вполнѣ соотвѣтствовала этому задору и онъ былъ сатирикомъ въ прозѣ, въ летучихъ листкахъ сатирическаго журнала, созданнаго имъ у насъ. За то въ сатирахъ его больше русскихъ началъ, чѣмъ у Кантемира. Сатиръ,

(*) Онѣ напечатаны безъ означенія года и мѣста, въ 8. Но Сумароковъ при эклогахъ говоритъ: «Не поставлено въ сатирахъ времени и мѣста, когда и гдѣ онѣ печатаны, такъ извѣщается, что онѣ отпечатаны въ 1774 г. при Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ.» См. Сочиненія, Ч. 7-я, стр. 351—382.

написанныхъ стихами, отъ Сумарокова осталось намъ 9. Въ первой сатирѣ разсуждаютъ самъ поэтъ и другъ его, удерживающій его отъ сочиненія сатиръ. Поэтъ говоритъ о себѣ:

Когда я истину народу возвѣщу,
И нѣсколько людей сатирой просвѣщу,
Такъ люди честные, мою зря міру службу,
Противъ бездѣльниковъ ко мнѣ умножатъ дружбу.
Невѣжество меня ни чѣмъ не возмутитъ,
И росская меня Паллада защититъ;
Не малая статья ея безсмертной славы,
Чтобъ были чищены ея народа нравы.

Другъ доказываетъ ему всю трудность жребія сатирическаго писателя. Онъ говоритъ ему, что противъ пороковъ невозможно воевать одною логикою и разумными доказательствами, что

. . . . логики у насъ и имя рѣдко вѣстно:
Такъ трудно доказать безчестно что иль честно.

Но поэтъ не отказывается отъ борьбы до тѣхъ поръ, пока смерть не заградитъ ему устъ и, можетъ быть, въ этомъ горячемъ profession de foi поэта было и горячее убѣжденіе самого Сумарокова. По крайней мѣрѣ вся жизнь его была продолжительною, ожесточенною борьбою съ пороками и мы знаемъ, что онъ не кривилъ душою, не продавалъ себя. Можетъ быть эта борьба еще болѣе ожесточила и безъ того задорный характеръ его. Нельзя упрекать Сумарокова въ томъ, что сатира его носитъ мелкій, придирчивый характеръ: въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ онъ, другою она и быть не могла. Сатира Ювенала могла быть почти

такою же, еслибъ Ювеналъ не выросъ въ апатіи стоическаго ученія и еслибъ онъ, съ своей философской точки зрѣнія, смотря на неизбѣжное крушеніе древняго міра, не складывалъ порою спокойно рукъ на груди, повторяя можетъ быть про себя знаменитый стихъ Горація:

Impavidum ferient ruinae.

Въ ѣдкомъ и придирчивомъ характерѣ сатиры Сумарокова была практичность, желаніе и возможность дѣйствовать, необходимыя въ молодомъ, еще не далеко ушедшемъ впередъ обществѣ.

Въ сатирѣ «кривой толкъ» мало русскаго, потому что почти вся она заимствована изъ Боало и заключаетъ въ себѣ общія мѣста. Но за то въ сатирѣ «о благородствѣ», обращенной авторомъ къ дворянамъ, видѣнъ уже бытъ русскій, бытъ, который окружалъ поэта и въ которомъ онъ самъ выросъ. Тѣмъ же характеромъ отличается и сатира «о худыхъ судьяхъ,» въ которой Сумароковъ преслѣдуетъ ябеду, со всею ея темною обстановкою. Тутъ уже черты не общія, не блѣдныя и когда сатирикъ говоритъ:

Въ три фунта выписка слыветъ у насъ экстрактъ,

то читатель знаетъ, гдѣ подмѣтилъ это авторъ. Въ сатирѣ «о французскомъ языкѣ,» Сумароковъ нападаетъ на неумѣренное употребленіе французскаго языка въ явный ущербъ родному, и въ этомъ нападеніи слышится оскорбленное чувство истины и особенно горячая любовь къ родному языку. Онъ говоритъ:

Кто русско золото французской мѣдью мѣдитъ
Ругаетъ свой языкъ и по французски бредитъ.
. . . . . .

Прекрасенъ нашъ языкъ единой старивой,
Но глупостью писцовъ онъ нынѣ сталъ инои.
И ежели отъ ихъ онъ узъ не свободится,
Такъ скоро никуда онъ больше не годится.

Особенно хороша сатира Сумарокова: «Наставленіе сыну.» Въ ней столько ѣдкой и вмѣстѣ съ тѣмъ грустной ироніи, она такъ художественно задумана, что и теперь, не смотря на тяжелый стихъ свой, можетъ произвесть впечатлѣніе. Въ ней старый плутъ, прощаясь съ жизнію, даетъ сыну уроки жизни и въ этихъ урокахъ разсказываетъ невольно свою оскорбительную для человѣчества біографію. Тою же иронією отзывается ода, присоединенная къ сатирамъ: «Отъ лица лжи.»

Но не въ этихъ классически-правильныхъ сатирахъ, гдѣ нужно было работать надъ формою и не выходить изъ рамокъ, означенныхъ условными правилами господствующей теоріи, надобно искать сатиры Сумарокова. Съ сатирою мы привыкли соединять, повторяю, строгость формы, а въ эту форму не вмѣщался сатирическій пылъ Сумарокова. Пожалуй, нельзя назвать сатирою и мелкія прозаическія статьи Сумарокова, потому что онѣ не согласны съ формою, но назовемъ ихъ *критикою*. Въ нихъ-то собственно и надобно искать всего того, что составляло содержаніе сатиры Сумарокова и онѣ-то, вызвавъ собою явленіе сатирическихъ журналовъ, служили статьямъ ихъ образцами. Сумароковъ своею «Трудолюбивою Пчелою» былъ провозвѣстникомъ послѣдующихъ журнальныхъ явленій. Тамъ, въ журналѣ, сатира его уже не вдавалась въ общія мѣста, не заимствовала изъ Боало, а черпала изъ быта.

Басни Сумарокова, которыя онъ самъ назвалъ «притчами» (*), стоятъ болѣе подробнаго разбора, нежели позволяетъ намъ объемъ труда. Не даромъ Карамзинъ называлъ ихъ самымъ лучшимъ произведеніемъ Сумарокова, а Новиковъ считаетъ ихъ «сокровищемъ россійскаго Парнаса,» хотя въ наше время онѣ совершенно забыты. Сумароковъ былъ самымъ плодовитымъ нашимъ баснописцемъ. Басни его дѣлятся на 6 книгъ и всѣхъ басенъ у него 378. Такое количество удивляетъ насъ, но не надобно забывать, что въ это число входитъ довольно стихотвореній, не имѣющихъ ничего общаго съ баснею, ни по формѣ, ни по содержанію. Это энциклопедія легкой насмѣшки, а иногда и ѣдкой и тяжелой сатиры. Талантъ Сумарокова и то, что составляло сущность его, выказывался вездѣ и прорывался сквозь условную форму искусства.

Басиямъ Сумарокова придаетъ много жизни ихъ явное сатирическое содержаніе и потому онѣ вполнѣ достойны изученія. Нравы времени и картины современнаго быта разбросаны въ нихъ щедрою рукою и попадаются на каждомъ шагу; особенно любопытны въ нихъ русскія черты, не похожія на тѣ, какія встрѣчаемъ мы у Крылова. И нравы и общество измѣнились, такъ что, сравнивая басни обоихъ поэтовъ между собою, мы можемъ сдѣлать довольно полное заключеніе объ историческомъ развитіи общества въ нравственномъ отношеніи. Сумароковъ еще тѣмъ замѣчателенъ въ своей баснѣ, что онъ мало думалъ о формѣ

(*) Первое изданіе «Притчей», въ 3-хъ книгахъ, вышло въ 1763—1769 годахъ. С. П. Б. 8. У Новикова: Собраніе сочиненій, ч. 7-я, стр. 8 — 348.

ея, объ аллегоріи, о которой естественно должны были хлопотать позднѣйшіе, болѣе развитые баснописцы. При разборѣ басенъ Сумарокова совершенно не умѣстенъ вопросъ: прозрачна или нѣтъ ея аллегорія? О ней и не думалъ, по видимому, поэтъ. Перенося въ русскую литературу форму басни Лафонтена, онъ, слава Богу, забылъ ея общее содержаніе, забылъ эту вѣчную мораль, которая даже у Крылова иногда является притворною. У него басня — совершенная сатира. Басня вообще есть самая робкая, незрѣлая форма искусства; она могла возникнуть только на Востокѣ, гдѣ правда не высказывается прямо, а идетъ обиняками, гдѣ самыя священныя понятія для человѣка называются не существительными, а прилагательными. По этому, при всемъ уваженіи, которое всякій Русскій долженъ чувствовать къ таланту Крылова, воспитателю у насъ уже нѣсколькихъ поколѣній, образованный человѣкъ, останется въ душѣ не совсѣмъ довольнымъ его формою, на которую онъ растратилъ свой огромный и самородный талантъ. Въ баснѣ Сумарокова замысловатой аллегоріи не было. Она выражалась, хоть грубо, но за то ясно и смыслъ не терялся, подъ блестящею фантастическою игрою словъ и образовъ. Эта старая басня еще и потому заслуживаетъ вниманія и уваженія, что позднѣйшіе баснописцы заимствовали много изъ нея. Не приводя много примѣровъ, что легко бы было сдѣлать, скажемъ, что одна изъ оригинальнѣйшихъ басенъ Крылова — «Муха и Дорожные» очень напоминаетъ басню Сумарокова «Услужливый Комаръ». (*) Къ тому же, по нашему край-

(*) Сочиненія. Ч. 7 я, стр 221.

нему разумѣнію, въ баснѣ Сумарокова гораздо больше отражается русское содержаніе того времени, нежели у позднѣйшихъ баснописцевъ — имъ современное.

Главною цѣлію нападеній разумѣется были: ябеда, подъячество, крючки и плутни приказныхъ, и Сумароковъ не щадилъ ихъ нисколько въ баснѣ. Большая и самая злая часть басенъ направлена была на эти язвы, которыя, какъ мы знаемъ, были конькомъ Сумарокова. Не смотря на грубую форму, легко видѣть въ нихъ умно подмѣченныя черты времени. Безъ всякаго сомнѣнія, въ баснях Сумарокова было много личностей; вѣроятно онѣ указывали на лица, извѣстныя многимъ, но намъ не возможно проникнуть въ эти закулисныя тайны тогдашней литературы. Конечно завязка многихъ басенъ очень нелѣпа, дѣйствія собственно нѣтъ никакого, искусства вообще мало, но все это выкупается злою сатирою, не хитрымъ добродушіемъ, какъ у Крылова, добродушіемъ, которому иногда мало вѣришь, не зная, что за нимъ скрывается. Мораль выражается въ немногихъ словахъ, часто въ одной строчкѣ у Сумарокова; но иныя изъ этихъ строчекъ и теперь многими повторяются, напримѣръ:

На что и голова, когда ума въ ней нѣтъ....
Не сдѣлаешь во вѣкъ красавца изъ урода;
Никто того недастъ, чего недастъ природа....
Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много....
Достойной похвалы невѣжи неумалятъ,
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.... и много другихъ.

Между баснями встрѣчаются совсѣмъ не басни. Иногда же басня, безъ всякаго смысла, приплетается

къ какой нибудь истинѣ, напр. «Порча языка» (III. 30), гдѣ Сумароковъ воюетъ за чистоту русскаго языка и обращается къ Козицкому и Мотонису.

Собраніе своихъ басенъ Сумароковъ посвятилъ Наслѣднику Престола Великому Князю Павлу Петровичу.

Между «эпистолами» Сумарокова (*), которыхъ очень не много у него, заслуживаетъ больше вниманія: «о стихотворствѣ», гдѣ разсказывается въ стихахъ теорія поэзіи того времени, заимствованная болѣе всего изъ Боало. Въ ней выражается довольно полно понятіе того вѣка о поэзіи и читатель современный съ улыбкою прочтетъ здѣсь имя *Шекеспира непросвѣщеннаго*. Въ примѣчаніяхъ, гдѣ Сумароковъ говоритъ нѣсколько о тѣхъ поэтахъ, имена которыхъ упоминаются въ эпистолѣ, Ломоносовъ названъ «хорошимъ лирикомъ». Изъ нея мы уже привели нѣсколько стиховъ и еще представится случай привести ихъ. Въ эпистолѣ «о русскомъ языкѣ» поэтъ желаетъ отечеству своему языка образованнаго, имѣющаго литературу, не такого, какой у Мордвы и Вотяковъ:

Возьмемъ себѣ въ примѣръ словесныхъ человѣковъ:
Такой намъ надобенъ языкъ, какъ былъ у Грековъ;
Какой у Римлянъ былъ, и слѣдуя въ томъ имъ,
Какъ нынѣ говоритъ Италія и Римъ,
Каковъ въ прошедшій вѣкъ прекрасенъ сталъ французскій,
Иль наконецъ сказать, каковъ способенъ русскій.

Въ дополненіе обозрѣнія поэтической дѣятельности Сумарокова, скажемъ еще, что у него есть и небольшіе

(*) Сочиненія. Ч. 1-я, стр. 323—369.

«отрывки» (*) переводные, преимущественно изъ французскихъ трагиковъ. Они не замѣчательны. Эпическій родъ поэзіи кажется не возбуждалъ его дѣятельности, по крайней мѣрѣ, кромѣ начала «Димитріяды», состоящаго изъ нѣсколькихъ стиховъ, до насъ ничего не дошло въ этомъ родѣ. Въ «Димитріядѣ» Сумароковъ хотѣлъ воспѣть подвиги Димитрія Донскаго. Въ примѣчаніи сказано, что это начало «зачато Ноября 20 дня 1769. Москва.» Неизвѣстно почему не продолжалъ Сумароковъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ поэтическихъ трудовъ Сумарокова главное стараніе было показать, что онъ не былъ поэтомъ, въ прекрасномъ смыслѣ этого слова. Творчества не доставало у него, поэзіи было мало; стихъ тяжелѣе, нежели у Ломоносова. Но чуть только Сумароковъ вступалъ на сатирическую арену, онъ измѣнялся. Сатира, казалось, была его жизненнымъ дыханіемъ и придавала ему даже какое-то величіе. На призывный голосъ сатиры онъ подымался и возвышался. Но это исключительное направленіе его не отнимаетъ однакожь у него таланта и въ другихъ родахъ поэзіи, а его много нужно было, чтобъ написать такую громаду стиховъ, которую не всякій согласится перечитать теперь. Въ этихъ стихахъ былъ здравый смыслъ; въ нихъ было то, что нравилось времени, а этого было довольно. Не даромъ же современники и очень умные и очень образованные склонялись съ почтеніемъ предъ Сумароковымъ.

(*) Сочиненія. Ч. 1-я, стр. 287—316.

Невозможность слѣдить хронологически за развитіемъ таланта Сумарокова заставила насъ опредѣлять постепенно разные роды его литературной дѣятельности и останавливаться тогда уже, когда было все сказано о какомъ либо родѣ, что только были мы въ состояніи сказать. Мы увѣрены, что опредѣленіе постепеннаго хода въ развитіи писателя прошлаго вѣка не представляетъ большого историко-литературнаго интереса, потому именно, какъ уже разъ было замѣчено, что поэтическія созданія въ искусственной литературѣ, форма и видъ произведенія возникаютъ случайнымъ, почти внѣшнимъ образомъ. Не изъ души поэта, не изъ внутренняго настроенія его выливаются они, а въ слѣдствіе заранѣе составленной мысли. Сумароковъ вѣроятно и въ старости могъ написать любовную пѣсню или нѣжную эклогу и все это не имѣло никакого отношенія къ внутренней жизни поэта. Конечно, по старымъ газетамъ, по журналу Миллера, по собственному журналу Сумарокова и другимъ, при тщательномъ сличеніи первыхъ изданій его произведеній, можно бы было опредѣлить и годъ и даже мѣсяцъ появленія печатно въ свѣтъ каждой мелкой пьесы Сумарокова, но намъ кажется, что такой трудъ, на который нужно употребить довольно времени, былъ бы совершенно безполезенъ. Онъ удовлетворилъ бы, можетъ быть, прихотливыя требованія библіографа, но не прибавилъ бы ничего къ опредѣленію того мѣста, которое Сумароковъ занимаетъ въ исторіи нашей литературы. Поэтому насъ даже радуетъ невозможность, безъ этого предварительнаго библіографическаго труда, слѣдить за постепеннымъ ходомъ печатной извѣстности Сумарокова. Она позволяетъ

намъ, хотя и не подробно, разбирать постепенно однородныя произведенія Сумарокова. Но при всемъ томъ, мы не упускали изъ виду и указаній времени, начавъ съ пѣсни, которая была первымъ роломъ поэтической дѣятельности Сумарокова, и продолжали такимъ образомъ постепенно. Сумароковъ говоритъ о себѣ:

Эрата первая мнѣ вспламенила кровь;
Я пѣлъ заразы глазъ и нѣжную любовь,
Прелестны взоры мнѣ сей пламень умножали;
Мой взоръ ко взорамъ симъ, стихи ко мнѣ бѣжали.
Сталь пѣти я потомъ потоки, берега,
Стада и *пастуховъ* и чистые луга;
Ко Мельпоменѣ я въ послѣдокъ обратился,
И, взявъ у ней кинжалъ, къ театру я пустился. (*)

Намъ предстоитъ теперь разсказать о драматическихъ произведеніяхъ Сумарокова, начавъ съ трагедіи, которая у него появилась прежде комедіи. Первая трагедія, «Хоревъ», явилась въ свѣтъ въ 1747 году. (**) Въ первый разъ представлена она была кадетами Шляхетнаго Корпуса, какъ мы уже знаемъ, при дворѣ, въ 1750 году, черезъ три года послѣ появленія своего въ печати. (***) На основаніи этой первой трагедіи, перваго опыта своего, Сумароковъ заслужилъ почетное имя

(*) Сочиненія Ч. 9-я, стр. 73,

(**) Напечатана при Императорской Академіи Наукъ, Спб. 8°, Стр. 77. Въ собраніи Новикова: Ч 3-я, стр. 1—57.

(***) «Драматическій Словарь» говоритъ объ этой первой трагедіи Сумарокова слѣдующее: «Столько сія трагедія имѣла уваженія по складному положенію стиховъ и мысли автора въ содержаніи ея, что по правдѣ почесться можетъ первою на нашемъ языкѣ въ новомъ штилѣ и театральномъ вкусѣ писаніною.» Стр. 152.

«отца россійскаго театра», а Новиковъ даетъ ему названіе «сѣвернаго Расина», признанное всѣми современниками. Сумароковъ дѣйствительно былъ отцомъ нашего искусственнаго театра (народнаго и не было) и, перенеся къ намъ чужую форму, онъ привилъ къ намъ театръ. Произведенія трагической музы заселили русскую сцену и вся наша драма XVIII вѣка и начала нынѣшняго есть подражаніе и формѣ и складу классической трагедіи Сумарокова.

Здѣсь можно было бы распространиться вообще о значеніи въ нашей жизни пересаженной на русскую почву Сумароковымъ чужой театральной формы, но объ этомъ было уже говорено и многое и многими. Можно бы и еще прибавить нѣсколько не замѣченныхъ чертъ, но мы предоставляемъ себѣ это при другомъ, болѣе удобномъ случаѣ. Говорили много хорошаго вообще о не-народности у насъ сценическихъ явленій и въ этомъ отношеніи слова Пушкина кажутся намъ самыми замѣчательными. (*) Пушкинъ въ своихъ отрывочныхъ замѣткахъ о русской литературѣ сказалъ много дѣльнаго и умнаго. Выводили не-народность театра у насъ, послѣ психологическаго разсматриванія свойствъ русской натуры, изъ ея скрытности, не любящей высказываться, не любящей яваго дѣйствія, изъ историческаго развитія нашего, изъ не-публичности нашей жизни. Но какъ бы то ни было, а театръ существуетъ у насъ и публика любитъ смотрѣть и трагедіи и драмы, драмы особенно, больше нежели комедіи. Говорили также и о томъ, что славяно-русскія драмы, возникшія вдали отъ свѣта, въ уединенныхъ

(*) Сочиненія. Т. XI, стр. 240—248.

стѣнахъ духовныхъ академій, въ XVII вѣкѣ, заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе народнаго содержанія, нежели чужая классическая трагедія Сумарокова и его подражателей. Но какъ ни развивай славяно-русскую драму, какъ ни верти во всѣ стороны сценическія произведенія Симеона Полоцкаго и другихъ сочинителей мистерій, а изъ «Навуходоносора», изъ «Трехъ отроковъ въ пещи огненной» не выйдетъ произведенія художественнаго, могущаго удовлетворить образованнымъ требованіямъ. Содержаніе ихъ бѣдно и сама по себѣ истинная идея созданія не можетъ быть развита дальше: въ ней такъ мало драматическихъ мотивовъ. Конечно эти созданія болѣе народны и ближе подходятъ ко вкусу народа, нежели драма или трагедія съ художественными условіями; народъ легче пойметъ стихи, пѣтые каликами — перехожими, нежели «Мѣднаго Всадника» Пушкина, но что слѣдуетъ изъ этого? Останемся же благодарны Сумарокову за его драматическія произведенія, хоть даже съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на нихъ «Драматическій Словарь» 1787 года.

Трагедія Сумарокова возникла вполнѣ на почвѣ ложно-классической, размѣренной, чрезвычайно хитро придуманной и механической трагедіи Французовъ. Эта французская трагедія имѣетъ такое же отношеніе къ древней греческой трагедіи, какое Буало, Баттё и Лагарпъ, теоретики ея, имѣли къ Аристотелю, исковерканному ими. Аристотелева теорія трагедіи, основанная на великихъ сценическихъ явленіяхъ древней трагедіи, стоитъ неизмѣримо выше ихъ бѣдной теоріи. Древній театръ имѣлъ такое полное значеніе для всей греческой жизни, съ которою тѣсно былъ слитъ, что

ни одинъ новый театръ не можетъ похвалиться подобнымъ. Развѣ англійская драма Шекспира подходитъ къ нему нѣкоторыми сторонами своими. Въ древней греческой жизни было такое глубокое, всемірно-человѣческое содержаніе, что греческое искусство, прекрасное воспроизведеніе этой жизни, сохранило въ вѣчныхъ типахъ своихъ обаятельные, но недосягаемые образцы для насъ. Отъ того на греческой сценѣ могли быть представляемы миѳы всѣлаго человѣчества, миѳы, которые и теперь заставляютъ сердце биться въ груди, какъ напримѣръ миѳъ о Прометеѣ, такъ исполински развитый въ титаническомъ созданіи Эсхила. Драма Грековъ была изображеніемъ широкой исторической жизни. Родная дочь греческаго эпоса, въ которомъ сохранились всѣ народныя, всѣ племенныя преданія Грековъ, она постоянно представляла ихъ живыми передъ народомъ. Она была всегда художественно-понятною исторіею прошлаго и вѣрною изобразительницею настоящаго. Тѣсно связанная съ религіозными учрежденіями, греческая драма была и государственнымъ учрежденіемъ, какъ это видимъ мы въ Аѳинахъ. Она была такъ же необходима въ Греціи, какъ Ареопагъ. И что за великолѣпная внѣшняя обстановка была у этой греческой драмы. Археологи съ любовію говорятъ о роскоши древней сцены. Съ заднихъ мраморныхъ скамеекъ аѳинскаго театра можно было видѣть Эгейское море подъ яркимъ солнцемъ Эллады; на этомъ морѣ, въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ, передъ глазами аѳинскихъ зрителей, плавали острова, полные историческихъ воспоминаній, и видѣлся заливъ, на которомъ только что совершилась національная побѣда надъ Персами; надъ театромъ возвышался акрополь

аѳинскій съ блестящими колоннами Партенона и другихъ храмовъ. На такой только театръ поэтъ могъ призвать цѣлый хоръ пятидесяти нимфъ Океанидъ, дочерей сѣдаго Океана, до которыхъ, въ подводную глубину ихъ жилищъ, долетѣлъ страшный стонъ Прометея и ужасные звуки молота, кующаго цѣпи страдальца. И съ грустною пѣснію состраданія прилетѣли безсмертныя дѣвы на воздушныхъ коняхъ своихъ къ Прометею. Только на такомъ театрѣ могъ изобразить трагикъ цѣлый народъ греческій, какъ Эсхилъ въ «Персахъ», или исполинскіе образы и трагическую сульбу Эдипа и бѣшенаго Аякса, въ которыхъ было много общаго, по художественной отдѣлкѣ, съ группою Лаокоона и другими великими созданіями греческой скульптуры.

Ничего этого, разумѣется, не было въ трагедіи Французовъ, а слѣдовательно не могло быть и у Сумарокова. Французская сцена заимствовала отъ древней героевъ, которые необходимо должны были дѣйствовать на ней, но греческіе герои были люди, а герои новой трагедіи были такъ далеки отъ жизни дѣйствительной, что страсти ихъ, слова, поступки, движенія казались совершенно условными и недѣйствительными. Корнель, на основаніи своихъ трагедій, написалъ правила французской драмы и имъ слѣдовали всѣ безъ противорѣчія. Онъ старался смягчить въ нихъ все, что было естественно на греческомъ театрѣ и что казалось ему преувеличеннымъ, но отъ общаго тона греческой драмы отказаться не могъ. Потому его трагическія лица становились на ходули, котурна была имъ необходима. Фантастическій элементъ, вытекавшій изъ религіозныхъ вѣрованій Грековъ, исчезъ во французской трагедіи. Она сдѣлалась ровною, гладкою, вѣрнымъ

изображеніемъ чопорнаго общества маркизъ и дюшессъ, но поэзіи и жизни въ ней не было. Французскіе трагики очень много хлопотали о правдоподобномъ (vraisemblable) и ему жертвовали истиной. Для этого мнимаго правдоподобія, они утвердили правило знаменитыхъ трехъ единствъ, conditio sine qua non ложноклассической трагедіи, правило, неизвѣстное Аристотелю, потому что греческая сцена была свободна отъ этихъ ухищреній. Любопытны хитрости французскихъ трагиковъ о распредѣленіи времени въ трагедіи: какое событіе должно было совершиться во время антракта, для того, чтобъ дѣйствіе не заключало въ себѣ ни минуты болѣе времени того, что происходитъ на сценѣ. Цѣль трагедіи, согласно ученію Корнеля, была не изображеніе жизни и дѣйствительности, а *героическаго дѣйствія*, способнаго возбудить въ зрителяхъ ужасъ и состраданіе. Возбуждать ужасъ и состраданіе было необходимымъ правиломъ такой трагедіи — règle qui est de rigueur. Она должна была заключать въ себѣ и нравственный урокъ, но здѣсь трагики впадали въ довольно запутанную дилемму: или торжествуетъ порокъ и страдаетъ добродѣтель — тогда зритель не видитъ морали въ пьесѣ, а трагедія сохраняетъ свой характеръ; или порокъ наказанъ и добродѣтель возвеличена: тогда зритель доволенъ, получивъ нравственный урокъ, но за то трагедія исчезаетъ; она оканчивается счастливо, радостію, слѣдовательно переходитъ въ комедію. Все это было опредѣлено, вымѣрено и разсказано подробно французскими теоретиками, повторяя которыхъ Сумароковъ въ своей «эпистолѣ о стихотворствѣ» говоритъ:

Трагедія намъ плачъ и горесть представляетъ...,
. . . Не тщись глаза и слухъ различіемъ прельстить,

И бытіе трехъ лѣтъ мнѣ въ три часа вмѣстить:
Старайся мнѣ въ игрѣ часы часами мѣрить;
Чтобъ я забывшися, возмогъ себѣ повѣрить;
Что будто не игра то дѣйствіе твое,
Но самое тогда случившись бытіе.
. . . . . .
Не сдѣлай трудности и мѣстомъ мнѣ своимъ,
Чтобъ мнѣ театръ твой зря имѣючи за Римъ,
Не полетѣть въ Москву, а изъ Москвы къ Пекину;
Всмотрясь въ Римъ, я Римъ такъ скоро не покину.

Нельзя слѣдовательно обвинять Сумарокова въ томъ, что его трагедія не имѣетъ въ себѣ жизни и дѣйствія. Онъ не могъ отбросить тогда отъ себя вліянія французской литературы, этого блестящаго выраженія блестящаго двора Людовика XIV, которому подражала и къ которому стремилась, какъ къ идеалу, вся просвѣщенная тогда Европа. Были и свои достоинства въ этой классической трагедіи Французовъ. Лучшіе трагики французскіе умѣли во многихъ своихъ произведеніяхъ представить высокую идеализацію характеровъ и страстей. У многихъ изъ нихъ психологическій анализъ сердца и страсти неденъ съ особеннымъ совершенствомъ. Все дѣйствіе трагедіи лежитъ на развитіи страсти въ главномъ характерѣ и потому часто вся судьба пьесы падаетъ на главнаго исполнителя. Отъ того намъ кажется понятнымъ восторгъ современниковъ при игрѣ Дмитревскаго или Троепольской въ самыхъ неестественныхъ трагедіяхъ Сумарокова. Страсть вездѣ говоритъ языкомъ человѣческимъ и смотря на такую исполнительницу классической трагедіи, какова напримѣръ Рашель, намъ легко понять хорошія стороны французской трагедіи. Простота дѣйствія, при-

влекающая съ перваго раза, и особенно прелесть стиха, достигшаго у Расина высокаго поэтическаго достоинства, выработаннаго до того, что онъ кажется роскошной игрушкой, принадлежатъ также къ достоинствамъ французской сцены. Этимъ обаяніямъ нельзя было не подлаться, когда Франція была законодательницею вкуса для всего образованнаго міра. По ту сторону пролива была болѣе богатая жизнь въ драмѣ, жизнь широкая, дѣйствительная, страстная, полная глубокаго юмора, гдѣ страшныя проклятія короля Лира смѣнялись дѣткими шалостями шута, гдѣ дикія рѣчи леди Макбетъ прикрывались веселыми выходками привратника, но Шекспиръ на ареопагѣ вкуса былъ признанъ грубымъ и непросвѣщеннымъ дикаремъ, хотя Сумароковъ чрезъ французскую реторту и перенесъ къ намъ «Гамлета». Но что это за Гамлетъ! Только въ 1767 году явилась умная критика Лессинга и началась открытая борьба съ французскимъ вліяніемъ въ литературѣ.

Мы не станемъ подробно указывать всѣхъ мѣста, которыя взяты Сумароковымъ и перепелены изъ Корнеля, Расина, Вольтера. Это увлекло бы насъ далеко за предѣлы, назначенные для сочиненія, да и было бы лишнимъ, потому что Сумароковъ, вмѣстѣ съ Херасковымъ, не считается у насъ писателемъ классическимъ. Другое дѣло, еслибъ шла рѣчь объ Озеровѣ, тогда бы слѣдовало указать на многократныя его заимствованія. Ограничимся болѣе подробнымъ разборомъ первой трагедіи Сумарокова «Хоревъ», какъ образца для послѣдующихъ, и скажемъ нѣсколько словъ о другихъ.

Дѣйствіе «Хорева» происходитъ въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ, въ баснословныя времена Кія. По види-

мому сцена на Руси и дѣйствительно, въ то время, трагедію Сумарокова считали русскою, взятою изъ нашей исторіи. Тогда обращеніе къ такимъ отдаленнымъ и невѣрнымъ древностямъ, какъ тѣ, въ которыя развивается дѣйствіе трагедіи, было похвальнымъ. О русской исторіи были очень темныя понятія. Главнымъ источникомъ ея былъ «Синопсисъ» Гизели, а о памятникахъ нашей исторіи, лѣтописяхъ и помину не было. Только настоящее время начало сознавать отдаленное прошлое нашего отечества, а тогда чѣмъ отдаленнѣе была эпоха, чѣмъ не опредѣленнѣе бытъ ея и нравы, тѣмъ, по предписаніямъ условной теоріи, легче было поэту работать и создавать какіе угодно характеры. Объ исторической вѣрности, о правильномъ изображеніи данной эпохи нечего было и думать. Поэтому мы мало имѣемъ права упрекать Сумарокова за то, что лица его трагедій не принадлежатъ никакому времени и никакому народу. У Расина было тоже. Переименуйте Тезея, Британника, Полиника какъ угодно, перенесите сцену изъ Рима въ Египетъ, изъ Аѳинъ — въ Индію и вы нисколько не нарушите условій трагедіи Расина. Тутъ дѣло шло только о внутреннемъ развитіи человѣка, о коллизіяхъ трагическихъ, особенно долга и чувства — этомъ ржавомъ винтѣ ложно классической трагедіи. Требовать нравовъ эпохи изображаемой, чтобъ Неронъ былъ Нероном, Эдипъ — Эдипом была неумѣстная тогда роскошь.

Въ *первомъ* актѣ требовалось, по правиламъ трагической теоріи, изложить положеніе дѣйствующихъ лицъ и обозначить будущую судьбу ихъ. Здѣсь знакомимся мы съ Оснельдою, дочерью прежняго кіевскаго владѣтеля Завлоха, которая, послѣ пораженія

отца своего и овладѣнія городомъ его Кіевомъ, осталась во власти побѣдителя — Кія. Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Завлохъ подступилъ къ городу съ войскомъ и Кій хочетъ освободить свою плѣнницу и выдать ее отцу. Оснельда и желаетъ и не желаетъ этой свободы. Въ напыщенномъ діалогѣ, она повѣряетъ мамкѣ своей Астрадѣ, имѣющей въ трагедіи значеніе наперсницы, тайну своего сердца, любовь къ молодому брату врага своего рода — Хорену. Она разсказываетъ борьбу въ душѣ своей, борьбу между долгомъ и любовію. Это первая трагическая коллизія. Является Хоревъ и она открываетъ ему свою преступную любовь. Въ груди Хорена та же борьба: онъ страстно любитъ Оснельду, и братъ и государь его посылаетъ сражаться съ отцемъ ея. Во *второмъ* актѣ, гдѣ начинается собственно уже дѣйствіе трагедіи, Стальверхъ, боярин и наперсникъ Кія, вливаетъ въ душу его подозрѣнія на счетъ Хорена, разсказывая о любви его къ Оснельдѣ. Хоренъ уговариваетъ брата на миръ и на прекращеніе войны, съ которой борется его сердце, но наконецъ, убѣжденный сознаніемъ долга, идетъ къ войску. Оснельдѣ повѣряетъ онъ внутреннюю борьбу свою, говоритъ ей, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ идетъ противъ отца ея. Въ *третьемъ* актѣ Оснельда получаетъ письмо отъ отца, которымъ онъ запрещаетъ ей любить Хорена, и въ отчаяніи хочетъ лишить себя жизни, но Астрада удерживаетъ занесенный кинжалъ. Приходитъ Хоревъ и узнаетъ о содержаніи письма. Въ разговорѣ съ Оснельдою онъ опять разсказываетъ борьбу свою, но долгъ одолѣваетъ и когда наперсникъ его приходитъ съ вѣстію о начавшемся подъ стѣнами Кіева сраженіи, онъ спѣшитъ, скрѣпя сердце, къ оружію. *Четвертый*

актъ открывается побѣдами Хорева надъ Завлохомъ и Кій уже вѣритъ въ правоту своего брата, какъ вдругъ является Стальверхъ съ донесеніемъ о томъ, что Вельваръ, наперсникъ Хорева, освободилъ именемъ Кія изъ темницы плѣннаго и посылалъ его съ письмомъ Оспельды во вражескій станъ. Призванный плѣнникъ подтверждаетъ это обстоятельство, говоря, что княжна велѣла ему объявить отцу ея, что она надѣется взойти на кіевскій тронъ. Кій рѣшается отравить Оспельду и велитъ надѣть на нее оковы. Напрасно призванная плѣнница, осыпаемая упреками Кія, старается оправдать и защитить передъ нимъ брата его. Кій не вѣритъ, отсылаетъ ее въ темницу и велитъ Стальверху подать ей кубокъ съ ядомъ. Въ *пятомъ* актѣ должна быть разрѣшена завязка трагедіи и рѣшена судьба всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Дѣйствіе послѣ монолога Кія открывается приходомъ наперсника Хоревова съ мечемъ плѣннаго Завлоха. Кій вѣритъ наконецъ невинности брата, спѣшитъ послать къ Оспельдѣ и поздравить ее невѣстою княжескою, но посланный застаетъ ее уже мертвою. Между тѣмъ является Хоревъ съ Завлохомъ, который соглашается на бракъ своей дочери съ Хоревомъ, но вдругъ приносится извѣстіе о самоубійствѣ Стальверха. Кій долженъ разсказать о смерти Оспельды, и Хоревъ, послѣ длинныхъ тирадъ, закалывается. Смертію его оканчивается трагедія, какъ уже можно было догадаться сначала

Разсказывая это содержаніе «Хорева,» мы старались показать дѣйствіе въ этой трагедіи, но дѣйствія собственно въ ложно-классической трагедіи не было. Поэты выѣзжали на длинныхъ, напыщенныхъ тира-

дахъ дѣйствующихъ лицъ, на монологахъ, гдѣ герои откровенно разсказывали всѣмъ, что совершалось внутри души ихъ, и наконецъ на длинныхъ разсказахъ наперсниковъ, объявлявшихъ зрителямъ о томъ, что совершилось за сценою, передававшихъ побудительныя причины дѣйствія въ присутствіи своихъ героевъ. Самую жизнь классическіе поэты какъ будто боялись вывести на сцену. Не говоря о неумѣстности длинныхъ рѣчей и тирадъ, когда герой и героиня въ самую трудную минуту жизни стараются выражаться какъ можно краснорѣчивѣе, не говоря о томъ, что нездѣ эти рѣчи не соотвѣтствуютъ историческому смыслу, напримѣръ Оснельда (дѣйств. III, явл. 2), говоря о любви своей, противной долгу, выражается такъ:

А свѣтъ, превратный свѣтъ того неразсуждаетъ,
Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаетъ,

забывая что такія рѣчи не свойственны женщинѣ вѣка Кія, Щека и Хорева, надобно замѣтить, что въ этихъ рѣчахъ выражались понятія XVIII вѣка. Потому трагедіи этого вѣка имѣютъ историческое значеніе для современнаго имъ общества. Въ нихъ выражается одна изъ любопытнѣйшихъ сторонъ жизни общества, потому что поэты свой взглядъ современный переносили въ трагедію, напримѣръ странное понятіе о долгѣ въ трагедіи Сумарокова «Вышеславъ». И вообще понятія о нравственности въ этихъ трагедіяхъ кажутся извращенными, потому что далеко не похожи на наши. Планъ этихъ трагедій былъ довольно плохъ, потому что о дѣйствіи не заботились. Въ «Синавѣ и Труворѣ», Гостомыслъ, который борется съ любовью своей дочери къ Трувору, совершенно необдуманно

два раза оставляетъ ее наединѣ съ нимъ, а это вовсе не входитъ въ расчетъ его и совершенно противорѣчитъ его планамъ. Любовь была главною пружиною дѣйствія въ трагедіи, а такъ какъ въ обществѣ эта любовь не могла быть развита до драматизма, то всѣ трагедіи, особенно русскія подражанія, являются намъ бѣдными содержаніемъ, вялыми и скучными. Много зависѣло тогда отъ исполнителей, отъ актеровъ, которые по неволѣ должны были быть декламаторами; по этому вѣроятно успѣху Сумароковскихъ трагедій помогалъ Дмитревскій и поэтъ часто слушался его. Извѣстность Дмитревскаго началась съ «Хорева».

Гриммъ, другъ энциклопедистовъ, въ одномъ мѣстѣ своей остроумной переписки, говоритъ, что въ XVIII вѣкѣ, изъ всѣхъ произведеній человѣческаго разума, трагедія требовала меньше всего таланта и воображенія. И это совершенно справедливо. Образцы существовали. Содержаніе одно и тоже, большею частію любовь; стоило только присѣсть поэту и трагедія готова. Всѣ трагедіи поэтому похожи одна на другую и изобиліе ихъ такъ велико, что очень порядочную библіотеку можно составить изъ однихъ трагедій. У насъ также было много трагедій въ прошломъ вѣкѣ, и своихъ, и переводныхъ и это неразработанное поле русской литературы, въ которомъ, безъ сомнѣнія, скрывается нѣсколько любопытныхъ фактовъ для исторіи ея, ждетъ своего воздѣлывателя.

Сумароковъ строго держался классическихъ образцевъ своихъ. Расинъ былъ его идеаломъ, дальше котораго онъ не шелъ и которымъ хотѣлъ быть на русской сценѣ. Но сущность содержанія трагедій Расиновыхъ была недоступна для Сумарокова, а по недо-

статку таланта онъ не могъ создать тѣхъ прекрасныхъ женскихъ типовъ, которые составляютъ славу Расина. Эти типы завѣщаны были Расину древностію; тутъ была связь историческая, не смотря на поблѣднѣвшія нѣсколько черты, а у Сумарокова этого не могло быть. Мы видѣли уже, какъ онъ вооружился противъ появленія у насъ слезной драмы, оскорблявшей его классическую теорію, по которой писаны всѣ прочія его трагедіи, почему онѣ и похожи другъ на друга. Подробнаго разбора онѣ не заслуживаютъ; иначе пришлось бы говорить одно и тоже.

Вторая трагедія Сумарокова была «Гамлетъ», (*) появившаяся въ 1748 году, а игранная въ 1750 году. Это темное, отдаленное и извращенное преданіе о датскомъ принцѣ Шекспира. Здѣсь у каждаго дѣйствующаго лица есть наперсникъ или наперсница, а у Офеліи даже мамка. Элементъ фантастическій, который придастъ такую роскошную жизнь великому созданію англійскаго трагика, отброшенъ совершенно, согласно французской теоріи, по которой le merveilleux, чудесное, есть достояніе эпопеи и никакъ не трагедіи. — Третья трагедія «Синавъ и Труворъ» (**), одна изъ любимѣйшихъ публикою трагедій Сумарокова и часто даваемая на сценѣ, по свидѣтельству «Драматическаго словаря», играна была въ 1750, а напечатна въ 1751 году. Она изъ баснословныхъ временъ Новгорода и весь интересъ заключается въ страсти двухъ братьевъ къ

(*) Она напечатана въ первый разъ въ типографіи Академіи Наукъ. С. П. Б. 1748. 8°.

(**) Въ первый разъ она напечатана тамъ же въ 1751 году, 8°. У Сопикова, однакожъ, показано изданіе 1748 года, но это должно быть ошибка; наше изданіе у него не названо.

Ильменѣ, дочери Гостомысла. Четвертая трагедія — «Артистона» (*), изъ временъ Кира, явилась въ одно время съ «Синавомъ и Труворомъ.» Пятая — «Семира» (**), изъ временъ Олега, играна была въ концѣ 1751 года. «Драматическій словарь» говоритъ о ней: «Красота стиховъ и ироическіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора (стр. 124).» Шестая — «Ярополкъ и Димиза» (***), играна была въ первый разъ въ 1758 году. Здѣсь замѣчательны имена любимца и намѣстника Ярополка, составленныя Сумароковымъ, желавшимъ можетъ быть русскихъ чертъ въ трагедіи: *Крѣпостатъ* и *Силотьлъ*, но въ характерахъ ихъ нѣтъ ничего особенно русскаго. Седьмая — «Вышеславъ» (****), представленная въ 1768 году, изъ языческихъ временъ Новгорода. Восьмая трагедія Сумарокова, изъ историческихъ временъ, уже нѣсколько близкихъ къ намъ — «Димитрій Самозванецъ» (*****), Она представлена была въ первый разъ въ 1771 году. Но, не смотря на историческое основаніе, она похожа на прежнія трагедіи Сумарокова. Онъ ввелъ сюда эпизодъ, неизвѣстный историкамъ: дикую любовь Самозванца къ Ксеніи, дочери Шуйскаго, и выставилъ его самымъ страшнымъ трагическимъ злодѣемъ, въ сущ-

(*) Въ первый разъ напечатана тамъ же и тогда же.

(**) С. П. Б. Въ типографіи А. И. 1768. 8°.

(***) Напечатана тогда же и тамъ же. 8°.

(****) С. П. Б. Въ типографіи Академіи Наукъ. 1768. 8°

(*****) Напечатана тамъ же 1771. 8° «Драматическій словарь» разсказываетъ, что во время представленія этой трагедіи въ Москвѣ, сгорѣлъ театръ, а вскорѣ потомъ и лучшій актеръ московскій, игравшій роль Самозванца — Калиграфъ, кончилъ жизнь свою самоубійствомъ.

ности довольно смѣшнымъ, потому что онъ всѣмъ и на каждомъ шагу твердитъ о своихъ злодѣяніяхъ:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ,
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Очень спокойно и не скрываясь, объявляетъ онъ своему наперснику, что хочетъ отравить жену свою:

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Въ монологѣ, въ концѣ втораго дѣйствія, когда Самозванецъ остается одинъ съ своею совѣстію и эта совѣсть подымается тяжелымъ укоромъ въ душѣ его, Сумароковъ умѣлъ передать драматическую истину положенія Самозванца лучше, нежели неестественный, мелодраматическій характеръ его. Тоже самое можно сказать и о монологѣ въ началѣ 5-го дѣйствія. Самозванецъ представленъ грубымъ и дикимъ злодѣемъ; въ немъ не замѣтно ни малѣйшей хитрости, которою отличался историческій Самозванецъ. Какая разница между этимъ неестественнымъ героемъ Сумарокова и Ричардомъ III-мъ напримѣръ! — Послѣдняя трагедія Сумарокова, представленная въ 1774 году, была «Мстиславъ». (*) Дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани и историческаго въ ней нѣтъ ничего.

Эти классическія трагедіи Сумарокова въ свое время считались образцами, и Херасковъ и Княжнинъ склонялись передъ авторитетомъ нашего поэта. Онъ былъ ихъ учителемъ въ дѣлѣ трагедіи. Онѣ имѣютъ историческое значеніе въ нашей литературѣ и историку ея

(*) Напечатана тамъ же, 1774 8°.

пельзя пройти ихъ молчаніемъ. Онѣ были произведеніемъ насущной потребности въ зрѣлищахъ и заслуга Сумарокова заключается въ созданіи ихъ, удовлетворявшемъ требованіямъ времени. На нихъ отразилось вліяніе вѣка и стать выше существовавшей тогда теоріи онѣ не могли. Но трагедія Сумарокова все же выше стоитъ трагедій Ломоносова и Тредьяковскаго.

Что касается до трагедій Сумарокова, по отношенію ихъ къ французскимъ образцамъ его, то, сравнивая тѣ и другія, мы легко увидимъ, какъ дѣтски-жалки, какъ ничтожны попытки Сумарокова создать лица, характеры, положенія, содержаніе трагедіи. Его пьесы представляютъ только внѣшній видъ трагедіи, сохраняя на первый разъ ея условія. Вы видите, что пьеса раздѣлена на пять актовъ, что выходятъ герои, говорятъ длинныя напыщенныя рѣчи, спорятъ и шумятъ, и убиваютъ другъ друга и самихъ себя. Вся внѣшняя форма соблюдена удивительнымъ образомъ, но какое бѣдное содержаніе входитъ въ эту чужую, выработанную чужими усиліями, форму Здѣсь содержаніе оказывается несостоятельнымъ передъ формою, что бываетъ довольно рѣдко въ искусствѣ. Лица трагедій Сумарокова похожи на маріонетокъ, водимыхъ за проволоку рукою ребенка. Мы не знаемъ за чѣмъ они дѣйствуютъ, за чѣмъ выходятъ на сцену, за чѣмъ говорятъ и хлопочутъ на сценѣ. Ни одного правильнаго повода къ дѣйствію, ни одного исторически-созданнаго характера и, возникая подобно тѣнямъ волшебнаго фонаря, они исчезаютъ въ глазахъ нашихъ, какъ тѣни безъ жизни, хотя съ яркими красками. Но виноватъ ли Сумароковъ въ пустотѣ драматическихъ лицъ своихъ, въ этомъ мишурномъ блескѣ, прикрываю-

щемъ страшную бѣдность? Могла ли жизнь, окружавшая поэта, создать типы могучихъ характеровъ, полныхъ исторической правды и дѣйствительности? Нѣтъ, трагедіи Сумарокова — раскрашенная яркими красками, но жалкая литографія съ болѣе достойнаго оригинала. Въ классической трагедіи Корнеля и Расина вы видите, какъ вѣковая жизнь историческая подымается передъ вами въ рельефныхъ и полныхъ внутренняго содержанія лицахъ. Вы слышите заглушенныя рыданія страсти древней женщины, величавой, какъ античная статуя, и вы дѣлаетесь участникомъ древней жизни, понимаете ее. Передъ вами выходитъ римская дѣвушка, брошенная въ коллизію между долгомъ къ вѣчному городу и страстью къ альбанскому юношѣ, врагу ея отечества, и эта борьба, понятная и дѣйствительная, будитъ въ душѣ вашей историческія воспоминанія. Суровый рыцарь Сидъ мститъ за отца своего и женится на дочери убитаго врага и условія средне-вѣковаго быта воплощаются въ лица, созданныя французскимъ трагикомъ. Дѣйствующія же лица трагедіи Сумарокова не принадлежали ни какой странѣ, ни какому народу. Ни историческаго, ни жизненнаго содержанія въ нихъ не было никакого и ко всѣмъ трагедіямъ Сумарокова легко можно поставить эпиграфомъ извѣщеніе, находящееся при его трагедіи «Мстиславъ»: «дѣйствіе происходитъ въ Тмутаракани!»

Въ послѣдствіи времени Сумароковъ изъ первыхъ шести трагедій своихъ напечаталъ отдѣльно «двустишія», содержаніемъ которыхъ была любовь, и издалъ подъ названіемъ «Любовной гадательной книжки», на

которую бросаютъ косточки «для загадыванія въ любви ко препровожденію времени.»

Переходя теперь послѣ трагедій Сумарокова къ комедіямъ его, мы должны заранѣе объявить, что имѣемъ еще меньше свѣдѣній о томъ, когда каждая изъ нихъ въ первый разъ была играна и когда въ первый разъ появилась въ печати. Самъ Сумароковъ сказалъ только о своей комедіи «Чудовищи», что она «сочинена въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1750 года, на приморскомъ дворѣ», да о «Трессотиніусѣ», что она «зачата 12, а окончена 13 Генваря 1750 года». Каталоги Сопикова и Смирдина упоминаютъ только изданія 1768 и 1769 года нѣкоторыхъ комедій, а другія, по ихъ указаніямъ, напечатаны уже послѣ смерти автора. «Драматическій словарь» остается безполезнымъ въ этомъ случаѣ, потому что, не упоминая о времени появленія комедій Сумарокова на сценѣ, указываетъ только на послѣднее Новиковское изданіе ихъ. Остается достовѣрнымъ только тотъ фактъ, что комедіи Сумарокова явились послѣ трагедій его и тогда, когда уже на русской сценѣ существовали переводы разныхъ французскихъ комедій. (*) Слѣдовательно въ комедіи мы можемъ приписать Сумарокову не заслугу перваго введенія на нашу сцену этого рода искусства, а заслугу можетъ быть оригинальности (т. е. въ тѣсномъ смыслѣ — не перевода и не передѣлки) и обрзованія разговорнаго про-

---

(*) . . . . . «Отъ слова до слова переводить начали, чтобы чѣмъ ни есть поддержать возстановленный театръ, подлинныхъ комедій неимѣющій». См. Лукина «Сочиненія и переводы». Ч. 2. стр. VIII. Спб. 1765. 12°.

зическаго языка въ комедіи. Языкъ его, довольно живой для времени, стоитъ выше языка современныхъ переводовъ.

Старая переводная комедія наша представляетъ много любопытныхъ сторонъ для изученія. Не говоря уже о томъ, что въ переводахъ отражаются вкусъ времени и наклонности общества, трудолюбивый изыскатель всегда найдетъ въ нихъ кое-что и не переводное, какую нибудь мелкую черту домашняго быта, случайно внесенную въ переводную комедію и тѣмъ болѣе замѣчательную, что она тотчасъ же и рѣзко отдѣляется отъ подлинника. А передѣлки на русскіе нравы, которыми славился Лукинъ, еще любопытнѣе. Сравнивая ихъ съ подлинникомъ, легко видѣть, что прибавилъ отъ себя передѣлыватель, а въ этихъ прибавкахъ сколько сторонъ литературы и общества должны были сохраниться для насъ. Когда нибудь исторія нашей словесности соберетъ въ одно эти разбросанные члены цѣлаго и представитъ много новыхъ страницъ.

Современно Сумарокову на нашей сценѣ было много уже переведено классическихъ комедій французскихъ. Самымъ дѣятельнымъ переводчикомъ былъ Иванъ Кропотовъ, который въ одномъ 1757 году издалъ переводы слѣдующихъ комедій Мольера: «Скупой», «Тартюфъ», «Школа женъ» и «Школа мужей». Одно существованіе переводовъ этихъ классическихъ созданій Мольера дѣлаетъ уже честь нашей старой комедіи. — Другимъ плодовитымъ переводчикомъ былъ Андрей Нартовъ, котораго первый переводъ комедіи: «Граціи», вышелъ въ 1757 году. Нартовъ переводилъ и съ нѣмецкаго: «Генрихъ и Перинлла» Гольберга (1761), «Превращенный мужикъ» (1765), «Плутусъ»

(1766)—его же, «Молодой ученый» Лессинга (1765), а съ французскаго нѣсколько комедій Де-Туша. Объ комедіи Дидро были переведены Ельчаниновымъ у насъ еще въ 1765 году. — Другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ переводчиковъ было довольно и это богатство переводной литературы нашей, сравнительно большее настоящаго, даетъ намъ право сдѣлать неутѣшительное заключеніе о томъ, что въ прошломъ вѣкѣ чужими и признанными за образцы произведеніями интересовались болѣе, нежели теперь.

Чтобъ видѣть, какъ много помогъ Сумароковъ развитію нашего разговорнаго языка въ комедіи, мы приведемъ два мѣста изъ старыхъ переводовъ комедій, сличивъ ихъ съ подлинниками.

Клеанов. Что ты, мерзкой, развѣ ты думаешь, что я не могу сыскать людей, которые бы и обо мнѣ вздыхали?

Меркурій. Нѣтъ я этова не думаю, да о себѣ я знаю, что я уже старовать къ тому, чтобъ о тебѣ вздыхать; поморю людей со смѣху.

Клеанов. Достоинъ ли ты, негодной человѣкъ, что ты имѣешь такую честную жену, какова я?

Меркурій. Боже мой! ты очень честна! кто объ этомъ споритъ? Да эта большая честь ничево для меня не стоитъ. Будь ты меньше честна, да только пожалуй оставь меня въ покоѣ.

Кл. Какъ! развѣ тебѣ это не любо, что я живу благочинно?

Мерк. Тихой нравъ у женщины больше всево меня прельщаетъ; а ты съ своими добродѣтельми мнѣ уже уши пробрюжжала.

«Амфитріонъ, комедія сочиненія господина Моліера.» С. П. Б. 1761. 12°. Стр. 53—55.

Cléanthis. Quoi! suis-je hors d'état, perfide, d'espérer
Qu'un cœur auprès de moi soupire?

Mercure. Non, je n'ai garde de le dire;
Mais je suis trop barbon pour oser soupirer,
Et je ferais crever de rire.

Cl. Mérites-tu, pendard, cet insigne bonheur
De te voir pour épouse une femme d'honneur?

Merc. Mon Dieu! tu n'es que trop honnête;
Ce grand honneur ne me vaut rien.
Ne sois point si femme de bien,
Et me romps un peu moins la tête.

Cl. Comment! de trop bien vivre on te voit me blâmer!

Merc. La douceur d'une femme est tout ce qui me charme,
Et ta vertu fait un vacarme
Qui ne cesse de m'assommer.

(Acte II, Scène IV.)

Или приведемъ мѣсто изъ другой комедіи:

Кавалеръ. Прелестная красота ваша всегда была въ глазахъ моихъ, и по всюду слѣдовала за мною. Ни ночь, ни сонъ не могли ея отъ меня скрыть: какъ же я радъ, что вспомнилъ то, что на севоднишній день мнѣ снилось. О сладкая мѣчта! о прелестное привидѣніе! какъ скоро я заснулъ, то показалось, будтобъ при восхожденіи солнца, хожу я въ прекрасномъ саду, которой багряная Аврора, своими розамъ подобными руками, усыпала ново произращенными и благовонными цвѣтами: и тамъ-то на прекрасномъ берегу пріятнаго источника, которой принималъ въ свои обьятія хрустальныя струи, конхъ пенящееся теченіе, упадая по степенямъ, показывало видъ удивительной: тамъ-то, сударыня, отдыхая на муравѣ, розами изпещренной, увидѣлъ я васъ на колесницѣ изъ внутренности водъ выходящую. видъ вашъ и одежда были таковы, какъ у Венеры: безчисленное множество купидоновъ влекли вашу колесницу. А забавныя зефиры, летая вкругъ васъ развевали разныя знамена и тѣми меня въ восхищеніе приводили.

(«Менехмы или близнецы, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненіе господина Реньярда.» Дѣйствіе первое, вступленіе 3-е. С. П. Б. 1763. 12° Стр. 27.)

Le Chevalier. Votre image m'occupe et me suit en tous lieux:
La nuit même ne peut vous cacher à mes yeux;
Et cette nuit encor (je rappelle mon songe:
O douce illusion d'un aimable mensonge!)
Je me suis figuré, dans mon premier sommeil,
Etre dans un jardin, au lever du soleil,
Que l'aurore vermeille avec ses doigts de roses
Avait semé de fleurs nouvellement écloses;
Là, sur les bords charmants d'un superbe canal,
Qui reçoit dans son sein un torrent de cristal,
Où cent flots écumants et tombants en cascades,
Semblent être poussés par autant de Nalades;
Là, dis-je, reposant sur un lit de roseaux,
Je vous vois sur un char sortir du fond des eaux.
Vous avez de Vénus et l'habit et la mine;
Cent mille amours poussaient une conque marine,
Et les Zéphyrs badins, volant de toutes parts,
Faisaient au gré des airs flotter des étendards.
«Les Menechmes». Act I. Scène III.

А вотъ и образецъ современной передѣлки на наши нравы:

Принципиннъ. Никакъ сударь: я Санктпетербургской пятой гилдіи купецъ, торгую вѣтошнымъ товаромъ, по крещеному имени зовутъ меня Петромъ, по батюшкѣ сыномъ васильевымъ, а по прозвищу Принципинымъ.
Ibid. Стр. 113.

Mr. Coquelet. Je suis marchand fripier,
Mon nom est Coquelet, syndic et marguillier.
Id. Acte III. Scène XI.

Этотъ образецъ передѣлки принадлежитъ Владиміру Лукину (*). Лукинъ, извѣстный намъ по своимъ непрія-

(*) См. брошюру 1771 года, перепечатанную г. Полторацкимъ:

знешнимъ отношеніямъ къ Фонъ-Визину, сослуживцу его у Елагина, такъ что неблагопріятные отзывы Фонъ-Визина о Лукинѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій (*), былъ преимущественно передѣлывателемъ французскихъ комедій на наши нравы. Въ этихъ передѣлкахъ выражалось смутное стремленіе Лукина къ національности: теорія комедіи, которую онъ самъ составилъ, высказывалась, хотя и неопредѣленно, въ любопытныхъ предисловіяхъ его. Но эта неопредѣленная теорія также неопредѣленно приводима была въ исполненіе Лукинымъ. (**) Передѣлки эти заключались собственно въ немногомъ, что видно изъ приведеннаго нами примѣра, но комедія его «Мотъ любовію исправленной», въ образецъ которой онъ взялъ комедію Де-Туша «Dissipateur», болѣе удалена отъ образца своего, нежели другія его передѣлки. Въ предисловіи къ ней, Лукинъ говоритъ, что онъ долго и много изучалъ страсть къ карточной игрѣ въ обществѣ, что онъ самъ былъ увлеченъ ею и потому написалъ своего мота, чтобъ имъ показать пагубный при-

---

«Essai sur la littérature russe, St. Pétersb. 1851. p. 11. См. также «Владиміръ Лукинъ», статью г. Пыпина въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 года, № 8, стр. 56.

(*) «Признаніе». Сочиненія. Изд. 3, Смирдина, стр. 511. Но Лукинъ, напротивъ, говоря о неуспѣхѣ на сценѣ «Коріона,» передѣланнаго Фонъ-Визинымъ изъ пьесы Грессе «Сидней», говоритъ, что онъ больше его имѣетъ способности и знанія. Предисловіе къ «Награжденному постолиству.» Сочиненія и Переводы Лукина Ч. 2-я, стр. X.

(**) Въ чемъ заключалось стремленіе Лукина къ народности и въ какомъ отношеніи онъ былъ правъ передъ Сумароковымъ, подробно развилъ г. Пыпинъ въ своей дѣльной и исполненной свѣдѣній статьѣ о Лукинѣ: «Отечественныя Записки» 1853 года № 9 стр. 12 и слѣд.

мѣръ страсти. Другія его передѣлки суть: «Пустомеля» («Babillard» — Боасси), «Награжденное постоянство» («L' amante-amant» — Кампистрона) и «Щепотильникъ» («Boutique de bijoutier» — съ англійскаго). Если Лукинъ и не былъ оригинальнымъ комикомъ, то за то былъ чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, страстно любившимъ театръ и понимавшимъ его требованія. Для каждой передѣланной пьесы своей онъ оставилъ намъ очень дѣльныя и большія введенія, гдѣ объясняетъ, какъ и почему сдѣлана его передѣлка и что именно онъ передѣлалъ на русскіе нравы. Еслибъ всѣ писатели оставляли подобныя введенія, то исторія литературы была бы очень легкою наукою.

Настоящаго комика Лукинъ изображаетъ человѣкомъ «одареннымъ изящными качествами, пространнымъ воображеніемъ, важнымъ поученіемъ, даромъ краснорѣчія и плавнымъ слогомъ.» Онъ объясняетъ намъ требованія тогдашней публики, вкусъ ея, однимъ словомъ всѣ внутреннія условія драматическаго произведенія въ то время. О заимствованіяхъ Лукинъ говоритъ слѣдующее: «*заимствовать необходимо надлежитъ: мы на то рождены,* но надлежитъ въ томъ и признаваться, а чужое присвоивать есть дѣло весьма не похвальное. Полно нынѣ такой вѣкъ, что и *во всемъ свѣтѣ ты лишь знатными писателями называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и искусненько прикрывши выдадутъ за свое сочиненіе*». (*) Подражать, по понятію Лукина, было брать изъ подлинника одинъ какой либо характеръ или небольшую часть комедіи, а передѣлывать: какую нибудь часть цѣлаго внести или выбросить,

(*) «Сочиненія и переводы Вл. Лукина.» Ч. 1-я, стр. 154.

«а прочее, то есть главное оставить и склонять на свои нравы.» Чужіе нравы, по его мнѣнію, не исправятъ нашихъ и въ этой мысли заключается причина всѣхъ передѣлокъ Лукина. Въ этихъ умныхъ предисловіяхъ Лукина заключается также и много любопытныхъ свѣдѣній, за которыя исторія нашей литературы останется ему много благодарною. Лукинъ мастерски умѣлъ представить отношенія молодыхъ тогдашнихъ писателей къ старымъ, заслуженнымъ судьямъ литературы, которые «презираютъ всякое сочиненіе, не ихъ перомъ издаваемое», забывая, что «нынѣ есть уже довольно людей знающихъ языки иностранные», и что «оные осуждатели себѣ присвоили и по нынѣ своимъ утверждаютъ.» Эти старые писатели требовали, чтобъ молодые ходили къ нимъ на поклонъ и просили бы униженно исправленія погрѣшностей. «Къ чему жъ бы весь этотъ обрядъ? спрашиваетъ Лукинъ. Къ тому, что бы имъ, принявъ отъ насъ, повелительнымъ сказать голосомъ: хорошо, *я для тебя это сдѣлаю и порадуюсь, что ты воспользовавшись моими наставленіями покажешь отечеству и свету труды учителя твоего достойные.*» И потомъ онъ разсказываетъ каковы бываютъ эти поправки. Изъ этого можно видѣть, что смѣлый характеръ Лукина долженъ былъ нажить себѣ много враговъ, и дѣйствительно Лукинъ говоритъ, что «мнимо властный судья въ нашихъ словесныхъ наукахъ присуждалъ меня изъ города выгнать за то, что я отважился выдать драму пяти-актную и тѣмъ сдѣлалъ въ молодыхъ людяхъ заразу.» Нападенія сыпались со всѣхъ сторонъ на Лукина; журналы 1769 года особенно нападали на передѣлку его пьесы Колле «Тесть и зять» и другія его комедіи.

Въ этихъ нападеніяхъ принималъ участіе и самъ Сумароковъ. (*) Но Лукинъ бойко отстрѣливался въ своихъ предисловіяхъ.

Лукинъ представляетъ намъ шагъ впередъ въ исторіи нашей старой комедіи. Переводныя пьесы не удовлетворяли его и онъ задумалъ свою передѣлку. Къ сожалѣнію въ ней было мало оригинальнаго. Все дѣло заключалось въ измѣненіи только вицшностей: съ кафтаномъ не перемѣнялся человѣкъ. Французское имя замѣнялось русскимъ — Простосердовымъ или Злорадовымъ, Ліонъ — Москвою, нотаріусъ — подъячимъ, свадебный контрактъ—челобитьемъ и пр. Дальше этого Лукинъ не шелъ и его русскіе нравы были мнимые. Да и какъ передѣлать комедію, кипящую чужою жизнію, съ полнымъ содержаніемъ чужой общественности, на свои нравы? Любовники его, пустомели, моты, щепетильники, не въ нашихъ понятіяхъ и нравахъ, не говоря уже о томъ, что драматической жизни и правды мало въ этихъ характерахъ. Но тутъ вина не Лукина, а образцевъ его и поэтому упрекъ, сдѣланный Княземъ Вяземскимъ Лукину, по нашему мнѣнію, не справедливъ. Молодая комедія народа идетъ ощупью, идетъ по дѣтски. Ей нужна надпись на лицѣ героя, чтобъ понять его; ей нужны вывѣски, безъ которыхъ общество и не пойметъ характера; ей нужны прологи древнихъ комедій, объясняющіе содержаніе.

Комедіи Сумарокова были еще дальше шагомъ впередъ. Онѣ были оригинальны, то есть не переведены и не заимствованы, а составлены по образцу чужому. И

(*) Журнальная полемика на Лукина подробно выведена г. Пыпинымъ. «От. Зап.» 1853 года № 8. Стр. 61—75.

здѣсь, какъ и въ другихъ родахъ литературы, Сумароковъ былъ нововводителемъ: онъ первый въ 1750 году написалъ комедію свою, не перевелъ ее и не заимствовалъ. Но искать въ комедіяхъ Сумарокова изображенія общества, яркой картины быта современнаго, напрасно. Русское общество было тогда еще слишкомъ молодо для сознанія себя и только болѣе художественная и болѣе зрѣлая комедія Фонъ-Визина соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ образомъ, хотя и не вполнѣ, тому понятію о комедіи, по которому ее называютъ «зеркаломъ общества.» Напрасно также было бы искать художественной отдѣлки характеровъ въ комедіи Сумарокова, высокаго драматизма, обдуманныхъ комическихъ положеній: всего этого и не было и не могло быть. Здѣсь главными героями являются лица, нарисованныя густыми, грубыми красками, какъ напримѣръ *Чужехватъ* въ «Опекунѣ», грабитель въ полномъ смыслѣ, который наказывается судомъ, или *Кащей* въ «Лихоимцѣ», жалкій сколокъ съ Мольерова скупого, лишенный его глубокаго психологическаго смысла, обманутый племянницей и лакеемъ. Конечно можетъ быть судьба этихъ лицъ представляетъ намъ исторію и факты того времени, но отдѣльный случай, который можетъ быть вездѣ, во всякое время и во всякомъ обществѣ, не есть изображеніе нравовъ эпохи. И въ этихъ двухъ комедіяхъ Сумарокова встрѣчаются еще случайно, брошенныя на удачу черты времени, болѣе нежели въ другихъ. Напримѣръ въ слѣдующемъ разговорѣ:

Писа. А Французовъ, которые снаружи убираютъ головы навезено много.

Чужехватъ. Много за грѣхи наши; а такихъ не выводятъ, которые бы намъ головы внутри убирали.

Писа. Нынѣ, сударь, во всемъ только объ одной поверхности стараются, а о важности мало думаютъ, такъ вотъ отъ чего у насъ пустоголовыхъ людей много. (*)

Пасквинъ слуга Чужехвата, разсуждаетъ такъ «Волосоподвивательная наука у насъ въ совершенствѣ и учителей сыскать можно довольно: а хорошо писать научиться трудновато; потому что такіе учители гораздо рѣдки; а я ни объ одномъ не слыхивалъ; а не научившись хорото писать безъ благодѣтелей реги: страторскаго чина не получишь.» Нападки на ябедниковъ и плохихъ стихотворцевъ разбросаны въ изобиліи по этимъ двумъ комедіямъ и по нашему мнѣнію, онѣ придаютъ особенную жизнь, кладутъ особенную печать таланта Сумарокова и взгляда его на жизнь на многіе разговоры въ этихъ комедіяхъ. Чужехватъ — маленькій Тартюфъ времени и въ русскомъ смыслѣ, и слова его замѣчательны. Вообще «Опекунъ» и «Лихоимецъ» лучшія комедіи Сумарокова.

Въ «Нарцисѣ» выставленъ петиметръ, до глупости влюбленный въ себя, но лице его неестественно. Въ «Чудовищахъ» выведены на сцену: петиметръ, ябедникъ и педантъ и изъ нихъ педантъ всѣхъ натянутѣе, потому что прямо почти взятъ изъ Мольера и изъ міра, въ которомъ могли быть педанты, потому что была наука, а у насъ тогда не могло быть ни того, ни другого. Въ «Трессотиніусѣ» Тредьяковскій узнавалъ себя и бѣсился. Здѣсь изображены три педанта, но всѣ они чужды нашимъ понятіямъ и смѣшитъ только одинъ Трессоти-

(*) Сочиненія. Ч. 8-я. «Опекунъ» Стр. 19.

піусъ спорами о буквѣ *твердо* и любовною пѣсенкою своею, можетъ быть потому, что, по преданію, напоминаетъ Тредьяковскаго.

Въ «Пустой Ссорѣ» осмѣивается петиметръ и тотъ языкъ, на которомъ говорили тогда франты. Вотъ разговоръ петиметра съ дочерью хозяевъ, на которой онъ сватается:

Деламида. Я думала, что вы уже ушли.

Дюлижъ. Я не думалъ, что я васъ сегодни еще увидѣть удостоюсь.

Дел. Кто для васъ, чтобъ меня видѣть, не очень велико.

Дюл. Всево больше, сударыня.

Дел. Вы такъ мнѣ флатируете, что ужъ не возможно.

Дюл. Вы мнѣ не повѣрите, что я васъ адорирую.

Дел. Я етова сударь не меритирую.

Дюл. Я думаю, что вы довольно ремаркированы быть могли, чтобъ я опре де васъ, всегда въ конфузіи.

Дел. Что вы дистре, такъ ето можетъ быть отъ чево другова.

Дюл. Я все, кромѣ васъ, мепризирую.

Дел. Я етой пансе не имѣю, чтобъ я и въ прямъ въ вашихъ глазахъ смабль была.

Дюл. Трезсмабль сударыня, вы какъ день въ моихъ глазахъ.

Дел. И я васъ естимую, да для того я и за васъ нейду: когдабъ вы и многіе калите имѣли, мнѣбъ васъ больше естимовать было ужъ не льзя.

Дюл. А для чево, развѣ бы вы любить меня не стали?

Дел. Дворянской дочери любить мужа, Ха! ха! ха! Это носицкой бибѣ прилично! (*)

Такой разговоръ, по видимому неестественный, оправдывается однакожь современными журналами,

(*) Комедія «Пустая Ссора.» Сочиненія. Ч. 5-я, стр. 345.

которые жестоко нападали на модный языкъ. Примѣръ подобнаго языка можно видѣть въ «Живописцѣ», журналѣ Новикова. Въ «Рогоносцѣ по воображенію» выведена провинціальная мелкопомѣстная дворянка довольно удачно. Особенно замѣчательны: разсказъ ея, какъ она была въ Москвѣ въ театрѣ, и приказаніе повару, что готовить къ пріѣзду ожидаемаго графа.

Прочія комедіи Сумарокова: «Три брата-совмѣстники», «Ядовитый», «Приданое обманомъ», «Мать совмѣстница дочери» и «Вздорщица», суть фарсы, гдѣ все дѣйствіе развивается помощію хитрыхъ и ловкихъ слугъ, Пасквиновъ и Финеттъ, въ которыхъ не было ничего русскаго. Да и другія пьесы собственно не комедіи въ высокомъ смыслѣ, какъ комедіи нравовъ, а то, что Французы называютъ pièces d'intrigues. Черты нравовъ встрѣчаются въ нихъ случайнымъ образомъ, непарокомъ. Вѣроятно въ комедіяхъ Сумарокова были и личности, которыя допускались тогда, какъ въ древней аттической комедіи, но для насъ онѣ потеряны. Болѣе существеннымъ достоинствомъ комедій Сумарокова остается языкъ ихъ, довольно живой и бойкій, который стоитъ выше, какъ мы видѣли, языка комедій переводныхъ и передѣлокъ съ французскаго. Сумарокову принадлежитъ честь перваго введенія у насъ комической прозы и этимъ онъ уровнялъ дорогу Фонъ-Визину, языкъ котораго долго считался классическимъ.

Что касается вообще до содержанія комедій Сумарокова и до отношенія ихъ къ французскимъ образцамъ, то и здѣсь мы можемъ повторить только то, что сказали уже объ отношеніяхъ Сумароковской трагедіи къ французской. Комедія его была блѣднымъ отраже-

ніемъ чужой, но въ ней сохранялись однакожь всѣ внѣшнія условія, требуемыя теоріей отъ этого рода литературныхъ произведеній. Но, сохраняя этотъ внѣшній признакъ жизни, комедія Сумарокова не имѣетъ внутренней жизни. Лица и характеры не принадлежатъ дѣйствительности, а суть порожденіе фантазіи самаго поэта. Въ комедіи они сталкиваются безъ смысла, а потому дѣйствія никакого не могло быть. Чтобъ показать понятіе Сумарокова о комедіи и чего хотѣлъ онъ въ ней, мы приводимъ слова его о комедіи изъ «эпистолы о стихотворствѣ»:

Свойство комедіи, издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
Представь бездушнова подьячева въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ, что писано въ указѣ.
Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ:
Который родился, какъ мнитъ онъ, для амуру;
Чтобъ гдѣ нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
Представь латышника на диспутѣ ево,
Который не совретъ безъ ERGO ничево.
Представь мнѣ гордова, раздута какъ лягушку,
Скупова, что готовъ въ удавку за полушку.
Представь картежника.... и проч.

Изъ этого перечисленія типовъ комедіи легко уже видѣть, что поэтъ, перенося къ намъ чужую теорію комедіи, требовалъ и отъ лицъ ея не народной и дѣйствительной жизни, а подлинниковъ, принадлежащихъ чужому развитію, или такихъ типовъ, съ которыми молодое искусство не въ состояніи сладить.

Кромѣ комедій и трагедій у Сумарокова есть еще нѣсколько другихъ произведеній въ драматической формѣ. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Въ 1755 году онъ написалъ лирическую драму «Цефалъ и Прокрисъ» (*), въ 3-хъ дѣйствіяхъ, для музыки придворнаго капельмейстера Арайя. Стихи Сумарокова довольно хороши по времени и либретто его замѣчательно по движенію, по обдуманности положеній и по разнообразію размѣровъ, удобныхъ для музыки. Трудно сказать только, на сколько эта опера, въ которой воспѣвается любовь Цефала къ Прокрисъ, разорванная ненавистью Авроры, оригинальна. Опера представлена была съ большимъ великолѣпіемъ при Дворѣ и исполнена придворными пѣвчими. Партію Прокрисъ пѣла знаменитая тогда пѣвица Елисавета Бѣлоградская. Декораціи и балеты послѣ оперы устроены были Итальянцами. Балетъ представлялъ исторію Орфея, отъ сошествія его въ адъ за Эвридикой, до смерти его отъ разъяренныхъ вакханокъ. Тоже самое можно повторить и о другой оперѣ его въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Альцеста» (**), написанной для музыки Раупаха, гдѣ роль Адмета игралъ Бортнянскій. Въ 1759 году Сумароковъ написалъ прологъ «Новыя Лавры» для представленія на Императорскомъ театрѣ послѣ побѣды въ Семилѣтнюю войну при Франкфуртѣ, 1-го Августа 1759 г. (***). Въ этомъ прологѣ, представленномъ въ первый разъ въ тезоименитство Императрицы Елисаветы Петровны, были хоры, балетъ и драма, въ которой разговаривали боги Олимпа. Дѣйствіе происходило «въ Санктпетербургскихъ рощахъ, въ которыхъ нис-

(*) Первое изданіе при Академіи Наукъ. Спб. 1755. 8°. — Сочиненія. Ч. 4-я, стр. 249—280.

(**) Первое изданіе, ibid. 1759. 8°. Сочиненія. Ч. 4-я, стр. 219—246.

(***) Первое изданіе, ibid. 1759. 4°. Сочиненія. Ч. 4-я, стр. 181—189.

шедшіе съ Олимпа и объятые облаками боги бесѣдуютъ, увеселяясь именемъ и благословенною державою Ея Императорскаго Величества.» Въ прологѣ на первомъ планѣ аллегорія и Сумароковъ удачно умѣлъ примѣнить ее. Около того же времени, въ царствованіе Елисаветы Петровны и въ томъ же аллегорическомъ родѣ, написанъ былъ Сумароковымъ балетъ: «Прибѣжище Добродѣтели». (*) Мысль этого балета заключается въ томъ, что печальная и гонимая добродѣтель ищетъ себѣ убѣжища во всѣхъ странахъ свѣта и не находитъ его ни въ Европѣ, ни въ Азіи, ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ, куда постепенно она отправляется, и Сумароковъ умѣлъ въ немногихъ словахъ очертить понятія того времени о темныхъ сторонахъ жизни въ каждой изъ этихъ частей свѣта. Добродѣтель въ горести хочетъ уже оставить на всегда землю и улетѣть въ небо, какъ вдругъ *Минерва въ образѣ Россіянки* приглашаетъ ее на сѣверъ. Добродѣтель поетъ:

На востокѣ счастья нѣтъ,
На западѣ тьма бѣдъ;
Иду въ полночный свѣтъ.

По морямъ приходитъ добродѣтель въ Россію, гдѣ поселяется «въ великолѣпномъ зданіи на седьми столбахъ, знаменующихъ утвержденіе седьми свободныхъ наукъ, въ державѣ сей употребительныхъ.»

Какъ будто для того, чтобъ представить образцы во всѣхъ родахъ литературы, Сумароковъ написалъ драму

(*) Спб. ibid. 1764. 8°. Сочиненія. Ч. 4-я, стр. 191—215.

въ одномъ дѣйствіи «Пустынникъ» (*), которая играна въ первый разъ въ 1757 году. Дѣйствіе ея, происходящее въ пустынѣ близъ Кіева, состоитъ въ томъ, что Евменій, герой драмы, подъ вліяніемъ религіознаго настроенія, оставляетъ всѣ мірскія почести, на которыя онъ, какъ бояринъ, имѣлъ право и суету міра, и удаляется въ пустыню. Ни обольщенія пословъ князя, ни просьбы родныхъ, ни плачъ жены, ни что не можетъ снова призвать его къ мірской жизни; наконецъ и жена его, увлеченная примѣромъ мужа, послѣ посягательства на самоубійство, также удаляется въ пустыню. Это содержаніе драмы замѣчательно для того времени классическихъ трагедій.

Собственно прозою Сумароковъ началъ писать гораздо позже Ломоносова и его проза имѣетъ совершенно другой характеръ, такъ какъ и все направленіе литературной дѣятельности одного не похоже на направленіе другого. Въ жизни Ломоносова главное дѣло была наука; для нея работалъ онъ всѣми силами своими и потому характеръ науки отразился на всѣхъ его литературныхъ трудахъ. Его похвальныя слова написаны были по всѣмъ правиламъ древней реторики, часто даже цѣлыя тирады буквально переведены были изъ Плинія; иногда однакожь тѣсно было порывамъ его пламеннаго духа въ этихъ рамкахъ, но онъ видѣлъ въ нихъ необходимыя условія и подчинялся имъ. Похвальныя слова его обдуманы, предметъ слѣдуетъ за предметомъ и кажется

(*) Спб. ibid. 1760. 8° Сочиненія. Ч. 4-я, стр. 281—302.

ничего не упущено. Длинные періоды почти латинской рѣчи стройно идутъ другъ за другомъ, выровненные и отшлифованные. У Сумарокова, воспитаннаго не въ школѣ, а въ обществѣ, проза совсѣмъ иная и намъ кажется, что въ его прозѣ больше жизни и движенія, нежели у Ломоносова. Отрывистыя и короткія фразы замѣнили здѣсь витіеватыя Плиніевскія тирады Ломоносова. Да и самое внутреннее содержаніе прозы обоихъ очень различно. Какой-то сухой, педантическій характеръ разлитъ во всей прозѣ Ломоносова; онъ говоритъ о наукѣ съ увлеченіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ строгимъ знаніемъ дѣла; онъ не думаетъ о ея примѣненіи, о переходѣ ея къ массѣ, какъ Сумароковъ. Послѣдній является у насъ представителемъ журнальнаго направленія, тогдашнимъ публицистомъ. Для него истина науки была не тяжелою формулою, но упрощеннымъ, практическимъ и полезнымъ знаніемъ; наука не завертывалась въ жреческую мантію и не становилась на треножникъ: она говорила просто и ясно. Онъ хотѣлъ не *корки* науки, какъ онъ называлъ сухую формулу, а мягкаго хлѣба ея. Потому, намъ кажется, сочиненія Ломоносова, при всемъ внутреннемъ достоинствѣ своемъ, никогда не были у насъ въ большомъ ходу и мало имѣли вліянія, тогда какъ проза Сумарокова, доступная и понятная всѣмъ, читалась постоянно, а его мелкія журнальныя статьи, исполненныя сатиры, часто желчной и ѣдкой, почти личной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно шмелямъ, преслѣдующія порокъ и уклоненіе отъ правды, имѣли большое значеніе для послѣдующаго направленія русской литературы. Онъ вызвали сатирическое движеніе журналовъ. Сѣмя, брошенное Сумароковымъ, попало на

землю благодарную и плодовитую, которой такъ много на Руси.

Проза Сумарокова можетъ быть раздѣлена на три рода: *ораторскую*, къ которой относятся похвальныя слова и другія произнесенныя на разные случаи; *историческую*, заключающую въ себѣ нѣсколько статей историческаго содержанія, и *журнальную*, которая представляетъ намъ дѣятельность Сумарокова, какъ журналиста, какъ критика общественнаго и литературнаго. Этотъ послѣдній родъ прозы можетъ быть названъ полемическимъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ родовъ.

Подобно Ломоносову, Сумароковъ написалъ «Похвальное слово Петру В.» (*) Для нихъ, дѣтей-первенцевъ преобразованія, имя преобразователя, насадителя наукъ и просвѣщенія въ Россіи, «основателя нашего счастія, основателя нашей славы, на всякъ часъ нами вспоминаемаго», какъ говоритъ Сумароковъ, должно было быть самымъ священнымъ именемъ. Безъ этого преобразованія и ихъ бы не было. Близкіе къ эпохѣ преобразованія, они на себѣ чувствовали все благо его. Ихъ слова отзываются пылкимъ чувствомъ, какою-то сознательною благодарностію выросшихъ дѣтей къ отцу и учителю. Ломоносовъ возвышался въ своемъ словѣ до высокаго краснорѣчія, до поэтическихъ образовъ, когда онъ говоритъ:

«Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ россійскаго отечества въ

(*) «Трудолюбивая Пчела» 1759 г. Октябрь. Изданіе 1-е. Стр. 879—892. Сочиненія. Ч. 2-я, стр. 219—228.

отдаленныя земли, гдѣ бы его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительство, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новой флотъ и войско; всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чтобъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода, или творческою Всевышняго рукою, или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.»

Или извѣстное заключеніе «Слова» у Ломоносова. Все это было близко сердцу и шло отъ него. У Сумарокова нельзя встрѣтить такой поэзіи выраженій и такого краснорѣчія. Его «Слово» носитъ свой собственный, ему принадлежащій характеръ. У него нѣтъ ни ораторскаго расположенія, ни цвѣтистыхъ и длинныхъ періодовъ, ни мѣрнаго склада рѣчи. Его главною заботою была простота. Вотъ отрывокъ изъ его «Слова»:

«До временъ Петра Великаго Россія не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ. Разумъ нашъ утопалъ во мракѣ невѣжества, искры остроумія угасали и воспламениться не имѣли силы. Вредительная тьма разума пріятна была и полезный свѣтъ тягостенъ казался. Родился Петръ, наступило его младенчество. Взошла на мрачный горизонтъ предвѣстница солнца — багряная Аврора. Возрадовалась истина и ужаснулось сусмудріе.»

Но Сумароковъ никогда исключительно и враждебно не смотрѣлъ на до-Петровскую Русь. Этому могутъ служить доказательствомъ другія энергическія слова

его. (*) Во всемъ похвальномъ словѣ его Петру В. преобладающею мыслію является мысль о благотворномъ дѣйствіи преобразованія, о пользѣ наукъ и просвѣщенія. Можно отнять ораторскій талантъ у Сумарокова, но ума отнять у него невозможно.

Императрицѣ Екатеринѣ II Сумароковъ написалъ три слова: одно (**) «На день коронованія Ея» (1762 года), въ которомъ замѣчательны слова Сумарокова о необходимости собранія въ одно цѣлое законовъ и просьба его Екатеринѣ В. объ исполненіи того, что смерть помѣшала исполнить Петру В, но Великая Государыня и безъ этихъ словъ умнаго Сумарокова готовила уже Россіи «Наказъ». Другое слово: «На новый 1769 годъ.» (***) Оно развиваетъ мысль о необходимости имѣть въ Россіи просвѣщенныхъ учителей. Третье: «На день посшествія на престолъ», въ 1771 году. (****) Тогдашняя славная война съ Турками и успѣхи нашего оружія на волахъ Архипелага объясняютъ воззваніе, сдѣланное здѣсь Сумароковымъ къ Греціи. Кромѣ этихъ словъ есть еще «Слово Наслѣднику Престола» на день его рожденія, написанное въ 1761 году (*****), и «Слово на открытіи Академіи Художествъ.» (******) Послѣднее было произсено въ присутствіи Императрицы. Содержаніе его замѣчательно по времени, когда было писано, и мо-

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 172.

(**) Сочиненія. Ч. 2-я, стр. 229—238.

(***) Сочиненія Ч. 2-я, стр. 247—256.

(****) Ibid. Стр. 283—290. Въ концѣ Слова, Сумароковъ замѣтилъ: «Преложено 1771, іюня 11, по полудни отъ 8 часовъ до 9, въ Москвѣ.»

(*****) Сочиненія. Ч. 2-я, стр. 239—247.

(******) Спб. 1768. 4°. Сочиненія. Ч 2-я, стр. 257—267.

жетъ быть это первыя у насъ печатныя слова о значеніи въ жизни государственной и домашней искусствъ, о томъ, что ихъ развиваетъ и что убиваетъ. «Слово на заложеніе кремлевскаго дворца» (*) было написано Сумароковымъ для извѣстнаго тогда архитектора и переводчика Витрувія — Баженова. — «Слово о любви къ ближнему» (**) исполнено ученія христіанской нравственности.

Что заставило Сумарокова писать *историческія* статьи: «Краткій ли лѣтописецъ» Ломоносова, съ которымъ онъ можетъ быть хотѣлъ поспорить, или собственное влеченіе, мы не знаемъ: самолюбивое желаніе представить образцы во всѣхъ родахъ вѣроятно не малое принимало участіе въ этихъ трудахъ. Всѣ эти труды Сумарокова относятся къ русской исторіи. «Краткая московская лѣтопись» (***), разсказывая исторію Москвы со временъ Георгія Долгорукова до Ѳедора Алексѣевича, не представляетъ ничего замѣчательнаго, потому что очень коротка. «Первый и главный стрѣлецкій бунтъ 1682 года» (****) разсказанъ нѣсколько подробнѣе и въ немъ мы находимъ мѣста, указывающія на то, какъ смотрѣлъ Сумароковъ на исторію своего отечества. Причиною стрѣлецкихъ бунтовъ, по его мнѣнію, было «сугубое супружество Царя Алексѣя

(*) Ibid. Стр. 267—278.

(**) Ibid. Стр. 276—283.

(***) Спб., въ типографіи А. И. 1774. 8°. Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 143—161. Переведена была по нѣмецки въ St. Peterburg. Journal. 1776.

(****) Ibid. 1768. 8°. Сочиненія. Ibid. Стр. 165—202 Нѣмецкій переводъ ея: Der erste und wichtigste Aufstand der Strelitzen in Moskau, im Jahr 1682, im Maymonate, übers. von Al. Riga, 1774. 12°.

Михайловича». Говоря о состояніи Россіи при Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и распространялся объ немъ, Сумароковъ пишетъ слѣдующія замѣчательныя слова: «бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до временъ Петра Великаго, варвары или паче скоты были. Предки наши были не хуже насъ, а сей послѣдній Царь въ нашей древности былъ достойный братъ Петру В.» Сумароковъ энергически возстаетъ противъ ложнаго образованія, которое отрываясь отъ прошедшаго насильственнымъ образомъ, живетъ только тѣмъ, что поймаетъ съ вѣтру; онъ просто бранитъ тѣхъ людей, которые въ его время «изъ человѣковъ напудренныхъ въ напудренную превратились скотину». Самое событіе бунта разсказано довольно живо. Историческій слогъ Сумарокова не представляетъ впрочемъ большихъ достоинствъ; онъ лишенъ силы и краткости, а моральныя разсужденія времени, внесенныя въ сочиненія еще болѣе дѣлаютъ его вялымъ. Но объ исторіи Сумароковъ имѣлъ правильное понятіе. «Историкъ, говоритъ онъ, неправедно хуля и хваля сопутствующій своему отечеству есть врагъ отечества своего; и бывшее худо и бывшее добро общему наставленію и общему благодѣтствію служатъ. Не полезно вымышленное повѣствованіе о комъ бы оно ни было». Статья «Вторый стрѣлецкій бунтъ» (*), въ которомъ игралъ роль предокъ писателя, не кончена. Къ историческимъ сочиненіямъ Сумарокова надобно отнести также и небольшую брошюру его, не вошедшую, по неизвѣстной причинѣ, въ оба изданія его сочиненій, сдѣланныя Новиковымъ. Она называется: «Сокращенная повѣсть

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 203—212.

о Стенькѣ Разинѣ». Спб. въ типографіи И. А. Н. 1774. 8° (14 стр.). Въ настоящее время она очень рѣдка, хотя и упоминается въ реестрахъ Сопикова и Смирдина. Брошюра эта впрочемъ незамѣчательна. Фактовъ выставлено въ ней очень не много. Лице самаго Стеньки обрисовано не ясно, а всему изложенію вредитъ сильно собственныя разсужденія автора, необходимое условіе всѣхъ историческихъ сочиненій прошлаго вѣка.

Сумароковъ, какъ видно изъ «Приступленія къ исторіи Петра В.» (*), хотѣлъ написать исторію Петра В.; но и это «приступленіе», начавшееся съ отдаленной русской древности, не кончено. Здѣсь Сумароковъ Москву производитъ отъ *мостковъ*, по болотамъ, которыя были прежде на мѣстѣ города. Статья: «о происхожденіи россійскаго народа» (**), любопытна потому, что въ ней Сумароковъ примѣняетъ филологическія свѣдѣнія свои къ объясненію русской исторіи. «Языкъ, говоритъ онъ, есть ко списканію исторической истины вѣрнѣйшій руководецъ.» Но филологія Сумарокова наивна до смѣшнаго. Для того, чтобъ породнить насъ съ «знатными Европейцами», онъ производитъ Славянъ отъ Цельтовъ. Галлы происходятъ у него отъ русскаго глагола — *галю*, и суть не что иное, какъ *галки*. Вандалы — отъ *вонъ-дали*; Британы — отъ *бритыхъ головъ*. Слово исторія происходитъ у него отъ славянскаго *изъ стари*. Сумароковъ пускается и въ сравненіе языковъ: нѣсколько словъ латинскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ приведены у него параллельно. Сумароковъ въ своихъ

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 213—224.
(**) Сочиненія. Ч. 10-я, стр. 106—119.

историко-филологическихъ изслѣдованіяхъ не забывалъ и соплеменныхъ намъ Славянъ и какъ бы смутно предчувствовалъ важность изученія славянскихъ нарѣчій для нашей исторіи и нашего языка. Онъ приводитъ даже молитву «Отче нашъ» на славянскихъ нарѣчіяхъ, называемыхъ у него: карнійскимъ, лузатическимъ, чешскимъ, польскимъ, славянскимъ, кроатскимъ, далматскимъ, болгарскимъ, сербскимъ и вандальскимъ.

Конечно всѣ эти попытки Сумарокова отзываются страшною незрѣлостію пріемовъ. Это самородная, доморощенная и дѣтская филологія, которою любитъ тѣшиться полуобразованіе и праздный умъ, но для того времени и для Сумарокова она заслуживаетъ вниманія. Эти попытки доказываютъ, какой живой человѣкъ былъ Сумароковъ, какая широкая натура, чисто русская, способная понимать многое и интересоваться имъ съ увлеченіемъ, была у него. Въ нашъ вѣкъ, при нашихъ средствахъ образованія, онъ былъ бы замѣчательнымъ писателемъ и можетъ быть не порывался бы такъ во всѣ стороны, оставляя вездѣ, если не глубокіе, то по крайней мѣрѣ живые слѣды. Напрасно иные объясняютъ дѣятельность Сумарокова подражаніемъ многообъемлющей дѣятельности Вольтера. Дѣятельность эта вытекала прямо изъ его натуры, подталкивавшей его къ дѣйствію, но по своей живости и подвижности кидавшей его въ разныя стороны.

Въ заключеніе мы должны бросить взглядъ на самую живую, на самую плодоносную сторону дѣятельности Сумарокова, которая осталась не безслѣдною въ нашей литературѣ и породила въ послѣдствіи времени цѣлую семью ежемѣсячниковъ, еженедѣльниковъ и ежедневниковъ. Мы говоримъ о его *журнальной дѣя-*

тельности За его «Пчелою», какъ за маткою, полетѣли «Трутни» и другіе старые журналы. Было что-то живое въ этомъ забытомъ нами литературномъ движеніи. Молодыя силы кипѣли и порывались къ дѣятельности. Здѣсь Сумароковъ стоялъ лицомъ къ лицу съ современностію и здѣсь вполнѣ открывается намъ его натура. Здѣсь Сумароковъ является намъ и моралистомъ, и сатирикомъ, и литературнымъ критикомъ, но вездѣ живымъ и дѣятельнымъ. Мы скажемъ о его журналѣ, статьяхъ его, помѣщенныхъ въ немъ или другихъ журналахъ, или напечатанныхъ въ собраніи сочиненій его, но очевидно заготовленныхъ для журнала. Статьи эти мелки, отрывисты, говорятъ о различныхъ предметахъ, а потому мы обязаны распредѣлить ихъ по разнымъ родамъ, сколько позволитъ намъ почти неуловимое ихъ содержаніе.

Въ 1759 году Сумароковъ издавалъ журналъ свой «Трудолюбивая Пчела.» (*) Съ самаго начала существованія «Ежемѣсячныхъ сочиненій», издаваемыхъ Миллеромъ при Академіи Наукъ, Сумароковъ постоянно помѣщалъ въ нихъ свои стихотворенія и Штелинъ говоритъ, что «Бригадиръ Сумароковъ поставилъ даже себѣ закономъ, чтобъ безъ присылки его стихотворенія невыходила ни одна ежемѣсячная книжка журнала»; но мы знаемъ изъ письма Ломоносова къ Шувалову, что Миллеръ часто и не помѣщалъ статей Сумарокова

(*) Въ типографіи Академіи Наукъ С. П. Б. 1759. 8°. Второе изданіе вышло тамъ же въ 1780. 8°. Оба изданія журнала до того похожи между собою, что только внимательный взглядъ можетъ различить другой наборъ. Нумерація страницъ, число ихъ, переносы одинаковы, но мелкія типографскія украшенія убѣждаютъ насъ въ существованіи другого изданія.

Поэтому, можетъ быть, Сумароковъ и сталъ издавать свой собственный журналъ, въ которомъ могъ бы свободно распоряжаться своими трудами. «Трудолюбивая Пчела» выходила каждый мѣсяцъ книжками въ четыре печатныхъ листа и была посвящена издателемъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, будущей Императрицѣ и покровительницѣ русской литературы. Большая часть статей, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ принадлежитъ самому издателю. Въ примѣчаніи къ майской книжкѣ даже сказано: «весь сей мѣсяцъ сочиненія Александра Сумарокова». Онъ печаталъ въ журналѣ свои стихи, мелкія прозаическія статьи разнаго содержанія и небольшіе переводы. Сумарокову одному принадлежатъ въ журналѣ статьи оригинальныя, всѣ же сотрудники его были большею частію переводчики и журналъ изобиловалъ переводами съ древнихъ языковъ. Самымъ дѣятельнымъ переводчикомъ съ греческаго и латинскаго былъ Григорій Козицкій. Его переводы замѣчательны правильностію языка и знаніемъ подлинниковъ. Одинъ Козицкій доставилъ Сумарокову 16 статей, въ числѣ которыхъ одна только оригинальная: «О пользѣ миѳологіи». — За нимъ слѣдуетъ Николай Мотонисъ, написавшій статью «О двухъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ историку» и переводившій «отрывки» изъ Максима Тирскаго, Іерокла, Эрасма Роттердамскаго и Муретa. Сумароковъ всегда уважалъ этихъ двухъ переводчиковъ, ссылаясь на судъ ихъ въ дѣлѣ русскаго слова. Къ нимъ присоединялъ онъ и Полѣтику, но послѣдній помѣстилъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ» одну только переводную статью, неизвѣстно откуда, о томъ, что въ *ученіи спѣшить не должно*. — Тредьяковскій напечаталъ здѣсь одинъ со-

нетъ свой и небольшой трактатъ «О мозаикѣ», раздосадовавшій Ломоносова. Изъ прочихъ переводчиковъ, небольшіе труды которыхъ напечатаны въ журналѣ, стоитъ упомянуть о Дмитревскомъ и Нартовѣ. Всѣ переводы были или съ древнихъ языковъ или изъ «Англійскаго смотрителя». Стихи, помѣщенные въ журналѣ, незамѣчательны и журналъ былъ вообще слабъ. Душу журнала составляли прозаическія статьи самаго издателя, полныя сатирическихъ выходокъ, почему онъ и нравился публикѣ. Сумароковъ напечаталъ письмо, подписанное буквою К., гдѣ нѣкто отъ имени «нѣкотораго общества, которыхъ благородныя мысли отвѣтствуютъ знатности ихъ и благорожденію», благодаритъ издателя за статьи «Трудолюбивой Пчелы», гдѣ говорится о лихоимствѣ, вреднѣйшемъ злѣ государства. Подобныя статьи только и придавали значеніе журналу.

«Трудолюбивая Пчела» издавалась одинъ годъ и прекратилась съ окончаніемъ его. У Сумарокова было приготовлено много статей для будущаго года, что доказывается тѣмъ, что въ 1760 году онъ помѣщалъ много стиховъ своихъ и нѣсколько сатирическихъ статей въ прозѣ, въ журналѣ «Праздное Время», издававшемся при Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. (*) У Сумарокова вскорѣ послѣ начала изданія были непріятности съ его академическимъ цензоромъ Поповымъ. Академія очевидно притѣсняла журналъ и

(*) Онъ издавался два года: 1759 и 1760 и назывался «Праздное время, въ пользу употребленное»; выходилъ еженедѣльно по листу и состоялъ почти весь изъ переводовъ. По свидѣтельству Новикова, здѣсь печатались стихи извѣстнаго Семена Порошина. Спб. 8°. 4 части.

Ломоносовъ, какъ извѣстно, не малое принималъ въ этомъ участіе. Причину непріязненныхъ отношеній издателя къ Академіи надобно объяснять чисто матеріально. Когда въ 1758 году, Сумароковъ представилъ Академіи планъ своего журнала и хлопоталъ о напечатаніи его въ академической типографіи, то въ журналѣ академической канцеляріи помѣщена была справка, изъ которой оказалось, что Сумароковъ, не смотря на многократныя требованія, оставался долженъ Академіи съ 1748 года за прежде напечатанныя имъ трагедіи и эпистолы — 382 р. 63 коп., а потому канцелярія «была сумнительна» въ исправности уплаты. Этотъ-то долгъ Сумарокова, вѣроятно еще и въ слѣдствіе личныхъ отношеній, кромѣ служебныхъ побужденій, былъ требуемъ Ломоносовымъ изъ штатсъ-конторы, что мы видѣли уже. Въ слѣдствіе этого долга и не выпускали изъ типографіи послѣднюю книжку «Пчелы». Какъ и когда Сумароковъ расплатился съ Академіей, мы не знаемъ. Достовѣрно только то, что сочиненія его печатались постоянно въ академической типографіи до 1775 года.

Что касается до цензурныхъ отношеній, то задорный Сумароковъ долженъ былъ много надоѣдать своимъ цензорамъ. Отъ Сумарокова подана была въ Академію Наукъ чрезвычайно ожесточенная жалоба на цензора его Попова, дѣлавшаго ему разныя придирки. Она къ сожалѣнію не напечатана, но замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. — Взглянемъ теперь на оффиціальное оправданіе Попова, любопытное для исторіи литературныхъ отношеній того времени. Вотъ списокъ съ документа:

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

отъ профессора Никиты Попова покорнѣйшее доношеніе.

Увѣдомился я недавно, что его Высокородіе Господинъ Брегадиръ Сумороковъ, избѣгая моихъ справедливыхъ о піесахъ въ издаваемой имъ помѣсячно трудолюбивой пчелѣ критикъ, которые я по приказанію его Сіятельства Господина нашего Академіи Президента дѣлать былъ долженъ и дѣлалъ, подалъ въ оную Канцелярію доношеніе, чтобы мѣсто меня опредѣлить ему другаго цензора, а меня безчестить въ томъ своемъ доношеніи пьяницею, и малознающимъ учителемъ, противно всей справедливости самаго моего дѣла.

Того ради Канцелярію Академіи Наукъ покорнѣйше прошу отъ такихъ наглыхъ и напрасныхъ ругательствъ и безчестія меня отъ *сея сильныя руки* Господина Брегадира Сумарокова защитить и доставить мнѣ за то *достойную сатисфакцію по указамъ;* тѣмъ паче, что *я* сіе безчестіе несу за то единственно, что я поступалъ по ордерамъ Канцеляріи, что все ясными доказательствами утвердить имѣю. Іюня дня 1759. Профессоръ Никита Поповъ.

Но оправданіе Попова не было принято по видимому въ уваженіе и другимъ цензоромъ былъ назначенъ Котельниковъ, которому Сумароковъ въ одинъ мѣсяцъ надоѣлъ до такой степени, что тотъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи его отъ цензорской должности. Это можно видѣть изъ слѣдующаго документа.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Доношеніе.

По ордеру Канцеляріи Академіи Наукъ, велено мнѣ прочитывать присылаемыя Его Высокородіемъ Брегадиромъ Александромъ Петровичемъ Самороковымъ сочиненія и ежели что найдется такое, которое выкинуть или поправить на-

должитъ, то о томъ ему представлять; но Его Высокородіе о моихъ представленіяхъ великое показываетъ неудовольствіе. И для того, *опасался ссоры, и отъ того худыхъ слѣдствій, принужденъ я многіе вещи безпоправки пропускать, ибо Его Высокородіе отнюдя не хочетъ ничего въ оныхъ сочиненіяхъ допустить поправить*, которые неисправности напослѣдокъ мнѣ въ несмотреніе и пренебреженіе даннаго ордера причтены быть могутъ.

Того ради прошу Канцелярію Академіи Наукъ, дабы повелено было поправку помянутыхъ сочиненій отъ меня сложить, и отдать другому, кому Канцелярія Академіи Наукъ заблагоразсудитъ. 1759 года, Іюля 19 дня. Къ сему доношенію Профессоръ Семенъ Котельниковъ руку приложилъ.

Кому поручена была въ послѣдствіи времени цензура «Пчелы»—неизвѣстно. Изъ приписки Ломоносова, приведенной нами на стр. 57, видно что и Барсовъ былъ цензоромъ. Вотъ каковъ былъ Сумароковъ. Въ 1778 году въ Генварѣ, слѣдовательно послѣ смерти Сумарокова, Императрица позволила печатать сочиненія Сумарокова безъ цензуры. (*)

Денежныя и другія отношенія бѣсили раздражительнаго Сумарокова и онъ, въ спорахъ своихъ съ Академіей, въ которыхъ правда не всегда была на сторонѣ его, призналъ судьею публику и напечаталъ объявленіе о прекращеніи журнала «Трудолюбивой Пчелы».

До насъ дошло это любопытное «извѣстіе» о прекращеніи журнала, напечатанное Сумароковымъ въ типографіи Кадетскаго Корпуса, въ 8°; къ нему присоединено было также объявленіе Сумарокову, подписанное ком-

(*) Сообщеніемъ этихъ любопытныхъ документовъ и другихъ извѣстій, касающихся отношеній Сумарокова къ Академіи, мы обязаны благосклонному вниманію г. Академика А. А. Куника.

мисаромъ Академіи Зоромировымъ о задержаніи декабрьской книжки журнала и требованіе объ уплатѣ денегъ съ Бригадира Сумарокова за сентябрьскую треть. Вотъ собственныя слова Сумарокова:

«Я имѣлъ намѣреніе, въ удовольствіе моихъ согражданъ, издаваемый мною журналъ еще продолжати; но неисчисленныя мнѣ по Академіи препятствія и несносныя озлобленія, все мое намѣреніе пресѣкли. Довольны для показанія учиненныхъ озлобленій автору, одни приложенныя при изданіи послѣдняго мѣсяца отъ фактора и отъ комиссара мнѣ объявленія. Я отдаю сіе на судъ общества и на разсмышленіе моихъ согражданъ . . . . .» (*)

Личность Сумарокова выказывается во всѣхъ статьяхъ его, имѣющихъ характеръ журнальный, и кладетъ на нихъ печать яркой особенности. Самолюбіе его является на каждомъ шагу и то, что болѣе занимало его, примѣшивается ко всему прочему. Заговоритъ ли онъ вообще о морали, а сведетъ на подъячихъ, начнетъ говорить о подъячихъ, а кончитъ театромъ; отъ литературы перейдетъ къ Академіи, отъ нея къ театру, отъ театра къ нападеніямъ на иностранное вліяніе. Словомъ Сумароковъ не останавливался ни на чемъ долго и всюду метался. Отъ того трудно опредѣлить характеръ каждой статьи его: въ этой дѣятельности его такъ много разнообразія и вмѣстѣ съ тѣмъ животре-

(*) Объ этомъ извѣстіи упоминаетъ Шталинъ въ своей запискѣ, см. «Москвитянинъ» 1851, Генварь, № 2, стр. 210, и прибавляетъ отъ себя, «что Сумароковъ ни слова не сказалъ о безпокойствахъ, которыя причинялъ онъ Академіи и ея типографіи своимъ ненужнымъ изданіемъ, ни о частыхъ ссорахъ своихъ съ факторомъ типографіи, которыя происходили отъ его неисправности въ уплатѣ академическихъ издержекъ по этому изданію.» — Извѣстіе Сумарокова нашли мы въ одномъ сборникѣ рѣдкихъ печатныхъ курьезовъ прошлаго вѣка.

нещущей истины. Время отражается на всѣхъ этихъ статьяхъ. Иныя изъ нихъ — современные памфлеты и тогда ясное содержаніе ихъ для насъ совершенно темно. Напримѣръ статья «О копистахъ» (*), видимо указывающая на современное лицо и производившая, по словамъ Порошина, общій смѣхъ за обѣдомъ у Графа Панина, для насъ не понятна. Постараемся же, по возможности, отдѣлить и опредѣлить различные роды журнальной дѣятельности Сумарокова.

Общее ученіе о морали разбросано у Сумарокова въ большомъ количествѣ статей и самою важною и полною изъ нихъ мы называемъ «Нѣкоторыя статьи о добродѣтели». (**) Онѣ раздѣлены у него на 49 небольшихъ параграфовъ. Сумароковъ не былъ моралистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и не думалъ, а по своему характеру и образованію и не могъ думать, о системѣ нравственной философіи въ полной и научной формѣ. Для него мораль была живымъ примѣненіемъ къ обществу. Факты его тотчасъ же бралъ онъ для примѣра своей мысли и какая-то тайная связь постоянно существовала между его положеніями, выведенными изъ общаго ученія о нравственности, и этими фактами общества, согласными или противорѣчащими имъ. Здѣсь разсуждаетъ онъ о причинахъ утѣсненія добродѣтели. Здѣсь говоритъ онъ объ ученіи и грустно спрашиваетъ: «не бремя ли ученіе, когда все оно противъ невѣжества, какъ малый источникъ противъ океана: не слышно и ученіе, когда ревetъ невѣжество.... Лучше бы было, ежели бы ученіе со всѣмъ

(*) «Трудолюбивая Пчела», стр. 737.
(**) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 227—262

исторгнулося, нежели чтобъ оно не многими почитаемо, многими презираемо, многими гонимо, а большею частію людей невѣдомо.» Въ этихъ же статьяхъ говоритъ онъ и о воспитаніи добродѣтели, кѣмъ и какъ она можетъ быть возращена. Но надобно замѣтить, что добродѣтель для Сумарокова не была отвлеченнымъ и не дѣятельнымъ понятіемъ: она была олицетворенное дѣйствіе. Сумароковъ говоритъ: «когда писать о истинѣ и добродѣтели, такъ бояться не надобно, по пословицѣ: *когда кто боится дрязгу, тому не надобно и въ лѣсъ ходить*. Трусливый моралистъ есть трусливый воинъ: трусъ военный не принимайся за шпагу и не дерись за отечество, а трусливый моралистъ не принимайся за перо и не защищай добродѣтели.» Въ этихъ статьяхъ Сумароковъ говоритъ и о необходимости просвѣщенія для всѣхъ классовъ общества и о воспитаніи дѣвицъ въ учрежденіяхъ Бецкаго, и о судьяхъ, «емлющихъ взятки», и о невѣжествѣ, и о гордости, и о любви, и о воспитаніи; однимъ словомъ о всемъ, что только умный человѣкъ могъ сказать тогда массѣ. Объ ученіи онъ такъ выражается: «Имѣя достатокъ и способы обучать дѣтей и не обучать есть вина непростительная. Не чудно ли это: мы своихъ дѣтей не учимъ, а Государыня наша и чужихъ обучати старается! Ей потребны разумные подданные, но и намъ потребны разумныя дѣти. А о домочадцахъ нашихъ почти никто изъ насъ и не думаетъ. Портныхъ и сапожниковъ имѣютъ нѣкоторые какъ и уборщиковъ волосъ; но это точно только ради самихъ насъ, потому что намъ кафтаны, сапоги и кудри потребны.» Статья Сумарокова: «Основаніе любомудрія» (*) есть попытка

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 263—274.

домашней философіи, удовлетворявшая можетъ быть его современниковъ, хотя и похожа она на умствованія Кифы Мокіевича. Она написана въ 1772 году. Къ этому же отдѣлу могутъ быть отнесены мелкія статьи его: «о несогласіи», «о разности между пылкимъ и острымъ разумомъ,» «о неестественности» (*), «о не справедливыхъ основаніяхъ», гдѣ Сумароковъ разбираетъ, что такое значитъ *знать по педантски* и *знать по кавалерски*. «Распространи, Боже, оканчиваетъ Сумароковъ эту статью свою, въ Россіи науки и искорени несправедливыя основанія (**)». Къ этому же отдѣлу общихъ статей о морали принадлежатъ и «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ» (***), письмо «о бѣльшихъ бесѣдахъ,» «о гордости и медленности», «о достоинствѣ.» (****) Письмо: «Четыре отвѣта другу» на вопросы его, чтóбы онъ дѣлалъ: «1) ежели былъ малой человѣкъ и малой гостодинъ, 2) ежели бы былъ великой человѣкъ и малой господинъ, 3) ежели бы былъ великой человѣкъ и великой господинъ и 4) ежели бы былъ малой человѣкъ и великой господинъ», — есть остроумная сатира на нравы. (*****) Сюда же можно отнести статьи его: «о чтеніи романовъ», «Сонъ — счастливое общество» (родъ придуманной имъ утопіи) (******), «о казни,» «разговоръ между ученымъ и старою женщиною» (*******), «о новой философической сектѣ,» «къ

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 295—302.
(**) Ibid., стр. 321.
(***) Ibid., стр. 321—336.
(****) Ibid , стр. 338—345.
(*****) Ibid., стр. 345—348.
(******) Ibid., стр. 363—370.
(*******) Сочиненія. Ч. 9-я, стр. 296—299 и 319—322.

добру или худу человѣкъ раждается», «о безбожіи и безчеловѣчіи», «о словѣ мораль» и «о суевѣріи и лицемѣріи.» (*)

Изъ этого сухого перечисленія статей Сумарокова легко уже видѣть, какъ онѣ были разнообразны и какъ много содержанія захватывали въ себя. Конечно современная намъ публика не могла бы удовлетвориться ими, потому что форма ихъ слишкомъ груба и проста. Истина не прячется за украшенія: она вся наружу. Это разнообразіе статей, видимое только по заглавіямъ, еще яснѣе является въ самомъ ихъ содержаніи. Сумароковъ свою теорію сей часъ же примѣнялъ къ обществу; жизнь общественную, ея успѣхи, развитіе въ ней понятій нравственныхъ, онъ ставилъ выше литературы и въ этомъ отношеніи, по этому взаимодѣйствію писателя на общество, онъ болѣе почетное мѣсто имѣетъ въ исторіи нашей литературы, нежели Ломоносовъ. Свой талантъ приносилъ онъ вполнѣ на служеніе обществу. Это можно видѣть изъ той горячей любви къ отечеству, которая ясно читается въ каждой статьѣ его. Онъ постоянно, напряженно обращенъ былъ къ обществу и зоркій взглядъ его слѣдилъ за всѣмъ, что въ немъ происходило. Съ этой стороны между его талантомъ и талантомъ Новикова, въ началѣ литературной дѣятельности послѣдняго, было очень много об-

(*) Сочиненія. Ч. 10-я, стр. 126—137 и 141—150. — Къ подобнаго же рода статьямъ вѣроятно принадлежала и непапечатанная статья его «Мнѣніе на задачу о собственности поселянъ», находившаяся въ сгорѣвшей въ 1812 году въ Москвѣ библіотекѣ И. Г. Демидова, какъ видно изъ каталога ея, составленнаго г. Ундольскимъ. См. «Чтенія въ Обществѣ И. и Д. Р.» 1846 г. Ч 2-я. Засѣданіе 28 Сентября.

щаго. Они были сатирическими писателями по преимуществу въ то время и должны были со многимъ бороться. Фонъ-Визинъ развилъ талантъ свой въ ихъ школѣ. На долю его выпало быть художественнымъ выразителемъ ихъ идей. Эти два писателя и наши старые журналы приготовили прекрасные матеріалы для художественной, по своему времени, комедіи Фонъ-Визина.

Быть сатирическимъ писателемъ въ то время умному человѣку было не трудно, но трудно было выдержать борьбу съ обществомъ, трудно было, нападая на людскіе пороки, остаться въ безстрастной кожѣ сатирика, а потому сатира Сумарокова не имѣетъ художественнаго, спокойнаго характера. Вся жизнь Сумарокова прошла въ постоянной мелкой борьбѣ, особенно съ московскимъ обществомъ, къ которому принадлежалъ онъ по рожденію и въ которомъ, подъ конецъ дѣятельной жизни своей, нажилъ кучу враговъ. Мы видѣли уже его одинокую, печальную смерть, о которой никто не зналъ и никто не пожалѣлъ о покойномъ. Такая смерть была слѣдствіемъ его жизни, слѣдствіемъ неуклончиваго, задорнаго характера, развитаго по видимому больше внѣшними обстоятельствами. Всегда помимо художественныхъ требованій отъ сочиненій писателя, историкъ литературы имѣетъ полное право требовать отъ нихъ, чтобъ они имѣли значеніе нравственное, общественное. Литература не есть перечисленіе только внѣшнихъ сторонъ, образовъ и формъ поэтическаго или прозаическаго созданія. Выражая духовную жизнь народа, она связана со всѣми его благородными стремленіями; она душа его и зависитъ отъ этой народной жизни, какъ душа человѣка отъ его тѣла, такъ что

болѣзненное или здоровое состояніе организма имѣетъ вліяніе и на душу. Напрасно нѣкоторые критики и въ ихъ числѣ Князь Вяземскій развиваютъ мысль, что русская литература не выражаетъ русскаго общества. Очевидно этотъ превосходный критикъ Фонъ-Визина впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ говоритъ о недостаткахъ русской литературы, которая мельче и слабѣе будто бы русскаго общества, и тутъ же рисуетъ неутѣшительную картину этого общества. (*) Налобно согласиться въ понятіи общества у насъ, или уже рѣшительно отвергнуть аксіому, что литература есть выраженіе общества. Сумароковъ въ концѣ XVIII вѣка былъ близкимъ выразителемъ общества, его окружавшаго. Онъ хорошо понималъ нужды и желанія этого общества, онъ сочувствовалъ тому, къ чему оно стремилось и чего добивалось. Поэтому сатирическія нападенія его на подъячихъ, крючкотворство, взятки и ябеды, при всей своей видимой незначительности, отрывочности, желчи и озлобленіи, имѣли совершенно общественное значеніе. Вотъ какъ умный современникъ, вскорѣ послѣ смерти Сумарокова, говоритъ объ общественномъ значеніи его сатиры:

«Паче всего заслуживаетъ безсмертіе омерзеніе къ ябѣдѣ, чему конечно *ліющійся складъ стиховъ его* притчина; не пощеголяетъ никто нынѣ, какъ прежде, десятилѣтней тяжбой, которую помощію стряпчаго, могъ продолжать; а до его ополченія на подъячихъ, ставили въ старину дворяне честію, будучи добрые люди, что проворствомъ повѣреннаго тянетъ виноватое дѣло четверть вѣка, хвалясь притомъ что ему Секретари въ судахъ знакомы.» (**)

(*) «Фонъ Визинъ.» Стр. 179—183.

(**) «Драматическій словарь» 1787 года. «Предувѣдомленіе.»

Эти слова современника доказываютъ, что и въ обществѣ сознавали трудъ Сумарокова не безполезнымъ.

Разсматривая біографію Сумарокова, мы видѣли уже, какое впечатлѣніе осталось въ душѣ его послѣ перваго посѣщенія имъ думнаго дьяка. Это впечатлѣніе не покидало его во всю жизнь и выражается во многихъ мелкихъ статьяхъ преслѣдованіемъ язвы тогдашняго общества — подъячихъ. Мы укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ статей, болѣе другихъ замѣчательныя. Форма ихъ легка и незначительна, а потому кромѣ желанія блага и остроумія, нечего искать въ нихъ другихъ какихъ либо чисто-литературныхъ достоинствъ. Сюда можно отнести, кромѣ письма, въ которомъ разсказывается о «жалобѣ утѣсненной истины Юпитеру» и о забавной ошибкѣ миѳологическаго бога о значеніи подъячихъ, другое «письмо о нѣкоторой заразительной болѣзни,» гдѣ Сумароковъ говоритъ о происхожденіи *акциденціи* или взятокъ. (*) Это послѣднее письмо, вмѣстѣ съ «письмами Взяткина», Фонъ-Визина, перепечатывалось много разъ и имѣло большой успѣхъ въ народѣ. Вотъ какъ онъ выражается о способѣ писать подъячихъ: «Подъячіе однимъ пишутъ почеркомъ литеры, связывая для того, чтобы и въ томъ больше крючковъ было и для умноженія оныхъ крючковъ часто литеры вверхъ кидаютъ. Точекъ и запятыхъ не ставятъ они для того, чтобы слогъ ихъ темнѣе былъ, ибо въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить.» Статья «о копистахъ» вся наполнена нападеніями на подъячихъ. (**) О статьѣ его «Сонъ» мы уже имѣли случай

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 351—357.

(**) Ibid., стр. 371.

говорить; тѣмъ же характеромъ отзывается статья его «Блохи» (*), хотя здѣсь собственно дѣло идетъ уже не о подъячихъ, а о иноплеменникахъ, и этимъ нападеніемъ Сумароковъ указалъ дорогу нашимъ сатирическимъ журналамъ, которые особенно рѣзко нападали на иностранное вліяніе. Блохи раздѣляются у него на «переученыя» и «недоученыя»; но болѣе всего нападеній на блохъ «финскихъ» или «чухонскихъ», которыя «впрыгиваютъ авторамъ въ уши и до тѣхъ поръ у автора въ ухѣ шевелятся, покамѣстъ они множествомъ лекарствъ не выгопятся. Авторъ тогда бѣснуется отъ чухонской блохи, какъ отъ нечистаго духа.» Невозможно понять эти, видимо личныя, нападенія. Статья «О почтеніи автора къ приказному роду» (**) исполнена ѣдкой ироніи, относящейся также и къ игрокамъ. Сумароковъ ни на чемъ не могъ остановиться долго и перемѣшивалъ предметы очень часто другъ съ другомъ. Сатира его находится вездѣ, почти во всѣхъ родахъ литературной дѣятельности его и ко всему примѣшивалъ онъ ее. По своему важному содержанію замѣчательна статья «о домостроительствѣ», гдѣ онъ касается нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ политической экономіи. Разумѣется науки тутъ нельзя и требовать, но въ Сумароковѣ похвально желаніе общаго блага, похвально пониманіе нуждъ государственныхъ. Онъ слѣдилъ за общественнымъ развитіемъ, какъ человѣкъ живой и какъ писатель помогалъ этому развитію перомъ. Достойна упоминанія мысль его о необходимости хлѣбныхъ магазиновъ въ статьѣ: «о всегдаш-

(*) Сочиненія. Ч. 9-я, стр. 287—290.
(**) Сочиненія. Ч. 10-я, стр. 137—141.

ней равности въ продажѣ товаровъ.» Статья Сумарокова: «истолкованіе личныхъ мѣстоимѣній» (*), замѣчательна тѣмъ, что въ ней можно найти, по справедливому замѣчанію Князя Вяземскаго, идею «Придворной грамматики» Фонъ-Визина.

Въ заключеніе нашего изложенія литературной дѣятельности Сумарокова, мы должны сказать нѣсколько словъ о статьяхъ его, касающихся русскаго языка, и о критическихъ попыткахъ его. Первыя потому замѣчательны, что Сумароковъ, какъ одинъ изъ первыхъ и самый дѣятельный и плодовитый писатель нашъ, выразилъ въ нихъ свое сознаніе о нашемъ языкѣ, для котораго онъ работалъ практически. Теорія его вообще должна быть замѣчательна по времени, въ которое явилась она, когда писатель, начиная свою литературную дѣятельность, долженъ былъ высказаться и о правилахъ ея и о теоріи, которую самъ создавалъ. Тогда, въ одно время съ литературными произведеніями, создавалась и теорія ихъ. Критическіе же опыты Сумарокова замѣчательны потому, что они были первыми опытами у насъ въ этомъ родѣ. Небольшія статьи критическія въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера имѣютъ совершенно другой характеръ.

Свое ученіе и понятіе о русскомъ языкѣ Сумароковъ выразилъ, *во первыхъ*, въ статьѣ своей «о правописаніи.» (**) Она касается различныхъ злоупотребленій въ правописаніи, которыя встрѣчались въ то время, и имѣетъ характеръ болѣе полемическій, какъ и все писанное Сумароковымъ въ этомъ родѣ. Разсуждая на-

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 292—293.
(**) Сочиненія. Ч. 10-я, стр. 5—80.

примѣръ о томъ, что многіе замѣняли тогда букву *и* буквою *е*, напр. *достоинъ, бывшій* писали *достоенъ, бывшей*, Сумароковъ говоритъ, что такое злоупотребленіе основано

«единственно на произволеніи г. Ломоносовѣ и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ, такъ полагаютъ основаніе на Академіи, хотя онъ не составлялъ Академіи, а былъ ея членъ и ни Академія, ни Россія того не утвердила, да утверждати того Академіи не можно, ибо она въ наукахъ, а не словесныхъ наукахъ упражняется» (Стр. 6—7). «Равномѣрно ввелъ Ломоносовъ и въ другихъ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ напримѣръ вмѣсто *лѣта — лѣтъ*, вмѣсто *градовъ — градовъ* и проч., а многіе, не размышляя таковыя его ошибки приняли украшеніемъ піитическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что г. Ломоносову, яко провинціальному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ и отъ поселянъ; но прочимъ, которые рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ» (Стр 7). «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ ѳ, а не о оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ такъ: *эта де литера стоитъ подпершися и слѣдовательно бодрѣе:* отвѣтъ издѣвочекъ, но не важенъ.» (Стр. 10.)

Сумароковъ нападаетъ также и на Тредьяковскаго за его нововведенія. Онъ говоритъ, что потомки несправедливо и къ порчѣ языка будутъ употреблять такія слова, какъ напримѣръ *обнародовать, преслѣдовать, предметъ*, введенныя Тредьяковскимъ и Сумарокову кажущіяся безобразными. Языкъ переводчика Ролленя, по словамъ Сумарокова, «заражаетъ нашъ языкъ, какъ моровая язва.» Замѣчанія Сумарокова вообще мелочны, отрывочны, но въ свое время прино-

сили пользу, напримѣръ слова его о правописаніи женщинъ и подъячихъ, сожалѣніе о томъ, что въ народѣ у насъ двѣ грамоты: русская и славянская, и другія мелкія замѣтки грамматическія. Сумароковъ сильно нападаетъ на ударенія или *силы*, которыя безобразятъ печать, хотя первыя изданія его сочиненій были напечатаны съ силами. О силахъ и уничтоженіи ихъ онъ разсуждаетъ подробно въ наставленіи своемъ къ «типографскимъ наборщикамъ» (*): «Лучше ставить силу надъ словами чужестранными, въ которыхъ нѣтъ нужды и которыя присвоены быть не могутъ, и для того ихъ *силою* почтить, что они силою въѣхали въ языкъ нашъ и которыя трудно выжить, потому что десять человѣкъ выталкиваютъ, а многіе ихъ тысячи ввозятъ.» Наборщикамъ объясняетъ онъ, почему пишетъ прилагательныя множественнаго числа во всѣхъ родахъ на *я* и указываетъ примѣръ безграмотности въ подъячихъ, но, прибавляетъ онъ, «о подъячихъ не заключайте, что они искуснѣе васъ, что въ два яруса ставятъ литеры и четыре литеры узорно въ словѣ *лѣта* перепутываютъ, ниже изъ того, что они богатѣе васъ, вседневно примѣчая, что безграмотные люди всегда грамотныхъ людей богатѣе бываютъ. А писцами называются они иронически, потому что они писать не умѣютъ, да это жъ и не ихъ должность: ихъ должность обирать.» Сумароковъ вездѣ сводилъ на свое. Не нравятся также Сумарокову *тире*, или какъ онъ называетъ *палочки* въ словахъ: *во-ртъ, на-воду*. «Такая мерзость, таковыя палочки, говоритъ онъ, отлично были угодны г. Тредьяковскому.» Если и мало

(*) Сочиненія. Ч. 6-я, стр. 307—313.

науки въ статьѣ о правописаніи Сумарокова, то за то въ ней очень много жизни и особеннаго юмора и въ ней, какъ и вездѣ въ прозаическихъ статьяхъ его, высказался характеръ Сумарокова. Многія мѣста нельзя читать безъ смѣха.

Въ статьѣ своей «о коренныхъ словахъ русскаго языка» (*) Сумароковъ занимается преимущественно наивнымъ сравненіемъ русскихъ словъ съ остатками воображаемаго имъ скиѳскаго языка, которые онъ видитъ въ нарѣчіи Татаръ. Но Сумароковъ убѣжденъ былъ, что изслѣдованіе коренныхъ словъ «не единому языку плоды принести можетъ, но и всей о россійскомъ народѣ исторіи», и что коренныя слова составляютъ красоту языка, «ибо народы составляющіе себѣ языкъ являютъ словами начертаніе естества и съ мыслію и съ чувствіемъ сходство произношенія.» У него была горячая любовь къ русскому слову, иногда дѣтски выраженная, но понятная для насъ въ томъ обществѣ, которое окружало Сумарокова, обществѣ, въ которомъ не остыли еще пламенные слѣды, проведенные эпохою преобразованія. Намъ понятно его увлеченіе, съ которымъ онъ воюетъ за чистоту русскаго языка въ статьяхъ «О искорененіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» и къ «Несмысленнымъ риѳмотворцамъ» (**), когда мы вспомнимъ, какой наплывъ чужихъ словъ безобразно пестрилъ тогдашнюю русскую рѣчь, и надобно отдать ему справедливость, что языкъ его преимущественно отличается очень малымъ количествомъ словъ иностранныхъ въ сравненіи хотя съ

(*) Сочиненія, Ч. 9-я, стр. 249—256

(**) Сочиненія, Ч. 9-я, стр. 241—247 и 276—279.

языкомъ Тредьяковскаго. Онъ не любилъ употреблять слова чужія и при всякомъ удобномъ случаѣ смѣялся надъ ними и въ комедіи, и въ баснѣ, и въ сатирѣ, и въ мелкихъ статьяхъ журнальныхъ.

Статья Сумарокова «О просодіи» (*) имѣетъ также содержаніе полемическое, направленное особенно на Ломоносова, который «былъ неисправный и не проворный стихослогатель.» О себѣ въ отношеніи къ Ломоносову Сумароковъ говоритъ: «*если бы г. Ломоносовъ не разстроивался со мною, не въ такомъ бы состояніи видѣли мы россійское краснорѣчіе, увядающее день отъ дня и грозящее увянути на долго. Я ему еще подпора.*» Въ этой статьѣ его заключается и энергическая выходка противъ идеи составлять лексиконъ, который кажется ему пагубнымъ для русской словесности, не имѣющей еще авторовъ. Стихи Кантемира называетъ онъ негодными и ни кѣмъ не читаемыми. «Кто чужихъ языковъ не знаетъ, тому сочинять никакъ невозможно», ибо «грамматика Ломоносова только портитъ нашъ языкъ.» О Тредьяковскомъ выражается: «всѣхъ читателей слуху онъ противенъ толико, что подобнаго писателя никогда, ни въ какомъ народѣ отъ начала міра не бывало: а онъ былъ еще и профессоръ краснорѣчія!» «Всѣ его и стихотворныя произведенія, и прозаическія, и переводы таковы, такъ оставимъ его, ибо нѣтъ моего терпѣнія смотрѣть на его сочиненія.» Критика Сумарокова, какъ изъ всего видно, не замысловата.

Собственно *критическія статьи* Сумарокова направлены были противъ двухъ современныхъ ему писате-

(*) Сочиненія. Ч. 10-я, стр. 50—77.

лей: Ломоносова и Тредьяковскаго. Это первый дѣтскій періодъ нашей критики, исполненный личностей, ожесточенія, которыя писатели переносили изъ своей крикливой домашней жизни на литературную арену. Здѣсь повторялось тоже самое, что было дома. Сумароковъ придирался къ словамъ, выраженіямъ, задѣвалъ за живое писателя. Критика его шла ощупью, да иначе и быть не могло: при самомъ зародышѣ цвѣтка— нечего дѣлать садовнику. Но для насъ важно то обстоятельство, что критика Сумарокова была первою у насъ и съ него начинается ея развитіе.

Сумароковъ издалъ нѣкоторыя мѣста изъ одъ своихъ и Ломоносовскихъ подъ названіемъ: «Нѣкоторыя строфы двухъ авторовъ» (*), съ предисловіемъ, въ которомъ жалуется, что ему наскучило слышать всегдашнія о себѣ и о Ломоносовѣ разсужденія. Онъ говоритъ, что «строфы свои распоряжалъ, какъ распоряжали Малгербъ, Руссо и всѣ нынѣшніе лирики, а г. Ломоносовъ этого не дѣлалъ.» Но болѣе всего оскорбляетъ то Сумарокова, что въ надгробной надписи Ломоносову сказано, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія «а онъ никого не училъ и никого не выучилъ, ибо Ломоносова честь не въ реторикѣ его состоитъ, а въ одахъ.» Сумароковъ хлопочетъ о томъ, чтобы потомки не подумали, что онъ ученикъ Ломоносова. «Великій былъ бы онъ мужъ въ стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищати оды свои, а въ прочія поэзіи не вдавался.» Въ статьѣ подъ названіемъ «Критика на оду», (**) Сумароковъ разби-

(*) Сочиненія Ч. 9-я, стр. 219—224.

(**) Сочиненія Ч. 10-я стр. 77—91.

раетъ 8-ю оду Ломоносова и въ этомъ разборѣ нападаетъ преимущественно на слова, напримѣръ:

И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

«Трубный гласъ не гремитъ, гремятъ барабаны, а ежели позволено сказать вмѣсто трубнаго гласа трубный громъ, такъ можно сказать и громъ скрипицы, и громъ флейты. Если плачевный побѣжденныхъ стонъ глушитъ гласъ славы, то конечно изъ того слѣдуетъ, что возглашаетъ не громко. А потому что слава громко возглашаетъ, то плачевный побѣжденныхъ стонъ гласу славы не мѣшаетъ. Гласъ славы далеко слышится, а побѣжденныхъ стонъ не далеко простирается.» Нападая на слова въ одѣ, Сумароковъ однакоже и указываетъ много неточныхъ выраженій, много словъ натянутыхъ и некстати употребленныхъ, изъ чего можно заключить, что главный источникъ вдохновенія Ломоносова была реторика. Впрочемъ, какъ наивна была критика Сумарокова, легко видѣть изъ раздѣленія его строфъ Ломоносова на слѣдующія рубрики, согласно своему взгляду на нихъ: «*строфы прекраснѣйшія, строфы прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, нарядныя, строфы по моему мнѣнію требующія большого исправленія* и наконецъ *строфы, о которыхъ я ничего не говорю.* Туже самую общую критику примѣняетъ онъ и къ французскимъ трагедіямъ въ статьѣ: «Мнѣніе во сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» (*), напримѣръ о «Меропѣ» Вольтера: «Первое явленіе изобразило уже совершенно Софокла Франціи. Второе

(*) Сочиненія Ч. 4-я. стр. 327—330.

прекрасно. Третіе несравненно. Послѣднее явленіе есть нѣкоторымъ образомъ прологъ трагедіи и весьма искусно вмѣщено въ концѣ дѣйствія. Первое явленіе втораго дѣйствія прекрасно. Второе явленіе всякую похвалу превосходитъ», и т. д. Вотъ въ чемъ заключалась наша первоначальная критика, которой представителемъ былъ Сумароковъ. Но въ антикритикѣ своей: «Отвѣтъ на критику» (*) Тредьяковскаго, онъ споритъ и оправдывается съ большою энергіею. Вотъ любопытное мѣсто, показывающее, въ чемъ состояла критика и въ чемъ антикритика: «Недивлюсь, говоритъ онъ (Тред.), *«что поступка нашего автора безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца.*— О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю. Впрочемъ сія новомодная критика очень пресмѣшна!» И критикъ и антикритикъ вводили личности въ литературу.

Переводы Сумарокова не замѣчательны ничѣмъ, кромѣ перевода: «Пришествіе на нашу землю и пребываніе въ ней Микромегаса», — изъ Вольтера (**), помѣщеннаго Сумароковымъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ», по примѣчанію переводчика:

«Сей переводъ учиненъ того перевода прежде, который внесенъ въ академическія изданія. А отъ чего въ нихъ гораздо близкое сходство, оное предается разсужденію и догадкѣ читателей.»

Вѣроятно подъ старость, подобно Жуковскому, Сумароковъ занимался педагогическими системами и думалъ объ упрощеніи ученія. Отъ него осталось: «Наставле-

(*) Сочиненія. Ч. 10 я, стр. 93—103.
(**) Сочиненія. Ч. 9-я, стр. 238—274.

ніе младенцамъ: мораль, исторія и географія.» (*) Трудно понять идею этой упрощенной педагогической системы. Она состоитъ изъ отдѣльныхъ таблицъ, въ которыхъ заключается по слову изъ трехъ предметовъ ученія, напримѣръ:

Василій.
Данія.
Будьте опрятны.
Копенгагенъ.
Отмѣнно народомъ любимый.

Приводилъ ли эту теорію Сумароковъ въ практическое примѣненіе и дѣйствительно ли она способствуетъ развитію памяти и облегчаетъ ученіе, мы не знаемъ. (**)

Этимъ мы оканчиваемъ краткій очеркъ литературной дѣятельности Сумарокова и переходимъ къ предположенному нами обозрѣнію сатирическихъ журналовъ, выходившихъ при жизни нашего писателя.

(*) Сочиненія. Ч. 10 я, стр. 191—223. Объ этой педагогической системѣ Сумарокова распространился нѣсколько Глинка въ московскомъ альманахѣ на 1827 годъ «Незабудочка», стр. 115.

(**) Мы перечислили такимъ образомъ всѣ сочиненія Сумарокова, которыя были напечатаны. Что касается до ненапечатанныхъ сочиненій его, то ихъ очень немного. Кромѣ вѣроятно небольшой статьи его, находившейся въ библіотекѣ Демидова и уже упомянутой нами, по каталогу этой же библіотеки подъ № 344, показана «Челобитная на зятя (Аркадія Бутурлина).» Кромѣ того ненапечатаны: «Доношеніе» его въ Академію Наукъ съ жалобою на цензора своего профессора Попова, и еще одно письмо къ какому-то анатному лицу, касательно дѣла его съ Урусовымъ, выставленное въ витринахъ Императорской Публичной Библіотеки. Думать надобно, что отъ Сумарокова остались безъ всякаго сомнѣнія письма и бумаги, но о существованіи ихъ мы ничего не знаемъ

Изъ нихъ мы увидимъ, что живое содержаніе, внесенное въ нашу литературу Сумароковымъ, не погибло даромъ. Оно нашло вскорѣ продолжателей и оправдателей тѣхъ убѣжденій, которыя Сумароковъ отстаивалъ въ своей литературной жизни, хотя и съ страстнымъ увлеченіемъ, но всегда искренно.

III.

Русская журналистика началась изданіемъ Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія.» Это изданіе, мѣняя названія, продолжалось съ 1755 по 1764 годъ. Программа его заключается въ «предисловіи», написанномъ Миллеромъ, а изъ него видно, что главная цѣль издателя была распространить общеполезныя свѣдѣнія, доступныя всякому образованному человѣку, а потому журналъ ученаго академика заслуживаетъ подробнаго изученія по тому богатству статей историческихъ, этнографическихъ и другихъ, которымъ онъ отличался отъ послѣдующихъ журналовъ. Многія изъ статей «Ежемѣсячныхъ сочиненій» и теперь не утратили цѣны своей по фактамъ, важнымъ для науки, заключающимся въ нихъ.

Но, кромѣ статей ученаго содержанія, въ журналѣ былъ и отдѣлъ беллетристическій; помѣщались стихотворенія Ломоносова, Сумарокова, Тредьяковскаго и другихъ. Стиховъ этихъ было довольно, особенно въ первые годы журнала. Что касается до прозы журнала, то существенное содержаніе ея было нравоученіе, дидактизмъ, который относился къ общимъ чертамъ

нравственности прошлаго вѣка. Подъ довольно замысловатою аллегорическою формою, скрывали тогда поученіе и почти всѣ иностранные журналы, вліяніе которыхъ очевидно отразилось на изданіи Миллера, были проникнуты этимъ сатирическимъ содержаніемъ. Но сатира «Ежемѣсячныхъ сочиненій», по большей части переводная, не имѣетъ оригинальности и домашняго содержанія, которое мы находимъ въ позднѣйшихъ журналахъ. (*)

Въ подражаніе журналу Миллера, въ 1759 году Сумароковъ издавалъ свою «Трудолюбивую Пчелу», но сатира Сумарокова уже перешла отъ общаго содержанія къ болѣе близкому и знакомому. Въ одинъ годъ съ журналомъ Сумарокова и въ слѣдующемъ 1760 году, въ С.-Петербургѣ, при Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ издавался еженедѣльникъ «Праздное время въ пользу употребленное». 4 части, 8°. Изданіе это преимущественно состояло изъ статей переводныхъ, между которыми были переводы даже съ итальянскаго и датскаго. Стиховъ, писанныхъ согласно съ условною формою искусственной поэзіи того вѣка, было довольно и большую часть ихъ въ 1760 году доставлялъ Сумароковъ, избравшій «Праздное время» своимъ органомъ по прекращеніи «Трудолюбивой Пчелы.» Изъ извѣстныхъ болѣе въ послѣдствіи писателей мы находимъ здѣсь одного Семена Порошина, помѣстившаго переводъ съ итальянскаго «Содержаніе мечтательныя игры объ Александрѣ раскаявшемся», 1759 года, Ч. 2-я,

(*) Обозрѣніе «Ежемѣсячныхъ сочиненій можно найти въ статьѣ объ этомъ журналѣ, напечатанной въ «Современникѣ» на 1851 годъ. №№ 1, 2 и 3.

(стр. 159—183.). Сатирическаго направленія въ журналѣ не видно.

Между тѣмъ и въ Москвѣ стали выходить небольшіе журналы, составлявшіеся преимущественно изъ переводныхъ трудовъ воспитанниковъ Московскаго Университета. Между ними, по времени появленія, первымъ журналомъ представляется: Полезное Увеселеніе» 1760, 1761 и 1762 годовъ. Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 8°. Журналъ выходилъ небольшими книжками каждый мѣсяцъ. Вѣроятно Херасковъ, бывшій потомъ Куратором Московскаго Университета и наполнявшій своими стихотворными пьесами и прозаическими статьями книжки журнала, принималъ, какъ начальникъ, дѣятельное участіе въ изданіи, вызывая студентовъ на переводы и стихотворенія. Авторы и подписывались преимущественно студентами; изъ нихъ въ послѣдствіи времени составилъ себѣ извѣстность, какъ переводчикъ, студентъ Яковъ Булгаковъ, самый плодовитый изъ переводчиковъ нашихъ XVIII вѣка, бывшій потомъ посланникомъ нашимъ въ Турціи и посаженный въ Семибашенный замокъ. Денису Фонъ-Визину принадлежитъ здѣсь переводъ статьи, подъ названіемъ «Правосудный Юпитеръ» (*), и вѣроятно это самый первый его переводъ. Между поэтами, участвовавшими въ журналѣ, кромѣ Хераскова и жены его, слѣдуетъ упомянуть о Сумароковѣ, прислалшемъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Богдановичъ печаталъ здѣсь первыя свои сти-

(*) «Полезное Увеселеніе» 1761 года. Стр. 161—178. — Въ томъ же году вышли и «Басни Гольберга», переведенныя Фонъ-Визинымъ.

хотворенія, а Николай Поповскій переводы изъ Горація. Другіе поэты, часто встрѣчающіеся и въ прочихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ прошлаго вѣка, были: В. Майковъ, Андрей Нартовъ, С. и А. Нарышкины, Алексѣй Ржевской, Александръ Карнѣевъ, Павелъ Потемкинъ и Василій Санковскій. Ни сатиры, ни литературной критики не было въ этомъ журналѣ. Какъ образецъ критическихъ воззрѣній журнала, мы приводимъ слѣдующій отзывъ о Сумароковѣ:

«Г. Сумароковъ, великій стихотворецъ, славный трагикъ. Трагедіи его суть: Семира, Синавъ и Труворъ, Хоревъ, Артистона и Димиза. Онъ писалъ нѣсколько похвальныхъ и правоучительныхъ одъ, епистолъ, изъ коихъ двѣ, одна о россійскомъ языкѣ, а другая о стихотворствѣ, особливаго достойны примѣчанія. Басни его пріятны и естественны: эклоги простотой и живостію несравненны: элегіи жалостны: эпиграммы остры.» (*)

Тѣмъ же общимъ и неопредѣленнымъ характеромъ, но вѣроятно удовлетворявшимъ неприхотливыя требованія тогдашнихъ читателей, отличается и журналъ «Свободныя Часы», выходившій въ 1763 году ежемѣсячно, 8°. Онъ издавался также при Московскомъ Университетѣ и вліяніе Хераскова въ немъ очевидно. Этотъ журналъ служилъ какъ бы продолженіемъ «Полезному Увеселенію» и тѣ же самые поэты и прозаики, участвовавшіе въ послѣднемъ, доставляли статьи свои и для «Свободныхъ Часовъ». Но здѣсь сатирическое направленіе начинаетъ появляться нѣсколько яснѣе; по крайней мѣрѣ имъ отзываются статьи подъ назва-

(*) «Полезное Увеселеніе» 1762 года, стр 237.

піемъ «Письма къ Наборщикамъ» (всѣхъ пять), напечатанныя здѣсь. Попадаются также и стихотворенія, направленныя на подъячихъ. Въ этомъ же журналѣ помѣщено письмо Сумарокова къ одному пріятелю, писанное по нѣмецки (*), и нѣсколько его стихотвореній.

Въ томъ же 1763 году и также при Московскомъ Университетѣ издавался помѣсячно журналъ «Невинное Упражненіе.» Составители его не подписали своихъ именъ, о чемъ въ «письмѣ къ читателю» говорятъ, что понудилъ ихъ къ тому вовсе не страхъ критики. Они называютъ себя «молодыми авторами» и вѣроятно они принадлежали къ студентамъ Московскаго Университета. Митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» называетъ издателемъ журнала Богдановича, что и легко можетъ быть. Ему принадлежитъ здѣсь переводъ знаменитой оды Вольтера «На разрушеніе Лиссабона.» (**) Журналъ издавался только полгода и въ Іюнѣ прекратился, «по многимъ неотвратимымъ препятствіямъ и во первыхъ потому, что какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались», какъ сказано въ «письмѣ къ обществу отъ издателей.» Журналъ былъ наполненъ преимущественно стихами всѣхъ возможныхъ формъ и переводами мелкихъ статей.

Ежемѣсячный журналъ «Доброе Намѣреніе» на 1764 годъ принадлежалъ къ той же категоріи и составлялся, по всей вѣроятности, студентами Московскаго Универ-

---

(*) «Свободныя Часы», ч 1-я, стр. 180—191. Переводъ его напечатанъ въ «Собраніи сочиненій» Сумарокова, ч. 9 я, стр. 290—292.

(**) «Невинное Упражненіе» 1763 года. Апрѣль, стр. 173—186.

ситета. Чаще прочихъ подъ незамысловатыми стихами и подъ переводными мелкими статьями встрѣчаются имена студентовъ: Василія Санковскаго, Михайлы Пермскаго и Павла Фонъ-Визина. Изъ болѣе извѣстныхъ въ послѣдствіи писателей мы находимъ здѣсь вѣроятно первые стихи студента Московской Духовной Академіи Василія Петрова и студента Василія Рубана. Есть одна, впрочемъ вовсе не острая, эпиграмма Ѳ. Г. Карина. (*) Журналъ этотъ представляетъ собою дѣтскую попытку молодыхъ людей.

Но гораздо замѣчательнѣе этихъ незначительныхъ московскихъ журналовъ былъ журналъ Іоганна Готфрида Рейхеля, экстраординарнаго профессора исторіи при Московскомъ Университетѣ, выходившій въ 1762 году подъ названіемъ «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія», 4 части въ 8°. Въ Москвѣ у Вавера и Сколарія. Изъ «предисловія», въ которомъ Рейхель говоритъ вообще о пользѣ періодическихъ изданій, видно, что намѣреніе его было «лучшія чужестранныхъ писателей сочиненія сообщать въ періодическихъ листкахъ.» Издатель думаетъ о пользѣ и объ удовольствіи. «Мы будемъ собирать, говоритъ онъ, для всякихъ читателей, а особливо для тѣхъ, которые не имѣютъ склонности къ глубокомысленнымъ разсужденіямъ.» Далѣе онъ говоритъ о физикѣ, экономіи, правоученіи и исторіи, какъ о тѣхъ предметахъ, на которые особенное обратится вниманіе въ журналѣ.

Подобно Хераскову, Рейхель вызывалъ молодыхъ людей, питомцевъ Университета, къ литературной дѣя-

(*) «Доброе Намѣреніе» 1764 года Декабрь. Стр. 533.

тельности. Но здѣсь направленіе было гораздо здоровѣе и практичнѣе: стиховъ вовсе не встрѣчается, а переводныя статьи имѣютъ научную цѣнность. Д. Фонъ-Визину принадлежатъ переводы: 1) Господина Менарда изысканіе о зеркалахъ древнихъ; (*) 2) Торгъ семи Музъ. Изъ Кригеровыхъ сновъ; (**) 3) Разсужденіе о приращеніи рисовальнаго художества (господина Рейтштейна); (***) 4) рѣчь главнаго жреца Мемфиса изъ переведеннаго имъ «Сифа» (****); 5) Господина Ярта разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства. (*****)

Все содержаніе изданія показываетъ, что Рейхель думалъ о насущной пользѣ своихъ читателей, а потому всѣ статьи его имѣютъ полезное примѣненіе. Практичность направленія принесла вѣроятно свою пользу, что можно заключить изъ того, что умный Новиковъ въ 1787 году перепечаталъ изданіе Рейхеля въ своей «Типографіи компаніи типографической», безъ всякихъ прибавленій.

Критики въ журналѣ не было. Одинъ разъ только, извѣщая о появленіи въ свѣтъ перевода романа «Сифъ», сдѣланнаго Д. Фонъ-Визинымъ, Рейхель показалъ участіе къ русской литературѣ. О молодомъ переводчикѣ онъ говоритъ слѣдующее: «о знаніи его въ Нѣмецкомъ языкѣ я весьма увѣренъ; а общество видѣло уже силу его въ Россійскомъ языкѣ, какъ изъ различ-

---

(*) «Собраніе лучшихъ сочиненій» 1762 года. Ч. 1-я, стр. 1—8.
(**) Ibid. Стр. 74—83.
(***) Ibid. Ч 2-я, стр. 181—213.
(****) Ibid. Ч. 3-я, стр. 88—93. (2-е изд.).
(*****) Ibid. Ч. 3 я, стр. 100—119. (2-е изд.).

пыхъ опытовъ, такъ и изъ басенъ Голберга. Можетъ быть переведенныя имъ на Россійскій языкъ Овидіевы превращенія, будутъ большимъ еще доказательствомъ его способности. Но я какъ чужестранецъ, примѣчая все то, что можетъ приводить въ совершенство хорошей вкусъ народовъ, науки дѣлать болѣе общими и поощрять молодыхъ и способныхъ людей слѣдовать добрымъ примѣрамъ, радуюсь сердечно, когда полезнѣйшія книги становятся общими, и подаютъ читателямъ наставленіе на ихъ природномъ языкѣ, а особливо, когда распространяютъ они науки и добродѣтель.»

Но вся эта журналистика не имѣла опредѣленнаго, общаго характера и не имѣла ничего оригинальнаго. Кромѣ первыхъ попытокъ въ критическомъ и библіографическомъ родѣ въ изданіи Миллера, здѣсь не было собственно литературной критики. Она, въ связи съ сатирою, начинается съ 1769 года, когда, въ слѣдъ за первымъ журналомъ «Всякою Всячиною», явилась цѣлая семья журналовъ съ однимъ, ясно выдающимся направленіемъ. Этотъ періодъ русской журналистики представляетъ много любопытныхъ данныхъ для изученія, а по своему тѣсному отношенію къ произведеніямъ Сумарокова долженъ итти въ слѣдъ за опредѣленіемъ его литературной дѣятельности.

Журналы, современные Сумарокову (1769—1774), сохранившіе въ литературѣ его направленіе, идутъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ и согласно съ нимъ здѣсь разсмотрѣны:

Всякая Всячина.
Трутень.

Смѣсь.
Адская Почта.
Полезное съ пріятнымъ.
И то и сіо.
Ни то ни сіо.
Поденьщина.
Парнасскій и Щепетильникъ.
Трудолюбивый Муравей.
Живописецъ.
Вечера.
Кошелекъ.

I. Всякая Всячина, журналъ на 1769 годъ. Печатанъ безъ заглавнаго листка, на которомъ былъ бы означенъ годъ и мѣсто появленія. На первомъ листкѣ, подъ названіемъ изданія, находятся только слѣдующія слова: «*симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующія впредь изволь покупать.*» (*) Вѣроятно этотъ первый листокъ розданъ былъ даромъ, чтобъ заохотить читателей и будущихъ подписчиковъ. Въ немъ заключается: *Поздравленіе съ новымъ годомъ*, обращеніе *ко читателю* и *господжь публикѣ краткое привѣтствіе*. «Всякая Всячина» выходила цѣлый годъ нумерами, въ четыре печатныя странички въ 8°. Нумерація ея, кромѣ страницъ, шла по различнымъ статьямъ, находящимся въ каждомъ нумерѣ. Такихъ статей въ журналѣ 150, на

(*) При выпискахъ изъ журналовъ мы будемъ сохранять собственную ихъ орѳографію, чего мы не наблюдали, дѣлая выписки изъ сочиненій Сумарокова, такъ какъ орѳографія сего послѣдняго принадлежитъ большею частію издателю его — Новикову.

408 страницахъ. Въ 1770 году такъ какъ «Всякая Всячина» еще снабдѣна была нѣкоторымъ припасомъ, то она выдавала продолженіе подъ названіемъ «Барышка». Статьи тянулись по прежнему счисленію до 176, а страницы до 552. «Всякая Всячина» выходила каждую пятницу въ Академіи Наукъ и каждый нумеръ ея стоилъ полторы копѣйки.

«Всякая Всячина» былъ первымъ или старѣйшимъ нашимъ сатирическимъ журналомъ, потому что явилась прежде всѣхъ. «Всякая Всячина всегда съ нами пребывала, говоритъ издатель въ поздравленіи, но ни который годъ не могъ похвалиться, имѣть оную напечатанную.» Издатель какъ будто предчувствовалъ, что его журналъ вызоветъ за собою рядъ подражателей. Онъ говоритъ далѣе въ той же статьѣ: «Я вижу, что за нею послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти: будутъ и уроды ея мѣсто со временемъ заступать. Но вижу сквозь облака добрый вкусъ и здравое разсужденіе, кои одною рукою прогоняютъ дурачества и вздоры, а другою доброе поколѣніе всякія всячины за руку ведутъ.» «Всякая Всячина» была слѣдовательно примѣромъ, а потому-то другіе журналы называли ее *бабушкою* и *старшиною*, часто обращались къ ней даже съ почтеніемъ, иногда и ироническимъ.

«Всякую Всячину», по словамъ Митрополита Евгенія, приписывали, а Макаровъ, въ статьѣ своей объ этомъ журналѣ (*), прямо приписываетъ Григорію Васильевичу Козицкому, бывшему сначала переводчикомъ при Академіи Наукъ, потомъ въ ней же лекторомъ философіи и словесныхъ наукъ, адъюнктомъ и почет-

(*) «Отеч. Зап.» 1839. № 4 Смѣсь. (Стр. 22—30.)

нымъ совѣтникомъ, а въ послѣдствіи времени статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II. Въ этой должности онъ перевелъ на латинскій языкъ «Наказъ Коммиссіи.» Козицкій извѣстенъ вообще въ нашей литературѣ прошлаго вѣка, какъ переводчикъ преимущественно съ классическихъ языковъ и какъ знатокъ древности. Въ 1759 году въ «Трудолюбивой Пчелѣ», журналѣ Сумарокова, напечатана статья его «о пользѣ миѳологіи», неизвѣстно на сколько самостоятельная (стр. 5—33). Тамъ же *переведы съ греческаго:* 1) надгробной пѣсни Адонису — Біона (стр. 122—127), 2) четырехъ разговоровъ Лукіана въ царствѣ мертвыхъ (стр. 161—171), 3) его же — торгъ жизней (стр. 326—353), 4) изъ Ксенофонта: Продикова аллигорія объ Ираклiѣ (392—399), 5) Димофила врачеваніе житія или подобія, собранныя изъ Пиѳагоровыхъ послѣдователей (стр. 419—426), 6) три идиллiи Біона и одна идиллія Моска (стр. 432—436), 7) оставшіяся двѣ оды Сапфоны (стр. 676—678), 8) Эсхина сократическаго философа разговоръ о добродѣтели (стр. 722—733). Съ *латинскаго* Козицкій перевелъ: 1) Изъ Овидіевыхъ превращеній баснь о Пирамѣ и Онсбѣ (стр. 212—218), Онвъ и Дафна (стр. 524—531), Скилла или безбожное предательство (стр. 650—658), его же героиду: Филлида Димофонту (стр. 515—524), 2) два отрывка изъ Луканової Фарсаліи (стр. 671—676) и 3) отрывокъ изъ 2-й книги Ливія (стр. 734—738). Кромѣ того въ этомъ же журналѣ есть переводъ Козицкаго и съ *нѣмецкаго* небольшой статьи Свифта, подъ названіемъ: «Краткое изображеніе о естествѣ, пользѣ и необходимой потребности войны и ссоръ» (стр. 571—574). Изъ перечисленія этихъ переводовъ можно видѣть, что Козицкій

былъ главнымъ, хотя и не оригинальнымъ сотрудникомъ Сумароковскаго журнала. Сумароковъ всегда обращался съ особеннымъ почтеніемъ къ Козицкому, соединяя съ нимъ вмѣстѣ имя другого переводчика академическаго Мотониса. Въ одной изъ притчей своихъ, разсказывая, что правоученіе не можетъ исправить злобныхъ сердецъ, онъ обращается за подтвержденіемъ этой истины къ Козицкому (*); надъ людьми, искажающими свой языкъ, *онъ смѣется съ Козицкимъ* и Мотонисомъ. (**) Доказывая грамматическую ошибку Ломоносова, превращавшаго предлогъ *раз*, въ сложныхъ словахъ въ *рас*, Сумароковъ говоритъ: «Я думаю, что г. Козицкій и г. Мотонисъ сему странному правилу никогда не послѣдуютъ.» (***) Вообще Сумароковъ въ чистотѣ слога часто ссылался на авторитетъ Козицкаго, а извѣстно, что Сумароковъ не любилъ авторитетовъ. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что Козицкій въ свое время былъ дѣйствительно знатокомъ языка русскаго и по этому по всѣмъ правамъ заслуживалъ такого уваженія?

Козицкій, какъ человѣкъ опытный въ литературѣ, товарищъ въ дѣятельности Сумарокову, смотрѣвшій на жизнь и общество его глазами, легко могъ быть издателемъ такого журнала, какъ «Всякая Всячина», хотя онъ и приписывается ему по преданію, безъ всякихъ положительныхъ фактовъ и свидѣтельствъ. Изъ самаго журнала нельзя сдѣлать этого заключенія прямо. Изъ него напротивъ того—а онъ былъ гораздо бо-

---

(*) Сочиненія. Ч. 7-я, стр. 162.

(**) Ibid., стр. 163

(***) Сочиненія. Ч. 10-я, стр. 14.

лѣе анонименъ, нежели всѣ другіе сатирическіе журналы наши — можно заключить, что онъ издавался небольшимъ обществомъ людей образованныхъ и по преимуществу свѣтскихъ. Его легкій тонъ, примирительный взглядъ на осмѣиваемые пороки, множество случаевъ, которые могли быть подмѣчены только въ обществѣ, доказываютъ это. Насмѣшка далека отъ догматизма; въ ней нѣтъ этого жгучаго и ѣдкаго содержанія, которымъ отличается «Трутень» напримѣръ, и она болѣе скользитъ по поверхности, не увлекаясь страстно, не проникая въ глубь разбираемаго предмета, но за то умѣя подмѣчать легкія, ежедневныя, исчезающія черты и смѣшныя стороны, которыя уйдутъ отъ вниманія строгаго моралиста.

Если нравы эпохи и содержаніе быта общественнаго можно изучать въ литературѣ, если эта литература тѣмъ болѣе имѣетъ достоинства, чѣмъ наивнѣе и проще, безъ скрытой морали и заданной мысли, выражается въ ней общественность, то въ этомъ отношеніи «Всякая Всячина» заслуживаетъ вполнѣ наше вниманіе. Это журналъ, въ которомъ со всѣхъ сторонъ подымается передъ нами наша старина.

Изъ кого же состояло это общество издателей журнала? По словамъ, вѣроятно главнаго издателя, онъ хочетъ со временемъ объявить имена ихъ, но это не было сдѣлано. Издатель очерчиваетъ лица своихъ сотрудниковъ только общими красками (стр. 9 и стр. 23), нисколько не опредѣляя ихъ положительно.

Эти сотрудники подписывались выдуманными именами. Одинъ разъ впрочемъ встрѣчаются буквы И. Е. (можетъ быть Иванъ Елагинъ), подъ статьею: «Рѣшеніе честнаго человѣка на вопросы предложенные во

Всякой Всячинѣ» (стр. 255). Другой разъ подпись Б., но кому она принадлежитъ — неизвѣстно (стр. 439). Есть и еще неизвѣстная подпись: А. Ш. (стр. 462); подъ однимъ переводомъ съ французскаго въ «Барышкѣ» (стр. 480) есть подпись А. Л. Ее можно отнести къ Аѳанасію Лобысѣвичу, печатавшему переводы свои въ журналѣ Сумарокова и издавшему довольное количество одъ. Въ «Барышкѣ» журналъ еще разъ упоминаетъ о четырехъ главныхъ своихъ сотрудникахъ, но ихъ изображеніе касается только наружности и не прибавляетъ ничего (462—464).

Опредѣленнаго плана изданія у «Всякой Всячины» не было, да и не могло быть. Рубрикъ, которыя мы находимъ въ современныхъ намъ изданіяхъ, она не знала. Конечно въ журналѣ Миллера было и то и другое, но журналъ ученаго академика не былъ прототипомъ сатирическихъ изданій. «Всякая Всячина» хотѣла только писать, хотѣла только печатать; ни о матеріалахъ, ни о предметѣ ей не нужно было хлопотать много. Стоило смотрѣть сатирическими глазами и летучіе листки журнала составлялись сами собою. Но значеніе журнала, какъ выраженіе того, что дѣлалось въ обществѣ, было присуще издателямъ. Это видно изъ словъ ихъ о книгопечатаніи и о высокомъ значеніи его для человѣчества и просвѣщенія (стр. 117—118). Журналъ искалъ себѣ пищи въ обществѣ, въ городѣ, словомъ вездѣ въ жизни, которая въ ту эпоху должна была быть довольно разнообразна. «Всякая Всячина», подобно современнымъ иностраннымъ газетамъ, отправила своихъ корреспондентовъ и въ другую столицу, т. е. въ Москву. «Нѣтъ гулянья, празднества, или иныхъ народныхъ собраній, гдѣ бы мы не имѣли

глазъ и ушей для иманія во плѣнъ всего того, что можетъ подать намъ поводъ къ разсужденію и къ разнымъ описаніямъ обращеній вѣка нашего (стр. 249).» Издатели не хотятъ даже щадить самихъ себя, чтобъ «покориться истинѣ и подать примѣръ безпристрастія собою.» — «Спуску не будетъ всему тому, говорятъ они, что попадется подъ перо наше, до тѣхъ временъ, пока перья, а можетъ быть и умы наши, не притупятся (стр. 23).» Но главное правило, которымъ руководствовалась «Всякая Всячина», было *«не цѣлить на особъ, но единственно на пороки»* (стр. 134), чѣмъ она рѣзко отличается отъ «Трутня», старавшагося *о личной критикѣ*. Критическія письма и разныя нападенія на сочинителей устраняетъ она также, «для того, что публикѣ не весело бы было слушать или читать ссоры и споры между сочинителями и издателями (стр. 128).» Издатели журнала помѣщали въ немъ и переводы, которыхъ впрочемъ мало въ самомъ журналѣ, тогда какъ въ «Барышкѣ» ихъ довольно. Видно, что согласно словамъ своимъ, «что почти всѣ переводы здѣсь внесенные слабѣе настоящихъ сочиненій (стр. 295),» они откладывали ихъ до конца и помѣстили тогда, когда запасъ оригинальныхъ статей истощился. «Spectator» Аддисона, или какъ называли его наши журналы того времени — Англійскій Смотритель, образецъ большей части ихъ, считается и здѣсь образцемъ. Издатели неуклонно слѣдовали своему слову — выдавать листки «Всякой Всячины» каждую пятницу. Они дали слово (стр. 48) продолжать такимъ образомъ цѣлый годъ и сдержали его. Журналъ былъ доведенъ до конца года, а избытокъ матеріала позволилъ еще въ слѣдующемъ году издавать «Барышекъ,» разумѣется

по той же цѣли. Отъ предназначенной цѣли журналъ не отклонялся и вотъ почему издатели его имѣли право сказать, что будущій критикъ выроетъ его качества и отдастъ ему справедливость. Дѣйствительно критикъ можетъ сказать теперь объ немъ его же словами: «Его разсужденія, не смотря на состарѣвшійся языкъ и темныя выраженія вѣка, въ которомъ сочинитель жилъ, мы довольно разумѣемъ, чтобъ видѣть какія были забавы и нравы у Россійскаго народа.... Во всѣхъ сихъ случаяхъ (т. е. картинахъ, нарисованныхъ перомъ журналиста) и другихъ подобныхъ есть нѣкоторое отношеніе къ тогдашнимъ обычаямъ, отъ коихъ не осталось ни единой черты (стр. 399—400).» Издатель думаетъ, что конецъ разсужденія нынѣшняго критика будетъ въ пользу журнала и онъ не ошибся.

Что касается до отношенія публики къ журналу, то изъ «Всякой Всячины» легко можно видѣть, что онъ принятъ былъ съ радостію.

Что же занимало читателей журнала въ самомъ журналѣ? Это была *критика нравовъ* и изображеніе ихъ красками живыми, всѣмъ понятными, съ небольшою примѣсью насмѣшки. Направленіе и ученіе «Всякой Всячины» отличалось снисхожденіемъ. Для нея критика, которая «пялитъ на особы», была дурною и злою шуткою. «Она задираетъ порочнаго, а не пороки, писателя, а не сочиненія (стр. 101).» Вотъ почему картины нравовъ, изображенныя «Всякою Всячиною», не имѣютъ тѣхъ рѣзкихъ красокъ, какія находимъ мы въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ», но за то, написанныя безъ задней мысли, онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего лишняго и преувеличеннаго, какъ напр. въ «Отрывкѣ

изъ путешествія», напечатанномъ во 2-й части «Живописца». Сатира «Великой Величины» руководствовалась по видимому слѣдующими правилами: «1) Никогда не называть слабости порокомъ. 2) Хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе. 3) Не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было, и для того 4) Просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія (стр. 142)». Эти умѣренныя правила перваго нашего сатирическаго журнала ввели его, какъ увидимъ ниже, въ полемику съ «Трутнемъ». Но они ручательство намъ, что въ сатирѣ «Великой Величины» и изображеніяхъ ея, нѣтъ ничего преувеличеннаго и тѣмъ болѣе они имѣютъ цѣны для насъ.

А изображенія современныхъ нравовъ, эти небольшія tableaux de genre журнала въ самомъ дѣлѣ замѣчательны и въ нихъ исчезнувшій бытъ возстаетъ вполнѣ и ярко передъ глазами нашими. Въ нихъ-то собственно и заключается все содержаніе журнала, важное для исторіи общества. Такихъ картинъ множество разбросано въ книгѣ и многія изъ нихъ отличаются особенною художественною отдѣлкою и оконченностію. Все это изображенія типовъ, которые просятся въ комедію, и надобно замѣтить, что журналы наши задолго до комедіи умѣли подмѣтить эти народныя комическія лица съ удивительнымъ тактомъ и гораздо большею полнотою, нежели комедія. Талантъ Фонъ-Визина для того, кто знакомъ съ старою журнальною литературою нашею, много теряетъ своего, всѣми безусловно признаннаго блеска и значенія. Комедія его, представляя лица и характеры, уже знакомые намъ изъ журналовъ, какъ бы уступаетъ передъ этими жизнію дышащими, полными и яркими образами быта, выставленными

сатирическими журналами. Картина воспитанія (стр. 241—245) очень напоминаетъ намъ и нѣкоторыя сцены и весь характеръ воспитанія Недоросля. Смѣшныя стороны общества преслѣдовались и осмѣивались съ особенною энергіею и особеннымъ сатирическимъ умѣньемъ. Суевѣріе (или какъ авторъ называетъ, употребляя польское слово — *забобоны*) подвергалось сильной насмѣшкѣ. Оно составляло тогда одну изъ печальныхъ сторонъ общества, вызывавшую сильное осужденіе со стороны журналовъ (стр. 17—21).

Народность въ журналѣ является во многихъ мѣстахъ. Въ *платьѣ* издатель хочетъ народной одежды, но его требованія умѣренны. Онъ хочетъ примирить русское съ иностраннымъ (стр. 201—203). Главнымъ условіемъ театра русскаго полагаетъ онъ народность: «ибо Маркизъ на Русскомъ театрѣ уши деретъ, а ко свадебному контраку тетушка моя и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться: незнакомые же гости не столь забавны какъ знакомые». Любопытно русское опредѣленіе значенія слова *добродѣтель* (стр. 465).

Содержаніе «Всякой Всячины» было довольно полно и широко и много сторонъ современнаго русскаго быта входило въ нее. На все казалось обращалъ вниманіе свое издатель и такой журналъ, въ которомъ общество узнавало себя и читало легкія моральныя наставленія, былъ совершенно по плечу ему. Этому особенно помогала эпистолярная форма, гдѣ послѣ сатирическаго содержанія, легко и ловко изложеннаго въ письмѣ, слѣдовала мораль. Первая часть писемъ всегда имѣла больше достоинства и значенія. Науч-

ный журналъ не имѣлъ бы такого значенія и не принесъ бы большой пользы. Наука была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ Академіи и Московскомъ Университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по русски. Къ тому же сатира журналовъ была современнымъ и отраднымъ явленіемъ. Бытіе ея показывало, что общество начинаетъ сознавать себя, что въ немъ, послѣ переходной эпохи, начинается иная жизнь, полная духовныхъ и нравственныхъ стремленій. Это было прекрасное время, вызванное преобразованіями Екатерины, въ началѣ ея царствованія. Поэтому-то Сумароковъ, посылая къ издателю журнала свою «Надпись къ статуѣ Государя Петра Великаго», (стр. 138), имѣлъ полное право сказать съ сознаніемъ, въ концѣ ея:

Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина — душу.

Современная литература вызывала конечно выходки «Всякой Всячины», но онѣ не значительны и не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что дѣлалось тогда въ литературномъ мірѣ, внѣ журнальнаго круга, поглощавшаго дѣятельность многихъ писателей. Говоря о писателяхъ журналовъ вообще, неизвѣстный авторъ прибавляетъ: «нынѣча въ томъ мода; а этакихъ у насъ много, какъ собакъ, и до Москвы не перевѣшаешь» (стр. 81). Впрочемъ издатель журнала, снисходительный во многихъ отношеніяхъ, хочетъ и критики легкой. — «Въ теперешнемъ положеніи наукъ у насъ, мы думаемъ, что гораздо нужнѣе поощреніе сочинителямъ, переводчикамъ и молодымъ людямъ, кои по-

священнодѣйствуютъ себя наукамъ, нежели строгая критика (стр. 46).» Кто-то нападаетъ въ журналѣ на Тредьяковскаго, называя «Тилемахиду» его скучною и непонятною и совѣтуя стихи ея и Аргениды читать отъ безсонницы (стр. 31). Другой однакожь защищаетъ Тредьяковскаго и ставитъ ему въ заслугу многотомные его переводы (стр. 110). Фенелонъ, по словамъ журнала, также обезображенъ въ «Тилемахидѣ», какъ и г. Колле въ переведенной его комедіи «Depuis et Deronnais». Она названа по русски «Тесть и Зять». Журналъ смѣется надъ этою передѣлкою на русскіе нравы и эта современная критика довольно любопытна (стр. 44). Переводъ комедіи «Тесть и Зять» принадлежитъ Лукину и напечатанъ въ С. Петербургѣ 1768. 12°. Какой-то неизвѣстный намъ старикъ поэтъ обрисованъ въ журналѣ «великимъ забіякою» (стр. 178).

По отношенію къ другимъ журналамъ, «Всякая Всячина» считала себя родоначальницею, потому что всѣ они въ 1769 году явились послѣ нея. Ѳ. Эминъ, издатель «Адской Почты», журнала того же года, посвящая свое изданіе «Всякой Всячинѣ» выражается такъ: «Въ честь вашу долженъ я сказать, что для меня вы нѣчто чрезвычайное потому, что отъ всѣхъ двѣнадцати іудейскихъ древнихъ колѣнъ въ толь краткое время не произошло столько племени, сколько родилось отъ вашего. Бѣсы мои вамъ же должествуютъ своимъ рожденіемъ, ибо безъ васъ и ихъ бы не было.» Да и «Всякая Всячина» полна также этимъ сознаніемъ. «Мимоходомъ дадимъ примѣтить читателю, говоритъ она, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблоковъ еще не было ничего такъ плодовитаго, какъ потомство Всякія Всячины (стр. 105).»

Она, по отношенію къ потомству своему, принимаетъ тонъ родственной ласки и покровительства: «мы же съ улыбкою и приязнію, говоритъ издатель, смотримъ изъ далека на дѣтей и внучатъ нашихъ. На сколько они на насъ похожи будутъ, о томъ не намъ судить (стр. 156).»

Но между этимъ потомствомъ «Всякой Всячины» и ею происходила иногда порядочная вражда. Напрасно какой-то Куриловъ проситъ издателя учить своихъ дѣтей, т. е. другіе журналы (стр. 224), а другой проситъ примирить *эту непріличную междоусобною ссору* и обращается къ издателю «Всякой Всячины», чтобъ онъ, «какъ первой производитель еженедѣльно пріятнаго удовольствія», постарался согласить ихъ, предписавъ имъ за правило хранить между собою ненарушимую дружбу и вѣчное согласіе (стр. 97), борьба эта возникла и продолжалась. Всего непріязненнѣе относилась «Всякая Всячина» къ «Трутню.» Но причины этой непріязни заключались въ направленіи и въ особомъ воззрѣніи на сатиру. Онѣ были довольно важны и каждый журналъ горячо и упорно отстаивалъ свое мнѣніе. Изъ полемики съ «Трутнемъ» видно, что «Всякая Всячина» отличалась умѣренностію своего направленія.

Журналъ Рубана того же года «Ни то ни сіо» вызываетъ ироническія ласки «Всякой Всячины» (стр. 73). Она называетъ его *милымъ внучкомъ*, считая его лучше *переворожденнаго сына своего* (вѣроятно «И то и сіо»), который *былъ мало благодаренъ родительницѣ своей*, «не упоминая о прочихъ многихъ его поступкахъ противу матери.... Съ молода онъ не обѣщалъ много соотвѣтствовать надеждѣ объ немъ родительской. Внучекъ же, напротивъ того, со дня рожденія показался почти-

теленъ и ласковъ и тѣмъ утвердилъ искреннюю къ нему любовь прародительницы, коя взираетъ на него, какъ на подпору рода ея и утѣшеніе во старости. Бабушкѣ внукъ жить одинъ годъ. (стр. 74).» Впрочемъ, не смотря на родственную любовь, бабушка эта и бранитъ своего внучка (стр. 77—79).

Кромѣ оригинальныхъ сочиненій, какъ я сказалъ уже, во «Всякой Всячинѣ», или «Барышкѣ» ея были и переводы. — Они кромѣ небольшихъ нравственнаго содержанія статеекъ (стр. 414—418) и «Слова Господина Президента де Монтескіеу», говореннаго имъ 1728 года, Января 24-го, за избраніе его членомъ въ академію французскую на мѣсто умершаго де-Саси (стр. 475—480), переведенныхъ съ французскаго, всѣ сдѣланы съ языковъ древнихъ. Вотъ ихъ исчисленіе: 1) Отрывокъ изъ превращеній Овидія (стр. 483—485); 2) Двѣ пѣсни Анакреона — стихами (стр. 487); 3) два отрывка изъ Тита Ливія (стр. 489—499); 4) Письмо Плиній Младшаго къ Тациту о смерти дяди его, Плинія Старшаго, во время извержения Везувія въ 79 г. (стр. 499—506); 5) Примѣры храбрости изъ Валерія Максима (стр. 506—534), и 6) отрывки изъ Эліана (стр. 537—550).

II. Трутень, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ, мѣсяцъ Май. Съ эпиграфомъ:

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.

(Сумароковъ. XLIII притча, 1 кн.) Спб. 12°. 284 стр. Посвященъ «Его Высокопревосходительству Генералу

Порутчику Льву Александровичу Парышкину.» Съ Мая по 29 Декабря 1769 вышло 36 листовъ, или еженедѣльныхъ нумеровъ; послѣдній только въ двѣ страницы, а всѣ въ четыре. «Трутень» продолжался также и въ 1770 году и тогда же вышелъ *вторымъ* тисненіемъ. На заглавномъ листкѣ грубое изображеніе сатира. Эпиграфъ изъ Сумарокова другой:

Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумствъ много.

Посвященъ онъ былъ оберъ-прокурору Правительствующаго Сената Всеволоду Алексѣевичу Всеволодскому. Съ 5-го Генваря по 27 Апрѣля вышло 17 листовъ (въ 4 страницы, всего 136 стр.), такъ что оба года составляютъ цѣлый журнальный годъ. «Трутень» 1769 года вышелъ тогда же вторымъ изданіемъ.

Журналъ этотъ принадлежитъ Новикову, хотя самъ издатель, рѣдко упоминая о себѣ, называется скромно только «издателемъ Трутня», но принадлежимость Новикову его вполнѣ доказывается тѣмъ, что большая часть его сатирическаго содержанія вошла потомъ безъ всякаго измѣненія въ «Живописецъ», журналъ достовѣрно Новиковскій, выходившій въ 1772 году и носившій на заглавномъ листкѣ своемъ вензель его, или главныя буквы имени и фамиліи его.

Въ предисловіи къ первому году «Трутня» можно найти любопытныя черты, если не для біографіи Новикова, то для исторіи внутренняго его развитія, для исторіи его взгляда на жизнь и общество. Это отрывокъ изъ его автобіографіи, въ которой только нѣтъ положительныхъ фактовъ, чиселъ и именъ, но одни темныя указанія, любопытныя для изслѣдователя рус-

ской литературы того времени и характеризующія ея общественное значеніе. Въ предисловіи же говорится и о цѣли и характерѣ изданія.

«Думалъ иногда, говоритъ издатель, услужить какимъ нибудь полезнымъ сочиненіемъ; но воспитаніе мое и душевныя дарованія положили тому непреоборимыя препоны. Наконецъ вспало на умъ, чтобы хотя *изданіемъ чужихъ трудовъ* (*) принесть пользу моимъ согражданамъ. И такъ вознамѣрился издавать въ семъ году еженедѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ *Трутня*, что согласно съ моимъ порокомъ (лѣнью) и намѣреніемъ: *ибо самъ я, кромѣ сего предисловія, писать буду очень мало.*» (**)

Сатирическое направленіе журнала, относящееся рѣзкимъ образомъ къ порокамъ того общества, открывается съ первыхъ страницъ.

Много мѣстъ въ «Трутнѣ», первомъ и самомъ замѣчательномъ журналѣ Новикова, потому что въ немъ заключенъ не только зародышъ, но и существенныя, развитыя основанія сатиры, направляемой на нравы своего времени, заслуживаютъ вполнѣ вниманія. Это

(*) Изданіе чужихъ трудовъ составляло всегда главную мысль литературной жизни Новикова, и этимъ оказалъ онъ незабвенныя услуги отечественной словесности.

(**) Много ли писалъ самъ Новиковъ въ своихъ журналахъ, какъ и другіе издатели ихъ, рѣшить очень трудно. Надобно впрочемъ полагать съ большою вѣроятностію, что кромѣ небольшихъ статей, подписанныхъ заглавными буквами, загадочными большею частію для позднаго послѣдователя старинной литературы, остальное было писано ими самими. Эту мысль оправдываетъ и общій тонъ изложенія, развиваемый по одному главному направленію и идеѣ, и отношенія между редакторами и сотрудниками, которыя не могли быть положительно установлены, и самая рѣдкость таланта писать.

факты общества того времени, взятые журналистомъ прямо изъ живой дѣйствительности. Картины, нарисованныя здѣсь, понятны всякому и сами говорятъ за себя. Послѣдующая литература, увлекаясь идеальными типами, занесенными Богъ знаетъ откуда, забывала то, что близко къ землѣ, что окружало со всѣхъ сторонъ русскаго человѣка. Старые же журналы наши сознательнѣе и ближе относились къ дѣйствительности и умѣли изобразить много сторонъ въ жизни нашихъ предковъ. Вотъ почему и историкъ литературы и историкъ общества и нравовъ будутъ черпать съ глубокою благодарностію изъ старыхъ журналовъ, умѣвшихъ отразить въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, все то, что было вокругъ. Новиковъ съ своимъ «Трутнемъ» идетъ въ главѣ этого сатирическаго направленія и его журналу мы приписываемъ самое видное мѣсто въ ряду другихъ.

Въ «Трутнѣ» 1770 года сатирическихъ выходокъ попадается уже гораздо меньше; притомъ онѣ не имѣютъ той рѣзкости, смѣлости и яркости, которыми отличается этотъ журналъ 1769 года. Но и здѣсь можно указать на многія мѣста, относящіяся напримѣръ къ лѣдничеству и другимъ порокамъ, развившимся въ слѣдствіе его. Знаменитый Наказъ Коммиссіи Екатерины В., которую издатель «Трутня» называетъ «сіяющей истиной на престолѣ» («Трутень» 1770 года, листъ 1-й, стр. 5), вызывалъ и оправдывалъ эти нападенія. Они выражали собою то, что думали государственные люди, окружавшіе престолъ Императрицы, о чемъ гадали писатели, принадлежавшіе разумѣется къ лучшей, благороднѣйшей и развитой части общества, и чѣмъ руководствовалась эта лучшая часть обще-

ства, воспитанная въ свѣтѣ новыхъ понятій, разливаемомъ щедрою рукою Императрицы.

Невѣжество и ложное просвѣщеніе, составлявшія главныя условія переходнаго быта, преслѣдовались ожесточенно и всѣми возможными средствами, въ крупныхъ и яркихъ образахъ, въ «Трутнѣ.» Нападая на переходные нравы и на страсть заимствовать безъ разбора чужое, страсть, столь развитую въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ было много смѣшныхъ сторонъ, зависящихъ отъ страстнаго стремленія къ манящей новинкѣ, выказывавшейся блестящею, но часто ложною стороною своею, издатель не забывалъ также и тѣхъ, которые жили въ мракѣ нелюбви къ просвѣщенію, не двигаясь общимъ ходомъ развитія и не помогая плодовъ его. Рядомъ съ большими и болѣе рельефными картинами, въ «Трутнѣ» на каждомъ шагу разбросано множество мелкихъ, небольшихъ картинъ и изображеній тогдашнихъ нравовъ и пороковъ. Издатель впрочемъ психологически-тонко умѣетъ отличить порокъ, какъ произведеніе историческаго развитія общества, отъ порока, составляющаго условіе вообще слабой природы человѣка. Къ первому онъ гораздо неумолимѣе, потому что легче сатирику исправить его и направить въ лучшую сторону, нежели второй. Сатира тогда только и имѣетъ высокое значеніе, когда относится къ общественнымъ порокамъ. Тутъ уже къ достоинству моралиста, глубоко чувствующаго недостатки человѣческой природы, присоединяется сознаніе земной, ощутительной истины и прекрасное чувство народности. Вотъ причина, почему такія сатиры не умираютъ и писателю, изучающему бытъ народный въ его историческомъ развитіи, приноситъ

огромный матеріалъ свѣдѣній и фактовъ, изъ котораго есть что выбрать. Вотъ почему сатирическіе журналы наши вообще и въ особенности журналы Новикова имѣютъ такое важное значеніе въ исторіи нашей литературы, особенно, если мы вспомнимъ, какое близкое отношеніе имѣлъ къ нимъ Фонъ-Визинъ и что они главнымъ образомъ воспитали талантъ его.

Понятіе издателя «Трутня» о сатирѣ, ея содержаніи и достоинствѣ легко можно видѣть изъ письма къ нему какого-то, вѣроятно мнимаго, г. *Правдулюбова*. Этимъ письмомъ начинается полемика съ современнымъ журналомъ Козицкаго «Всякою Всячиною», по вопросу, какъ должно смотрѣть на человѣческіе слабости и пороки. Надобно замѣтить, что тонъ «Всякой Всячины» гораздо мягче: ея ученіе заключается въ томъ, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять ихъ. «Всякая Всячина» представляетъ примирительный взглядъ, въ противоположность рѣзкому, охуждающему тону «Трутня» (1769 года, стр. 35).

Легко, однакожь, видѣть, какъ шатко и несознательно было основаніе *общественной критики* «Трутня»; но, обвиняя въ этомъ, нельзя забывать и времени. Все дѣло заключалось въ самой критикѣ: въ этомъ отношеніи она была сознательна и знала, къ чему относится; пріемы же ея были и незрѣлы и нерѣшительны. Сознанія, обдуманности и яснаго понятія о критикѣ нельзя было и требовать. Она была полна страсти и увлеченія и въ этомъ пылу работы шла впередъ, не оглядываясь, не давая себѣ отчета. Сатира, по общему ученію издателя, заключаетъ въ себѣ три пользы: «перьвая—таковыя описанія порочныхъ поступокъ, или сатиры на порочныхъ есть зеркало всѣмъ достойнымъ

осмѣянія лицамъ; вторая, такихъ сатиръ чтеніе приноситъ удовольствіе добродѣтельнымъ гражданамъ, ибо они видя порочныхъ критикуемыхъ, надъ оными превозносятся мысленно, не пышными титлами и богатствомъ, но добродѣтельными поступками; третія, приноситъ небольшую, но однакожъ безгрѣшную прибыль сочинителямъ» (ibid., стр. 225). Въ этомъ заключается все ученіе журнала о сатирѣ и все нравственное стремленіе его. По видимому оно было не велико, но приносило свои плоды.

А что приносило оно плоды свои и журналъ читался съ жадностію современною публикою, можно видѣть изъ того, что уже въ половинѣ года вышло его второе изданіе. На каждомъ шагу, по страницамъ журнала, можно видѣть, что общество принимало въ себя сатирическое содержаніе его. О томъ, какъ оно принимало — вопросъ другой и отвѣтъ на него довольно труденъ.

Что читатели вообще много интересовались журналомъ, доказательствомъ могутъ служить многія письма къ издателю и нападенія на него за то, что «Трутень» 1770 года измѣнилъ совершенно свой характеръ и не отличается прежнимъ остроуміемъ и прежнею ѣдкостію сатиры (1770 года, стр. 102—107.) Читатели были совершенно правы: журналъ видимо падалъ, измѣнивъ прежній характеръ свой. Точно другое лице писало статьи его: такъ мало видно въ «Трутнѣ» 1770 года прежней сатиры и прежняго мѣткаго, прекраснаго языка, достойнаго Фонъ-Визина. Хотя издатель и оправдывается и приводитъ причины, но всѣ онѣ слабы. Причины такого рѣшительнаго измѣненія характера журнала не объяснимы теперь. Довольно того,

что «Трутень» кончилъ свое существованіе въ Маѣ 1770 года, умеръ, по словамъ издателя, по кончинѣ своихъ современниковъ. Поколѣніе еженедѣльныхъ журналовъ 1769 года съ нимъ пресѣклось.

Что касается до отношеній разбираемаго нами журнала къ другимъ современнымъ изданіямъ, то мы видѣли уже, что со «Всякою Всячиною» завязалась полемика. Этотъ журналъ напалъ на неизвѣстное лице *Правдулюбова*, сотрудника «Трутня». Полемическое письмо его въ отвѣтъ на нападенія «Всякой Всячины» напечатано въ «Трутнѣ» (1769, стр. 57—59). Есть также и нападеніе на журналъ Чулкова. «И то и сіо», который жалуется на расположеніе русскихъ журналовъ (стр. 95). Въ листѣ отъ 28 Іюля 1769 года напечатано письмо Эмина, издателя «Адской Почты», къ издателю «Трутня». Подписныя буквы Б. К. ясно указываютъ, что писалъ его Эминъ (Бѣсъ Кривой), да и въ письмѣ есть доказательства того же: «Пламя войны, пишетъ онъ, и между сочинителями возгорѣлось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели, вашему Трутню въ прошедшій вторникъ не милое было бомбардированіе. Всякая Всячина добрый вытерпѣла залпъ, Адскую Почту атаковала какая-то неизвѣстная партія» (стр. 107). Издатель «Трутня» отвѣчаетъ Эмину такимъ образомъ:

«Господинъ Б. К.! Бомбардированіе, вдѣланное въ прошедшей вторникъ моему Трутню, мнѣ не страшно; да уповаю, что и г. Всякой Всячинѣ вдѣланной залпъ никакого вреда не причинитъ, ибо въ сію противъ насъ войну ополчилося невѣжество. Въ письмѣ господина Д. П., напечатанномъ въ И то и сіо написано, что госпожа Всякая Всячина выжила изъ ума. Хотя бы сего было и подлинно, то я бы и тогда

сказалъ, что гораздо славнее доживщему съ пользою и съ разсудкомъ до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться безъ ума. Но сей глубокой древности во Всякой Всячинѣ никто еще не примѣтилъ. Что жъ касается до моего Трутня, въ которомъ, по мнѣнію господина Д. П., ничево нѣтъ, кромѣ язвительныхъ браней, ругательства, и что во оном въ наивысочайшемъ степенѣ блистаетъ невѣжество: на то скажу: пусть И то и сьо похваляется господиномъ Д. П. и подобными ему; меня сто не прельщаетъ потому, что мое желаніе стремится заслужить вниманіе безпристрастныхъ и разумныхъ читателей» (стр. 110).

Это образецъ тогдашней полемики между журналами. Изъ нея можно видѣть, что «Трутень» былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Эминымъ, но не въ ладахъ съ Козицкимъ и особенно съ Чулковымъ. Но издатель «Трутня» отличался, какъ изъ всего видно, умѣренностію. Напримѣръ онъ объявляетъ, что не печатаетъ письма г. Правдулюбова, потому что «оно задѣваетъ Всякую Всячину и критикуетъ г. Сочинителя за то, что отъ критики свободно (1770, стр. 48.)» Такая умѣренность и сознаніе чистоты критики замѣчательны для того времени. Издатель «Смѣси», въ письмѣ своемъ къ издателю «Трутня», самъ говоритъ, что они весь минувшій годъ жили мирно (ibid., стр. 87). Въ «Трутнѣ» же напечатано извѣстіе о прекращеніи изданія «Всякой Всячины», которая называется *прабабкою*, вѣроятно потому, что была первымъ изъ сатирическихъ журналовъ 1769 года и вызвала за собою толпу подражателей. Всѣ журналы того времени относятся о «Всякой Всячинѣ» съ особеннымъ ироническимъ уваженіемъ, какъ о почтенной старушкѣ, которой давно пора на покой. «Всякая Всячина простилась, И то и сьо въ ничто превратилось, Адская почта оста-

повилась, а Трутню также пора летѣть на огонiокъ въ кухню», пишетъ къ издателю какой-то неизвѣстный сотрудникъ (ibid., стр. 127.)

Современная литература, какъ общественное выраженiе, какъ словомъ и письмомъ выраженныя идеи, двигавшiя тогдашнимъ обществомъ и возбуждавшiя его къ дѣятельности, конечно довольно ясно выражается въ «Трутнѣ,» какъ и въ другихъ современныхъ ему журналахъ, но напрасно сталъ бы читатель искать здѣсь тѣ славныя и всѣмъ извѣстныя имена, изъ упоминанiй которыхъ слагается такъ называемая исторiя нашей литературы. Ихъ нѣтъ здѣсь и развѣ попадаются одни темныя и незначительныя указанiя на ихъ дѣятельность. Напр. издатель «Трутня» отсылаетъ произведенiя плохого поэта къ извѣстной эпистолѣ Сумарокова «о стихотворствѣ». За то писатели мелкiе не избѣгали сатирическихъ нападенiй журнала. Читатель найдетъ здѣсь изображенiе Лукина подъ видомъ недоучившагося современнаго литератора, написавшаго огромное количество томовъ по такимъ предметамъ, которые должны были имѣть успѣхъ въ обществѣ и характеризовали его душевныя свойства. (*) (1769, стр. 23 — 26.) Тутъ же упоминается о мололомъ, по намъ неизвѣстномъ авторѣ русской комедiи, имѣвшей успѣхъ (Ibid., стр. 138). О Сумароковѣ впрочемъ упоминается нѣсколько разъ и всегда съ большимъ почтенiемъ. На стр. 182. выведено лицо *Самолюба*, который «иногда говоритъ о славномъ нашемъ россiйскомъ стихотворцѣ Г. С., сравнявшемся въ баснiяхъ съ Лафонтеномъ, въ еклогахъ

(*) Полемика «Трутня» на Лукина выставлена вполнѣ г. Пыпинымъ въ упомянутой нами статьѣ его.

съ Виргиліемъ, въ трагедіяхъ съ Расиномъ и Вольтеромъ и оставляющимъ свои притчи неподражаемымъ примѣромъ для нашихъ потомковъ, что онъ между Русскими писателями то, что былъ *Прадонъ* между французскими.» Издатель «Трутня» называетъ такое мнѣніе «бредомъ и болѣзнію.» Число стихотворцевъ, которыми такъ богата была современная литература, справедливо вызываетъ негодованіе «Трутня»: «Какъ же жалки мнѣ сѣдняшки мѣлкія стихомаратели! Они карабкаются туда же, куда идутъ и славныя стихотворцы. *По грѣхамъ нашимъ они нынѣче расплодилися такъ, какъ въ пустомъ саду крапива. Всѣ называютъ крапиву корнемъ подьячихъ, но по справедливости и стихотворцевъ можно уподобить сей травѣ»* (1770, стр. 91).

Трудно сказать что либо положительное объ именахъ сотрудниковъ «Трутня». Большею частію письма на имя издателя, напечатанныя въ этомъ журналѣ, являются съ подписями совершенно безличными. Всѣ онѣ прилагательныя, происходящія отъ душевныхъ свойствъ, напр. *Правдолюбовъ, Прямиковъ, Чистосердовъ* и пр. Съ большею вѣроятностію можно приписать ихъ самому издателю. Подпись Б. К., какъ мы видѣли уже, принадлежитъ Ѳ. Эмину. Подписи же буквами: В., Я., П. С., Ф. А., И. М., Г. И. Р. Т., остаются загадочными для читателя и, при скудости нашихъ библіографическихъ свѣдѣній, рѣшительно необъяснимы. Изъ лицъ извѣстныхъ и внесенныхъ въ исторію нашей литературы, участвовавшихъ въ «Трутнѣ», можно указать на Василія Майкова, извѣстнаго своими комическими поэмами. Ему принадлежатъ въ «Трутнѣ» стихи Беклешову на смерть брата его, убитаго въ Турецкой войнѣ, и Бибикову, привезшему извѣстіе о побѣдѣ Рус-

скихъ надъ Турками (1769, стр. 170 и 171). Оба эти стихотворенія подписаны имъ. Ему же принадлежитъ письмо, въ которомъ онъ проситъ у издателя «Трутня» совѣта по поводу задуманнаго имъ журнала «Модное ежемѣсячное сочиненіе» (1770, стр. 120). Это письмо впрочемъ безъ подписи. — Другое извѣстное въ нашей литературѣ лице, положительно участвовавшее въ «Трутнѣ», былъ сочинитель «Мельника» Аблесимовъ. Его стихи были печатаемы и въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова 1759 года и, по словамъ Митрополита Евгенія, въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Съ подписью А., написалъ онъ письмо къ издателю «Трутня», въ которомъ проситъ, по совѣту книгопродавца, напечатавшаго его «Сказки въ стихахъ», извѣстить публику о продажѣ его книги. Но всей вѣроятности ему же надобно приписать письмо, подписанное странным псевдонимомъ *Азазель Азазеловъ* (Александръ Аблесимовъ), съ приложеніемъ двухъ «былей» въ стихахъ. Письмо это (1769 стр. 225—228) замѣчательно тѣмъ, что представляетъ намъ взглядъ стихотворца на сатиру. Общей сатиры, осмѣивающей общіе пороки и слабости, ему не нужно: онъ хочетъ *личной сатиры*, основанной на какомъ либо бывшемъ случаѣ. Для біографіи его любопытно только то обстоятельство, что онъ говоритъ, что ему тридцать лѣтъ и что «онъ изъ числа людей ни откуда помощи не имѣющихъ.» Что касается до «былей» Аблесимова (ихъ напечатано въ «Трутнѣ» шесть), то всѣ онѣ отличаются довольною легкостію стиха, замѣчательнаго для того времени. Содержаніе ихъ взято изъ ежедневной жизни и изображаетъ нравы того времени.

Въ «Трутнѣ» 1770 года въ первый разъ было напе-

чатано описаніе памятника, поздвигнутаго въ Александро-Невской Лаврѣ Графомъ Воронцовымъ — Ломоносову. «Къ распространенію въ Россіи словесныхъ наукъ да умножатся подобныя его Сіятельству Меценаты, прибавляетъ издатель, и да изтребятся ободряющія глупыхъ писцовъ, дѣлающихъ посрамленіе нашему времени» (стр. 79). — На смерть Эмина напечатана въ «Трутнѣ» того же года «Элегія къ другу его», въ которой прославляется покойный за то, что

. . . нашей описалъ дѣянія отчизны.
Ученой свѣтъ ему тѣмъ много одолженъ:
Онъ сихъ его заслугъ во вѣки незабудетъ (стр. 126).

Трудъ Эмина по русской исторіи современники ставили очень высоко. Кромѣ приведенныхъ стихотвореній, въ «Трутнѣ» довольно басенъ, пѣсенъ, сказокъ и мелкихъ стиховъ, по всѣ они ни почему не замѣчательны и гораздо ниже стоятъ полной жизни и содержанія прозы журнала.

Относительно *формы*, подъ которою являлась сатира журнала, надобно замѣтить, что она была разнообразна, и въ пестрыхъ картинахъ рисуетъ издатель образы современнаго быта, вызывающіе его порицаніе и хулу. Прошлый вѣкъ вообще очень любилъ пестрыя формы; замысловатость ихъ приносила особенную честь писателю. Притомъ и сатира была дѣломъ новымъ, непривычнымъ. Просто и безъ затѣй взяться за нее недоставало духа, а потому-то такъ необходимы казались хитрыя одежды, скрывавшія наготу истины, мысль, слишкомъ жесткую, именно потому, что она справедлива. Кромѣ писемъ отъ вымышленныхъ сотрудниковъ, содержаніе которыхъ, въ обинякахъ,

выхвачено изъ дѣйствительной жизни, гдѣ лица носятъ характерныя названія *Стозмыевъ, Злорадовъ, Безразсудовъ, Пахрапцевыхъ* и проч., прямо указывающія на ихъ качества, издатель употребляетъ форму *Сатирическихъ Вѣдомостей*. Здѣсь, подъ видомъ разныхъ извѣстій, печатаются факты быта, вызывающіе сатиру. То рисуются *портреты* разныхъ личностей съ общими названіями; то подъ заглавіемъ *Лечебника* изображаются разные нравственные недуги и тутъ же сатирикомъ прописываются рецепты больнымъ; то въ статьѣ подъ названіемъ *Смѣющійся Демокритъ*, какъ въ зеркалѣ, появляются и исчезаютъ олицетворенные пороки, ѣдко осмѣянные, то самъ издатель представляетъ разнообразныхъ читателей своихъ и различный взглядъ ихъ на вещи; то просто, подъ названіемъ *картинъ*, изображаются порочныя личности. Но главное достоинство этихъ формъ составляетъ наивная прозрачность ихъ; отъ читателя не ускользнетъ мысль журналиста и онъ всегда поймаетъ ее, какъ бы ни хитро повидимому она была спрятана.

Говоря въ общихъ чертахъ о содержаніи «Трутня», богатомъ и замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, мы коснулись преимущественно тогдашнихъ литературныхъ воззрѣній и отношеній, что было согласно съ нашею цѣлію. Конечно не въ нихъ сущность журнала, но изъ приведеннаго легко видѣть, какъ слабы были тогда понятія о критикѣ и какъ легко переходила она въ сатиру. «Трутень» замѣчателенъ еще и тѣмъ, что принадлежитъ Новикову, лицу, о которомъ больше говорятъ въ исторіи нашей литературы, нежели знаютъ его положительно, и выражаетъ его молодыя убѣжденія и стремленія. «Трутень» былъ первымъ журна-

ломъ нашимъ съ яркимъ и практически-сатирическимъ направленіемъ. Онъ былъ повидимому образцемъ для другихъ въ этомъ отношеніи.

«Трутень» продавался по 4 копѣйки за нумеръ на тогдашнія деньги.

III. Смѣсь, «новое еженедѣльное изданіе. Началось 1769 года, Апрѣля 1 дня». Состоитъ изъ 40 листовъ или нумеровъ, каждый въ 4 страницы, 8°. Всего 320 стр. На оборотѣ заглавнаго листа находится слѣдующее «Нужное или излишнее предувѣдомленіе»: «Сколько я могъ примѣтить, то въ заглавіи каждой книги сочинитель пишетъ или о себѣ, или о своихъ трудахъ; почему и мнѣ казалось необходимо увѣдомить читателей, что я набравшись чужихъ мыслей, и видя нынѣ много періодическихъ сочиненій, вздумалъ писать Смѣсь, о которой вольно всячески судить. Но какъ длинныя предувѣдомленія часто бываютъ скучны, то прекратя оное принимаюсь за дѣло.» Въ 1771 году вышло 2-е изданіе этого журнала, безъ означенія города, гдѣ печатано, также въ 8° и съ тѣмъ же числомъ страницъ, но уже подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Смѣсь или собраніе разныхъ философическихъ и критическихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и прозѣ. Еженедѣльное изданіе 1769 года, съ многими прибавленіями.» Прибавленій собственно не было, только въ концѣ книги 2-го изданія приложено «Письмо Каина къ Мегалѣ его супругѣ, сочиненія г. Костарда» (стр. 5—15) и стихотвореніе «Несчастный». Въ оглавленіи 2-го изданія, въ нумераціи страницъ выпущены первые два листа или нумера журнала (число страницъ

одинаково) и вмѣсто ихъ поставлено письмо Канна и стихотвореніе.

Митрополитъ Евгеній, въ «Словарѣ» своемъ, приписываетъ этотъ журналъ вмѣстѣ съ «Трутнемъ» — Новикову. Гречъ, въ своемъ «Опытѣ краткой исторіи русской литературы», не говоритъ объ этомъ ни слова. Кажется, что мало вѣроятія называть журналъ этотъ Новиковскимъ: *во первыхъ*, трудно предполагать, чтобъ Новиковъ, въ началѣ своей литературной дѣятельности, могъ издавать вдругъ два журнала, когда и одинъ, въ то время, при тогдашнемъ состояніи нашей литературы, долженъ былъ поглощать почти всѣ силы издателя. Не смотря на небольшіе объемы свои, старые журналы наши требовали много труда отъ издателей, ибо сотрудниковъ добыть было не легко. *Во вторыхъ*, изъ «Трутня» перепечатано было много въ «Живописцѣ»; ни одна же статья «Смѣси», хотя многое въ ней заслуживало полнаго вниманія, не удостоилась этой чести. *Въ третьихъ*, формы сатиры обоихъ журналовъ различны; нельзя узнать живого, чисто русскаго тона, мѣткой сатиры «Трутня» въ спокойномъ и по большей части однообразномъ изложеніи «Смѣси». Къ тому же замѣтно и различіе правописанія: «Трутень» пишетъ напр. *чувство*, а «Смѣсь»— *чювство*. Можно полагать, что у одного издателя этого бы не было. Вопросъ, слѣдовательно, о томъ, кому принадлежитъ «Смѣсь» и кто былъ ея издателемъ, остается, по нашему мнѣнію, нерѣшеннымъ вопросомъ въ исторіи нашей литературы, за неимѣніемъ прямыхъ библіографическихъ указаній.

Журналъ продолжался девять мѣсяцевъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ издатель (стр. 319), и находилъ чи-

тателей, потому что чрезъ два года вышелъ уже вторымъ изданіемъ. Содержаніе журнала, чисто сатирическое и какъ въ «Трутнѣ», направлено на разныя стороны общественнаго быта того времени; оно рисуетъ нравы, представляя подъ вымышленными именами лица, уклонившіяся отъ нравственности. Издатель, по словамъ его, «описывалъ людскіе пороки и лѣла, достойные осмѣянія». Онъ разсказываетъ процессъ, какимъ удалось ему подмѣтить и нарисовать свои сатирическія картины: «Я искалъ въ себѣ самомъ и въ другихъ людяхъ приличныя къ тому черты и краски. Изъ десяти глупостей выходитъ картина, достойная осмѣянія» (стр. 320). Все стремленіе нравственное, вся явная и скрытая цѣль журнала открывается въ аллегорической «повѣсти», гдѣ два лица спорятъ о власти надъ людьми: *разумъ* и *предразсужденіе* или предразсудки (стр. 146—147). Нравственное ученіе этой повѣсти и аллегорическая форма ея отражаютъ вполнѣ понятія прошлаго вѣка. Это нравственное ученіе проводится сквозь всѣ сатирическія статьи журнала — главное содержаніе его. Изложеніе отличается особенною простотою и спокойствіемъ, чѣмъ «Смѣсь» стоитъ выше «Трутня», уступая впрочемъ послѣднему въ богатствѣ и обиліи картинъ нравовъ.

Но за то иныя картины «Смѣси» до того полны и хороши, до того лепыми красками нарисованы, что и теперь можно любоваться ими. Дѣлать выписки изъ нихъ нѣтъ возможности, ибо пришлось бы выписывать многое. Въ доказательство того, до чего доходила сатира современныхъ нравовъ, мы можемъ указать на «Письмо къ издателю бѣсовскихъ переписокъ» (Ѳ. Эмину), подписанное буквами В. М. и пересланное Эми-

нымъ къ издателю «Смѣси» (стр. 130—131). Суевѣріе и разнообразныя гаданія, противъ чего вооружались всѣ наши журналы прошлаго вѣка, нашли себѣ сильнаго противника въ издателѣ «Смѣси» (стр. 281—285). Теперь журналистъ не сталъ бы и говорить объ этомъ предметѣ, но тогда другое дѣло; тогда борьба съ суевѣріемъ, когда оно сильно входило въ жизнь и отклоняло ее отъ естественнаго и разумнаго пути, должна быть поставлена въ заслугу писателю (стр. 244). Въ «Смѣси», по всей вѣроятности, множество дѣйствительныхъ фактовъ, взятыхъ прямо изъ жизни. Небольшія изображенія современныхъ нравовъ и разсужденія по поводу ихъ издателя — оригинально хороши. Они носятъ на себѣ печать такой животрепещущей правды, что съ достовѣрностію можно полагать, что срисованы прямо съ натуры, съ лицъ и случаевъ дѣйствительныхъ.

Современность также фактами отражается въ «Смѣси». Здѣсь можно найти извѣстіе о современной Турецкой войнѣ, въ которой напряжены были тогда всѣ силы Россіи. Увѣренность въ побѣдѣ выражается въ словахъ издателя (стр. 34). Побѣда подъ Хотиномъ (19 Апрѣля 1769 года) прославлена въ журналѣ торжественною одою, похожею впрочемъ на всѣ ей подобныя (стр. 49). «Смѣсь» не забывала также увѣдомлять своихъ читателей о томъ, что новаго происходило и въ умственномъ развитіи нашего отечества, и слова ея проникнуты особенною любовію къ отечеству. Говоря о видѣнныхъ имъ трехъ картинахъ художника Лосенкова въ недавно открытой Академіи Художествъ, авторъ обращается въ такихъ словахъ къ поклонникамъ иностраннаго: «Стыдитесь несмысленные почи-

татели иностранныхъ, смотря на сего художника: никто вамъ не повѣритъ, что въ Россіи не могутъ родиться великіе люди» (стр. 222). Любопытно современное извѣстіе о превосходной игрѣ знаменитаго Дмитревскаго въ «Мизантропѣ», превосходившаго, по словамъ одного Француза, котораго похвальные стихи Дмитревскому напечатаны въ «Смѣси», игрою своею самаго Лекена (стр. 55).

Изъ всего этого можно достаточно видѣть, что «Смѣсь» не отставала отъ «Трутня», что содержаніе ея также было полно жизни и имѣло большое значеніе для читателей.

Взглянемъ теперь на то, что особенно замѣчательно въ этомъ журналѣ для исторіи нашей литературы. Литература того времени вся была поглощена дѣятельностію журнальною: «нынѣ переводы не въ модѣ, говоритъ какой-то неизвѣстный корреспондентъ издателя, и всякой старается сочинять» (стр. 236). Журналъ съ особенною энергіею преслѣдовалъ плохихъ стихотворцевъ, расплодившихся во множествѣ, подобно крапивѣ, какъ говоритъ «Трутень». (*) «Смѣсь» осмѣиваетъ какого-то современнаго поэта, «презирающаго разсудокъ и заботящагося только о стопахъ и риѳмахъ. Въ стихахъ его: *Музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ духъ*; въ *предсердіи кипитъ и кровь; Герои всѣ лакьтми свѣркаютъ, челомъ махаютъ, и духъ его Героямъ плещетъ; надъ мыслей дѣюща понятность*» и проч. (стр. 119). Въ другомъ мѣстѣ выставляется въ смѣшномъ видѣ какой-то риѳмачь, соперникъ Сумарокова, «славнаго Россій-

(*) «У насъ стихотворцы родятся, какъ грибы въ дождливое время» — говоритъ «Смѣсь» (стр. 278).

скаго трагика, который заслужилъ всемірную похвалу.

«Я знаю много такихъ самохваловъ, продолжаетъ издатель: одинъ переломавъ Виргиліеву Энеиду (*) и испортя прекрасной слогъ сего писателя, думаетъ что заслужилъ безсмертную славу. Другой (**) изъ нѣжнаго Овидія здѣлалъ несноснаго врала. Третей превратилъ Анакреонта въ глупаго Украинца. Четвертой видя, что дѣлаютъ пьяные на улицахъ, воспѣлъ сіе мерзкими стихами: и равнялетъ себя съ Виргиліемъ и Гомеромъ» (***) (стр. 189). Встрѣчаются нападенія на *Лукина*, по поводу комедіи его «Тесть и Зять», гдѣ самъ Лукинъ выведенъ на сцену подъ именемъ «молодчика» (стр. 69—71). Легко видѣть изъ этого, что указанія на современныхъ писателей были слишкомъ пелены и незначительны; угадать личность, выставленную такъ темно и неопредѣленно, теперь очень трудно.

По отношенію къ другимъ современнымъ русскимъ сатирическимъ журналамъ, «Смѣсь» не хочетъ вступить въ родню съ ними, а называетъ себя дочерью тѣхъ сочиненій, которыхъ переводы въ ней заключаются, т. е. иностранныхъ (стр. 32). «Смѣсь» нападаетъ на «Всякую Всячину» — *старшину* свою, за одно неловкое выраженіе, сказанное ею на счетъ дѣвицъ (стр. 82). «Всякая Всячина» называется здѣсь *бабушкою*, какъ старѣйшій журналъ. Она «всѣхъ писателей журна-

(*) Относится вѣроятно къ переводу Энеиды, сдѣланному Василіемъ Санковскимъ. Мы не знаемъ, когда вышло первое изданіе. Второе, съ примѣчаніями Рубана, явилось въ 1775 году.

(**) Майковъ, сдѣлавшій переводъ «Превращеній.»

(***) Тоже на Майкова.

ловъ включаетъ въ свое племя, и всегда на нихъ ворчитъ хотя сквозь зубы: изъ чего заключаю, что они не отъ нее происходятъ, а она сама на нихъ клеплетъ.... Я разсматривалъ ея труды и послѣ сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ ни малыхъ слѣдовъ, чтобъ она была способна къ такому дѣторолію: *ибо послѣдніе ея внучата поразумнѣе бабушки*, въ нихъ я не вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она запуталась..... Она только то печатаетъ, что къ ней пришлютъ изъ милости, какъ будто въ подаяніе бѣдной старушкѣ» (стр. 85—87). «Смѣсь» заступается за оскорбленную «Всякою Всячиною» тѣнь Тредьяковскаго и сама продолжаетъ ея нападенія. (стр. 94—95). «Трутень» пользуется вполнѣ сочувствіемъ «Смѣси», что и справедливо. Въ ихъ направленіяхъ, въ ихъ взглядѣ на жизнь и сатиру есть что-то родственное. Больше всего въ «Смѣси» досталось Рубану и его журна..у, издававшемуся тоже въ 1769 году. «Смѣсь» напечатала на нихъ даже двѣ эпиграммы стихотворныя. Ихъ стоитъ выписать, чтобъ показать тогдашнюю журнальную насмѣшку:

Эпитафія

(на журналъ Рубана).

Не много времени *Ни то ни сіо* трудилось,
Въ исходѣ Февраля родившися на свѣтъ;
Вся жизнь его была единый только бредъ;
И въ блоху наконецъ въ Іюлѣ переродилось, (*)
А сею тварію презрѣнно бывъ вездѣ,
Исчезло, во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ (стр. 136).

(*) Въ этомъ журналѣ была напечатана *Блоха* (Изъ Овидія). Стр. 131.

На Рубана, безъ означенія имени, написаны слѣдующіе стихи:

Разсужденіе.

Не будетъ тотъ столяръ, кто *рубитъ* лишь дрова;
Не будетъ тотъ Піитъ, кто русскіе слова
Разрубитъ на стихи и рифмами окончитъ.
Кто *рубитъ*, кто клѣтъ, кто стружетъ и кто точитъ,
То всякому изъ нихъ различны имена.
Такъ для чегожъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и *Рубачь* Піитомъ называться?
За имя же сіе *Рубачь* готовъ хоть драться,
И *нарубивъ* стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ въ вѣкъ,
Такъ славенъ по сему и всякой дровосѣкъ? (Стр. 96).

IV. Адская Почта, журналъ 1769 года. Выходилъ въ Петербургѣ съ Іюля по Декабрь (полгода), ежемѣсячно. Изданіе его составляетъ шесть книжекъ; поэтому число семь, означенное у Сопикова и въ каталогѣ Смирдина, неправильно; издаваясь съ Іюля по Декабрь, каждый мѣсяцъ, журналъ могъ имѣть только шесть книгъ. Каждая книжка въ 8° составляла ровно четыре печатныхъ листа, кромѣ послѣдней, не полной. Все изданіе заключаетъ въ себѣ съ предисловіемъ 385 страницъ. Журналъ выходилъ подъ слѣдующимъ названіемъ: «Адская Почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. Ежемѣсячное изданіе 1769 года. Мѣсяцъ Іюль (или слѣдующіе). *Издалъ въ свѣтъ я, напечатано здѣсь.*» Онъ стоилъ за книжку въ мѣсяцъ 20 копѣекъ. — Въ 1788 году вышло въ С. Петербургѣ изданіе «Адской Почты» подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Куріеръ изъ Ада съ письмами. Сочиненіе Ѳедора

Эмина.» 325 стр., 12°. Но изданіе это не даетъ понятія о первоначальномъ видѣ «Адской Почты.» Оно со многими пропусками. Писемъ почти половины недостаетъ и выписки изъ перваго изданія сдѣланы безъ всякаго плана и цѣли; многія письма искажены. Выброшены предисловія, составляющія самую существенную часть журнала, потому что въ нихъ можно узнать и цѣль изданія, и характеръ его, и взглядъ автора на сатиру. Основываясь на томъ, что послѣднее изданіе вышло въ свѣтъ съ именемъ сочинителя, «Адскую Почту» всѣ приписываютъ Ѳ. Эмину и нѣтъ причинъ сомнѣваться въ этомъ.

Личность Эмина представляетъ много замѣчательнаго. Особенно яркую печать оригинальности кладетъ на него неизвѣстность происхожденія и жизнь искателя приключеній, которую велъ онъ до появленія въ Россіи. Митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ» своемъ довольно подробно разсказываетъ противорѣчащіе толки о его происхожденіи и неопредѣленныя свѣдѣнія о жизни его. Эта жизнь — цѣлый запутанный романъ, дѣйствіе котораго происходитъ въ двухъ частяхъ свѣта. Лице Эмина остается слѣдовательно загадочнымъ для насъ. Достовѣрно только то, что онъ былъ по рожденію западнымъ Славяниномъ и явился въ Россію на 26 году жизни, въ 1761 году. Въ девять лѣтъ жизни въ Петербургѣ, до смерти своей, онъ успѣлъ сдѣлаться русскимъ писателемъ и однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ: и романистомъ, и историкомъ, и богословомъ и наконецъ журналистомъ. Журналъ его прекратился за три мѣсяца до смерти его. Скорая привычка къ русскому языку, котораго не зналъ онъ до появленія своего въ Петербургѣ, доказываетъ его уди-

вительныя способности; а можетъ быть и славянское происхожденіе много помогло тутъ. Какъ человѣкъ образованный, а онъ зналъ всѣ языки Европы, Эминъ долженъ былъ сдѣлаться писателемъ: это и легко было въ ту пору. Къ тому же и образованіе его, которое выходило изъ обыкновеннаго ряда, не представляло ему другой дороги для жизни. Но слогъ Эмина не завиденъ; напрасно въ немъ будутъ искать народности, которая замѣтна во многихъ нашихъ журналахъ. Это что-то въ родѣ плохого перевода съ чужого языка. Содержаніе журнала также не отражаетъ собою русской жизни: какъ человѣкъ образованный, онъ могъ видѣть пороки, но, какъ не русскій, Эминъ не сочувствовалъ многому. Сатира его отзывается общими мѣстами и носитъ на себѣ замѣтные слѣды подражанія иностраннымъ журналамъ, особенно бросаются въ глаза русскому читателю нападенія на Пану, Іезуитовъ (стр. 66—127 и 256), частые толки о современной европейской политикѣ, преимущественно Франціи (стр. 112—129, 133, 226 и 385), выписки изъ древнихъ писателей, что было совершенно неизвѣстно другимъ нашимъ сатирическимъ журналамъ. «Адская Почта» много походитъ на извѣстное сочиненіе минувшаго вѣка: «Lettres Juives». Другіе журналы выросли на народной почвѣ и изъ народной потребности, журналъ же Эмина возникъ потому, что сатирическіе журналы были въ ходу тогда и приносили доходъ издателямъ. Самъ Эминъ говоритъ: «Я сіе пишу для моего препровожденія времени и для пропитанія, которое единственно отъ пера, а часто и несчастнаго имѣю» (стр. 336). Издатель говоритъ о своемъ журналѣ въ предисловіяхъ къ каждому мѣсяцу его. Вообще Эминъ

былъ удивительно многословенъ: разнообразныя свѣдѣнія увлекали его и ко всему приплеталъ онъ ихъ. Остроуміе свое онъ хотѣлъ показать и въ заглавіи своего сочиненія, на которое наведенъ онъ былъ извѣстнымъ романомъ Ле-Сажа.

«Адская Почта» была умѣренна въ своей сатирѣ. Не смотря на примѣръ «Трутня» и «Смѣси», бѣсы совѣтуютъ другъ другу быть поосторожнѣе и *никого въ лицо не трогать* (стр 23). Но издатель имѣлъ правильное и ясное понятіе о сатирѣ и защищалъ ее отъ уклончивыхъ, снисходительныхъ и неопредѣленныхъ взглядовъ «Всякой Всячины» въ обращеніи къ ней въ предисловіи ко 2-й книжкѣ журнала (стр. 73—80).

На лице издателя и на самый журналъ сыпалось множество насмѣшекъ и нападеній въ теченіе всего года, что видно изъ многихъ мѣстъ «Адской Почты». Эминъ упоминаетъ даже о какомъ-то стихотворцѣ, который, не зная какъ его бранить, называлъ его *яичаромъ*. Какія были причины прекращенія «Адской Почты», послѣ полугодоваго существованія, намъ неизвѣстно.

Все содержаніе «Адской Почты», состоящей изъ 112 писемъ, заключается въ томъ, что бѣсы пересылаются другъ съ другомъ письмами, въ которыхъ описываютъ все то, что поражаетъ ихъ въ обществѣ. Но въ этихъ описаніяхъ слишкомъ мало оригинальности, хотя можетъ быть каждый случай, описанный здѣсь, былъ фактомъ дѣйствительнымъ. Конечно современники узнавали дѣйствительныя лица въ выведенныхъ здѣсь подъ придуманными именами, но для насъ они не существуютъ. Все вниманіе журнала обращено преимущественно на мелкіе случаи безнравственности; широ-

каго, народнаго взгляда не видно здѣсь, а потому журналъ стоитъ далеко ниже разобранныхъ уже нами.

Современная литература отражается также блѣдно въ журналѣ. Попадаются, разумѣется, сатирическія выходки противъ современныхъ прозаиковъ и поэтовъ, но на кого указываетъ издатель, узнать невозможно: такъ неопредѣленны его выходки. Даже съ современными журналами не было у «Адской Почты» полемики. Есть нѣсколько строкъ въ защиту Тредьяковскаго (стр. 191). Но гораздо любопытнѣе мѣсто о Сумароковѣ и Ломоносовѣ и современный споръ о достоинствахъ обоихъ. «Одинъ изъ нихъ обожалъ Клію, а другой Мельпомену. Оба сіи стихотворца имѣютъ свои партіи, безъ которыхъ нынѣ въ свѣтѣ разумнымъ быть не можно» (стр. 265). Въ домѣ одного любителя наукъ объ партіи подымаютъ страшный споръ и крикъ. Какой-то М., чтобъ примирить враждующія стороны, начинаетъ длинное разсужденіе о достоинствѣ обоихъ. Онъ видитъ гораздо болѣе пользы въ сочиненіяхъ Сумарокова и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ обоихъ. Вообще рѣчь его клонится на сторону Сумарокова; она кажется издателю справедливою «особливо потому, что похваляемый имъ стихотворецъ великій ему непріятель, *«вездѣ его ругаль и ругаетъ и мало ему несправедливымъ своимъ донесеніемъ жесточайшаго не причинилъ злоключенія*. М. о всемъ томъ зная, и толь много отъ него претерпя, когда его хвалитъ, то кажется, что въ такой похвалѣ пристрастія быть не можетъ» (стр. 265—276).

Есть въ журналѣ разсужденіе о Вольтерѣ (стр. 187); упоминается также съ большою похвалою о Даламберѣ, котораго «недавно совершенное счастіе само

искало, дабы вознести на высокую степень достоинствъ» (стр. 210). Вѣроятно здѣсь говорится о приглашеніи его Фридрихомъ Великимъ.

V. Полезное съ пріятнымъ, полумѣсячное упражненіе на 1769 годъ. При Императорскомъ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ. Спб. 8°. У Сопикова неправильно названъ этотъ журналъ вмѣсто полумѣсячнаго *полугодичнымъ* и годъ показанъ 1759. Вышло 12 книжекъ полумѣсячныхъ, каждая въ 2 печатныхъ листа или 32 стр. Съ третьей книжки однакожь журналъ раздѣлился пополамъ и выходилъ каждую недѣлю по листу, хотя заглавіе осталось прежнее. Это измѣненіе можно объяснить желаніемъ угодить публикѣ, «не любящей читать болѣе пространныя книжки» (№ 3, стр. 4).

Издатели и сотрудники журнала неизвѣстны. Въ самомъ изданіи нѣтъ ни одной подписи. Въ предисловіи къ изданію, неизвѣстный журналистъ говоритъ:

«Видя, съ какою жадностію принимаетъ общество издаваемые еженедѣльные сочиненія, для увеселенія и наставленія онаго, не можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто не желалъ имѣть оные, однако *то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое напослѣдокъ и порочное сердце устыдитъ и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ:* а сіе самое и есть предмѣтомъ трудящихся въ таковыхъ изданіяхъ. Что касается до предлагаемаго при семъ полумѣсячнаго упражненія; *то главныя матеріи во оное взяты изъ книги называемой Юношеская Библіотека, сочиненной однимъ славнымъ англинскимъ писате-*

лемъ (*). Дабы и въ семъ препровожденіи времяни имѣлъ разумъ отдохновеніе отъ важныхъ матерій, *то въ дополненіе найдетъ благосклонный читатель разныя сочиненія или переводы, согласные съ описуемою матерією.* И такъ трудъ на то употребленный довольно награжденъ будетъ, естьли пользѣ общества хотя нѣсколько споспѣшествовать можетъ.»

Издатели хлопотали о пользѣ; они старались наполнить журналъ свой статьями серьёзнаго содержанія, все переводными. Это единственный журналъ 1769 года, въ которомъ замѣтно теоретическое направленіе, полезное для современнаго общества. И надобно отдать справедливость издателямъ: статьи, напечатанныя ими, всѣ имѣютъ достоинство, отличаются особенною ясностію и благородствомъ языка. Прекрасное направленіе дѣлаетъ ихъ еще болѣе замѣчательными. Мы укажемъ на болѣе обширныя и важнѣйшія: 1) О воспитаніи (кн. 1, стр. 5—27); 2) О наукахъ (кн. 2, стр. 1—22); 3) О обхожденіи и избраніи друзей (кн. 3, стр. 5—13, 17—26; кн. 4, стр. 1—11; кн. 5, стр. 17—29; кн. 6, стр. 1—12); 4) О скупости (кн. 7, стр. 17—27); 5) О зависти (кн. 8, стр. 1—9); 6) О праздности (кн. 9, стр. 1—13); 7) О гордости (кн. 10, стр. 1—4); 8) О роскоши (кн. 11, стр. 1—9).

Но, не смотря на это общее дидактическое направленіе журнала, въ немъ попадаются также и статьи сатирическія, написанныя съ нравственною цѣлью. Самою замѣчательною статьею въ этомъ родѣ является

(*) Въ брошюрѣ, изданной г. Полторацкимъ, поименованы два учителя англійскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ, извѣстные своими переводами: Сѣчкаревъ и Михайло Пермскій. Не имъ ли принадлежатъ переводы и въ этомъ журналѣ?

«Письмо Ѳомы Стародурова», стараго сутяги и ябедника изъ деревни въ Петербургъ, къ сыну своего друга и сослуживца съ просьбою пріискать для дѣтей «какого добриньказо человѣчка, который бы взялся двухъ моихъ внучатъ учить по французскому, по нѣмецкому, егографіи, исторіямъ, иноземской пляскѣ, ариѳметикѣ, и другимъ нынѣшнимъ наукамъ». Это письмо, написанное языкомъ «Трутня» и Фонъ-Визина, очень замѣчательно и все содержаніе показываетъ, какъ многіе смотрѣли тогда на ученіе дѣтей и какъ неохотно приступали къ нему. Оно проникнуто тоскою по старинѣ, когда ни чему не учили, и самъ авторъ письма говоритъ про себя, что онъ «не прежде, какъ лѣтъ въ двадцать въ пять зачалъ бы учиться Россійской азбукѣ, естьли бы не было у насъ Государя Императора Петра Перваго, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу» (кн. 2, стр. 23—27).

Стихотворенія журнала состоятъ преимущественно изъ басенъ. Особенно замѣчательна, по легкости стиха, пьеса подъ названіемъ «Духовные стихи» (кн. 6, стр. 12).

VI. И то и сіе, еженедѣльный журналъ 1769 года. Выходилъ съ Генваря каждый вторникъ и стоилъ двѣ копѣйки за недѣльный нумеръ, состоящій изъ четырехъ страницъ, 8°. Все изданіе заключаетъ въ себѣ 52 нумера, или недѣли, безъ означенія страницъ. На первой страницѣ нѣтъ ни года, ни мѣста печатанія. Подъ заглавіемъ журнала, въ видѣ эпиграфа, напечатано: «*Строками служу, бумагой бью челомъ, а обое*

вообще извольте покупать, купивъ же считайте за подарокъ, для того, что не большова оное стоитъ.» Журналъ выходилъ въ С.-Петербургѣ и продавался у переплетчика Веге.

Что касается до того, кому принадлежалъ этотъ журналъ, то опредѣлить это нетрудно, хотя и существуютъ противоположныя мнѣнія. Въ каталогѣ Смирдина издателемъ этого журнала означенъ Баиловъ, но на какомъ основаніи, неизвѣстно. Ему слѣдовали многіе. Митрополитъ Евгеній, въ краткой біографіи Баилова, упоминаетъ только, что нѣсколько сатирическихъ писемъ его напечатано было въ журналѣ «Ни то ни сіо». Но этотъ послѣдній журналъ не заключаетъ въ себѣ писемъ такого рода, кромѣ небольшаго количества вводныхъ, принадлежащихъ самому издателю — Рубану. Естественно предположить, что Баиловъ могъ участвовать въ «И то и сіо.» Но предположеніе это и останется предположеніемъ, не подтверждаясь ничѣмъ: опредѣлить сотрудниковъ нашихъ старыхъ журналовъ невозможно. Гораздо съ большею вѣроятностію Митрополитъ Евгеній, основываясь на современномъ свидѣтельствѣ «Словаря» Новикова, приписываетъ журналъ «И то и сіо» Чулкову (*), издателю довольнаго количества книгъ по русской старинѣ, написанныхъ безъ всякой критики и неимѣю-

(*) Чулковъ, въ извѣстной брошюрѣ 1771 года: Essai sur la littérature russe, перепечатанной г. Полторацкимъ, называется *barbier de la cour*. Онъ принадлежалъ сначала къ труппѣ Волкова еще въ Ярославлѣ, но не попалъ въ число тѣхъ придворныхъ актеровъ, которые отданы были учиться въ Кадетскій Корпусъ. См. Карабанова «Основаніе русскаго театра», стр. 24 и 35. Только авторъ неправильно называетъ Михайлу Чулкова — Иваномъ.

щихъ въ настоящее время большой цѣны. Чулковъ былъ самымъ плодовитымъ изъ нашихъ писателей: онъ компилировалъ книги и словари по торговлѣ, лечебники, печаталъ Словарь Юридическій, Словарь Сельскаго Хозяйства и друг. Чулковъ же издалъ въ 1770 году журналъ — «Парнасской Щепетильникъ». Перечисленіе сочиненій, переводовъ и изданій его можно найти у Евгенія. Чулковъ былъ большой любитель древности и русской старины: онъ одинъ изъ первыхъ нашихъ не-критическихъ миѳографовъ и его «Абевега Русскихъ суевѣрій» 1782 года, есть замѣчательный опытъ въ этомъ родѣ. Тоже самое направленіе видно и въ журналѣ, который принадлежитъ молодости Чулкова. Въ немъ есть также краткій словарь миѳологическій «въ пользу тѣмъ людямъ, которые не знаютъ другихъ языковъ». (Нед., 37, 38 и 39.) Сверхъ сего о томъ, что «И то и сіо» принадлежитъ Чулкову, кромѣ сходства въ направленіи, можно еще заключить изъ слѣдующаго обстоятельства: въ концѣ журнала раздавалась подписчикамъ сатирическая поэма: «Плачевное паденіе стихотворцевъ». Эта поэма, съ присоединеніемъ стиховъ: «1) На качели, 2) На семикъ и 3) На масленицу», которые были напечатаны въ «И то и сіо» отъ лица издателя, вышла отдѣльно въ 1775 году съ именемъ автора — М. Чулкова. Положительно можно сказать, что однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ издателя былъ Михайло Поповъ, соученикъ, сослуживецъ и сотрудникъ Чулкова во многихъ изданіяхъ. (*) Поповъ также отличался знаніемъ русской

(*) Поповъ былъ также прежде актеромъ, подобно Чулкову, но былъ отданъ въ Кадетскій Корпусъ для обученія. См. Карабанова

старины и стремленіемъ издавать книги по этому предмету, написанныя безъ всякой критики. Объ немъ, какъ объ участникѣ журнала «И то и сіе», довольно положительно упоминаетъ «Трутень» 1770 г., стр. 116. Но и это требуетъ еще подтвержденія. Свиньинъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ запискамъ А. В. Храповицкаго, разсказывая кратко біографію послѣдняго, говоритъ, что онъ съ 1756 по 1772 годъ писалъ много стихами и прозою и былъ похваленъ за то А. П. Сумароковымъ въ письмѣ, напечатанномъ въ еженедѣльномъ журналѣ «И то и сіе» (*), издаваемомъ въ 1769 году Чулковымъ. Письмо это дѣйствительно напечатано въ журналѣ (5 Нед., стр. 5), но безъ подписи Сумарокова. Въ изданіи Новикова его нѣтъ. Храповицкій прислалъ, подъ именемъ дѣвицы, письмо во «Всякую Всячину», гдѣ онъ нападаетъ на переведенную Лукинымъ комедію «Тесть и Зять». Сумароковъ хвалитъ слогъ Храповицкаго, но усиливаетъ еще и безъ того неблагопріятный отзывъ его о комедіи. «Погрѣшности въ сей комедіи не мѣлкія, говоритъ онъ, но самыя крупныя и не простительныя.» Какъ извѣстно, онъ постоянно былъ не въ ладахъ съ Лукинымъ. Кромѣ этого письма, въ «И то и сіе» были и другія статьи Сумарокова, но мы не знаемъ, участвовалъ ли онъ въ другихъ нашихъ сатирическихъ журналахъ.

Опредѣленной цѣли, заданной мысли, которая бы

«Осн. Р. Т.» стр. 27 и 34. Брошюра г. Полторацкаго приписываетъ ему еще переводъ комедіи «Нѣмой» (le Muet), стр. 15, который былъ напечатанъ только въ 1772 году, въ «Досугахъ» Попова.

(*) «Отечественныя Записки» 1821 года. № 16. Августъ. Стр. 131.

преслѣдовалась съ увлеченіемъ и съ твердостію, журналъ не имѣлъ. Онъ вообще довольно легкаго содержанія и сатира его не направлена ни на что исключительно. По видимому успѣхъ журналовъ 1769 года вызвалъ и Чулкова на это легкое тогда поприще. «Господинъ читатель, говоритъ онъ, не ожидай ты отъ меня высокихъ и важныхъ замысловъ: ибо я и самъ человѣкъ неважной, и когда правду тебѣ сказать, не утруждая совѣсти, то состояніемъ моимъ похожу на самое сокращенное животное. Я предпріялъ увеселять тебя и шутить предъ тобою столько, сколько силы мои позволятъ, единственно для той причины, чтобъ заслужить твою благосклонность, и довести тебя дотово, чтобы имѣлъ ты обо мнѣ хорошіе мысли» (1 Нед., стр. 5.) Это былъ журналъ отъ нечего дѣлать и издатель часто говоритъ о томъ своимъ шутливымъ тономъ. «Я пишу на произволящаго, *ни о комъ самомично не говорю и никово именемъ не называю . . . . за смѣхомъ за море не ѣжжу, а шучу около себя*, вреда и убытка не наношу моему отечеству, наукъ не ломаю и языка нашего не порчу. Такимъ образомъ опасаться меня не должно, а развѣ надобно что нибудь мнѣ присовѣтовать, по пословицѣ: *умъ хорошо а два лучше*» (2 Нед., стр. 4). Дѣйствительно издатель не уходилъ въ даль, а *шутилъ около себя;* то, что ближе попадалось ему подъ руку, то и являлось на листкахъ журнала. На обычаи темной старины, которые держались еще въ народѣ, издатель преимущественно хочетъ обращать вниманіе. «Усмотрѣлъ я, говоритъ онъ, изъ вѣдомыхъ мнѣ повѣствованій внѣшнихъ и домашнихъ, изо всякихъ сказокъ, пѣсенъ и игръ, что весьма много осталося въ нашемъ народѣ старинаго, но дурнова

обыкновенія» (Нед. 8, стр. 4). Напрасно только искалъ онъ *дурное обыкновеніе* въ пѣсняхъ и сказкахъ. Но Чулковъ, какъ и всѣ изслѣдователи старины того времени, такъ смотрѣлъ на нее. Говоря о содержаніи своего журнала, издатель обѣщается разсказать въ немъ большую половину своей жизни. «Только, прибавляетъ онъ, не все то будетъ правда, что я буду говорить о самомъ себѣ, и иногда именемъ моимъ буду я кликать другова, которой хотя и не отзовется всенародно, однако наединѣ откликнется. По той причинѣ можетъ онъ на меня и подосадуетъ, однако въ необходимой путь ступить мнѣ должно какъ нибудь; впрочемъ *зеркало не виновато, коли рожа крива.*» (Нед. 3, стр. 8). Издатель имѣлъ полное право сказать, что *за смѣхомъ за море не ѣздитъ:* журналъ его носитъ легкій народный тонъ и это стремленіе къ народности оказывается на каждомъ шагу. Всякій нумеръ пересыпанъ народными пословицами, которыя употребляются и кстати и не кстати. Издатель упоминаетъ о народныхъ поэмахъ, о которыхъ не говорилъ ни одинъ журналъ того времени: о Бовѣ Королевичѣ, Петрѣ златыхъ ключей, Еруслапѣ Лазаревичѣ, Францѣ Венеціанѣ, Геріонѣ, Евдонѣ и Берфѣ, Арсасѣ и Размѣрѣ, о Россійскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Барбосѣ разбойникѣ и др. (10 Нед. стр. 5) Издатель, поддѣлываясь подъ народный тонъ, стихами описываетъ семикъ, начало которыхъ состоитъ изъ обращенія къ древней славянской миѳологіи. На нее поэтъ смотритъ съ шутливой точки зрѣнія, какъ на смѣшное суевѣріе. Говоря о старинныхъ пѣсняхъ нашихъ, въ которыхъ остались слѣды миѳологіи, онъ выражается такъ:

Съ презрѣніемъ сіе внимаемъ мы теперь:
Намъ къ просвѣщенію отверста нынѣ дверь,
Однако нѣсенки старинны попѣваемъ
И древнихъ тѣхъ боговъ частенько величаемъ,
Изъ коихъ нѣсколько поставлю я въ примѣръ:
Пусть видитъ свой порокъ усердный суевѣръ. (22 Нед., стр. 6.)

На миѳы древности Чулковъ вообще смотрѣлъ и въ своихъ о томъ сочиненіяхъ болѣе съ нравственной, нежели съ научной точки зрѣнія.

Кромѣ напечатаннаго въ журналѣ миѳологическаго словаря, въ который вошло и *древнее славянское божество*, съ смѣшанными именами настоящихъ и придуманныхъ боговъ славянскаго Олимпа, какъ понимали его въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ журналѣ есть описаніе *святочныхъ гаданій* и напечатано нѣсколько подблюдныхъ пѣсенъ. При этомъ разсказано также и нѣсколько бывалыхъ на святкахъ анекдотовъ (Нед. 47, 49 и 50). Любовь къ народности доказывается и «Краткимъ словаремъ иностранныхъ словъ», вошедшихъ въ нашъ языкъ. Это стремленіе къ народности и составляетъ лучшую сторону журнала, хотя въ немъ и отражается вполнѣ взглядъ человѣка прошлаго вѣка. Сущность же журнала, какъ и другихъ, ему подобныхъ, разумѣется состояла въ *критикѣ нравовъ*, но эта критика была и слаба и уклончива. Она боялась по видимому говорить прямо въ глаза пороку правду и шла шутками, обиняками. Вотъ понятіе автора о сатирѣ: «Въ сатирѣ описываются такіе пороки, которые сродны по большой части многимъ людямъ. Надобно весьма остерегаться, чтобъ, дѣлая тому примѣры, не указать на того человѣка, котораго вознамѣрился описать пороки. Слогъ ее долженъ быть простъ, воленъ,

коротокъ и язвителенъ, и больше всего сочинитель оной долженъ показывать въ ней всю свою кротость, имѣть совершенное познаніе человѣческихъ свойствъ, играть весьма пріятно словами, исправлять человѣческіе нравы, и научать ихъ доброму — въ шуткахъ» (36 Нед., стр. 2). Не смотря на это, издатель журнала не хотѣлъ брать на себя ничего. «Исправлять людей я не берусь, говоритъ онъ, и титулъ народнаго учителя принимать на себя не отважниваюсь, потому что я недостоинъ и сверьхъ же того учить людей не умѣю, для той причины, что я и самъ серіотка на половинѣ. И такъ, чтобъ отъ тово мнѣ удалиться, то я въ защищеніе себя скажу сію пословицу: *исправить горбатова могила — а глупаго случай*, ибо онъ только одинъ дурацкой учитель» 3 Нед., стр. 4).

Въ журналѣ нѣтъ ожесточенныхъ нападеній на пороки, которыя мы находимъ въ другихъ современныхъ изданіяхъ. Если и попадаются ироническія описанія нравовъ, то они сопровождаются только легкою насмѣшкою. За то изъ этихъ описаній, многія по яркому изображенію исчезнувшаго быта любопытны для насъ и могутъ служить комментаріемъ къ исторіи того времени, а особенно для изслѣдователя быта общественнаго. Къ болѣе полнымъ картинамъ журнала могутъ быть отнесены: *Описаніе свадебныхъ обрядовъ* у знакомца автора (43 Нед., стр. 1—8), *Крестины у приказнаго*, описанные также очевидцемъ (44 Нед., стр. 1—7), *Исторія воспитанія* сына богатаго купца и надувательства учителя (42 Нед., стр. 1—6) и *Описаніе петиметровъ* или современныхъ франтовъ, гдѣ авторъ, разсказываетъ жизнь и времяпровожденіе петиметра.

Напрасно стали бы мы искать въ «И то и Сіо» ка-

кихъ либо свѣдѣній о состояніи современной литературы русской. Ихъ нѣтъ въ этомъ журналѣ. Все вниманіе обращено было на правы, а литературныя явленія того времени проходили, не обращая на себя вниманія. Конечно иногда попадаются современные отзывы о какой либо комедіи или трагедіи, но отзывы эти, вызванные личнымъ ощущеніемъ, и коротки и незначительны. Критики тогда не могло быть. Издатель «И то и Сіо» нападаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поэтовъ своего времени, которыхъ расплодилось множество. Мы знаемъ, что эти нападенія были общими. «Въ здѣшнемъ городѣ, кто только умѣетъ перо въ руки взять и водить имъ по бумагѣ, то и тотъ уже стремится выдавать маранье свое въ печать», говоритъ издатель (Нед. 18, стр. 7). Онъ предлагаетъ завести заводы Пегасовъ *для полустихотворцевъ*, потому что миѳологическій Пегасъ заѣзженъ ими (Нед. 29, стр. 7). Онъ говоритъ, что на Парнасѣ сдѣлалась тѣснота страшная, такъ что господа сочинители будутъ сталкивать другъ друга съ этой горы, и мысль эта послужила поводомъ къ сочиненію сатирической поэмы: «Плачевное паденіе стихотворцевъ». Журналистъ смѣется надъ слагателями громозвучныхъ одъ такимъ образомъ:

Для пышности стиховъ наставитъ равной звонъ:
Кричитъ онъ въ нихъ Орѳеи, Морѳеи и Амѳіонъ,
Елена, Менелай, Юпитеръ тамъ и Леда,
Улиссъ и Телемахъ, Персеи и Андромеда,
Моря, пучины, волны, ревъ и водной стонъ,
Нева, Двина, Дунаи и Висла, Волга, Донъ;
Такой нелѣпостью въ стихахъ своихъ трезвонитъ,
Желая тѣмъ взнестись, но самъ себя уронитъ. (Нед. 17, стр. 8.)

Онъ пародируетъ также современныхъ поэтовъ элегій, сочиня *плачевную элегію* (Нед. 7, стр. 6). Любопытно замѣчаніе издателя о современныхъ заимствованіяхъ съ иностраннаго. Ихъ было много, но русская публика по большей части и не подозрѣвала ихъ, а принимала за оригинальныя произведенія:

«Выпала у насъ такая мода, что рѣдкое называется переводомъ, а всегда сочиненіемъ, но какъ я не совсѣмъ еще прожился совѣстію, то и показалось мнѣ нѣсколько оное не благопристойно. Нѣкоторые нынѣшніе господа писатели неекутся о безсмертной славѣ, но прикладываютъ все свое стараніе къ полученію часовой похвалы, которая хотя сама по себѣ и ничево незначитъ, но имъ чрезвычайно мила. Они таскаютъ изъ многихъ разныхъ сочиненіевъ и выдавая оныя подъ своимъ именемъ, ни мало не страшатся быть уличены въ похищеніи чужова добра. Многіе иностранные писатели по смерти своей научилися говорить по руски и не только что чисто говорятъ нашимъ языкомъ, но и сочиняютъ на ономъ весьма похвальныя изданія. Впрочемъ имянъ своихъ никогда они не подписываютъ, но всегда видно, что позволяютъ подписываться другому» (Нед. 41, стр. 7.)

Журналъ вступалъ также въ полемику съ другими журналами. Онъ оспариваетъ мнѣніе *г. Примычаева*, напечатанное въ «Всякой Всячинѣ», о томъ, что дурные нравы заимствованы Русскими отъ Татаръ. Но журналъ вообще воздерживался, по возможности, отъ полемики съ своими собратьями. Онъ говоритъ, что ссора неприлична имъ, что они должны заключать въ себѣ только важное съ полезнымъ, и потому не хочетъ отвѣчать на чужія нападенія (Нед. 9, стр. 8). Однакожь, не смотря на это заявленіе, журналъ не остается всегда въ мирномъ положеніи. Въ «Всякой Всячинѣ»

онъ относится миролюбиво и называетъ ее *родною и старшею сестрою* (Нед. 3, стр. 3). Одна только она, по словамъ его, достойна почтенія. На современный журналъ Василія Тузова, «Поденьщину», о которомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ журналовъ, больше всего встрѣчается нападеній въ «И то и сіо». Издателю не нравится, что она выходила *бумажками*, въ родѣ афишъ, каждодневно. Эти лоскуточки поденьщины вызываютъ ироническій разсказъ о томъ, что переплетчикъ не могъ съ ними никакъ сладить (Нед. 9, стр. 2—7). Издатель «Поденьщины» называется *маляр*[illegible]. «Поденьщина» задѣла «Ито и сіо» и вотъ почему какой-то неизвѣстный корреспондентъ этого журнала такъ относится къ ней:

«Госпожа Поденьщина! Любили бъ тебя многіе столько же, какъ и другія сочиненіи, но ты не спокойна въ себѣ. Не успѣла ты показаться свѣту, то и задѣла И то и сіо, кое обществу приноситъ собою удовольствіе своими новостями; а ты перервала у сочинителя предпріятіе. Не думаешь ли ты удивить свѣтъ своимъ ругательствомъ; оно и безъ тебя извѣстно. Ты отягощаешь только читателей несносною своею здорливостію и дѣлаешь отъ себя всѣмъ отвращеніе. Пускай бы И то и сіо веселилось тѣмъ и писало, чтобъ хотѣло; вить оно никово нетрогаетъ. И такъ уймись, пожалуй, ругать честное И то и сіо и дай ему время продолжать начатое имъ предпріятіе. Я знаю, что ты схватишься и со мною, и хотя мнѣ будетъ и не подъ лѣта съ тобою бороться, однако я неуступалова десятка, не спущу тебѣ, госпожа нововыѣжжая выскочка и смогу еще съ тобою сладить» (Нед. 11, стр. 3).

Гораздо больше ожесточенія въ нападеніяхъ на «Трутня.» Объ «Адской почтѣ» не говорится ничего положительно, потому что она имѣетъ «нѣкоторыя невразу-

мительныя еще намѣренія» (Нед. 28, стр. 2—41). «И то и сіо» говоритъ, что «Трутень» раскупался публикою, потому что на заглавномъ листкѣ его выставлены стихи Сумарокова и многіе принимали «Трутень» за его сочиненіе (Нед. 51, стр. 5).

Не смотря однакожь на брань, которою осыпанъ «Трутень», «И то и сіо» не отказалось подражать ему въ формѣ сатиры. *Вѣдомости*, наполнившія два нумера журнала (Нед. 29 и 30), явно написаны въ подражаніе «Трутню»; недостаетъ только соли, ѣдкой сатиры и остроумія послѣдняго. Въ «И то и сіо» находятся также переводы, но они незамѣчательны. Иногда издатель, не зная чѣмъ наполнить недѣлю, шутилъ съ читателями довольно странно. Разъ оставилъ онъ двѣ страницы совершенно пустыя, а въ другой напечаталъ на послѣдней страницѣ недѣльнаго нумера слѣдующія слова: «Сіе пустое мѣсто на сей бумагѣ оставлено для того, что Сочинитель не могъ ничево придумать, чемъ бы наполнить сію недѣлю и здѣлать ее равную съ другими; но какъ видно, то участь ее горькая, и будетъ она безъ конца, къ чему примолвимъ пословицу: *въ семьи не безъ урода*» (Нед. 44, стр. 8).

VII. И и то и сіо въ прозѣ и стихахъ, ежесубботное изданіе 1769 года. Вышло 20 листовъ или нумеровъ съ 21-го Февраля по 11-е Іюля. 160 стр., 8°, съ эпиграфомъ изъ Проперція: Maxima de *Nihilo* nascitur historia — наипространнѣйшая изъ *ничего* родится повѣсть. На заглавномъ листѣ 1-го изданія находится слѣдующее стихотворное объявленіе цѣны:

Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки влтынь,
Тому ни То ни Сіо дадутъ листокъ одинъ.

Въ 1771 году вышло 2-е изданіе журнала съ *исправленіемъ противъ прежняго*, но существенныхъ измѣненій не было.

Въ каталогѣ Смирдина и у Митрополита Евгенія издателемъ журнала названъ Василій Григорьевичъ Рубанъ, извѣстный особенно сочиненіемъ надписи къ памятнику Петра В. и множествомъ другихъ. Въ числѣ поэтовъ своего времени, Рубанъ былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ; одъ его существуетъ довольное количество, но всѣ онѣ не имѣютъ никакого поэтическаго достоинства и ничѣмъ не отличаются отъ другихъ. Поэтому эпиграмма журнала «Смѣси», приведенная уже нами, кажется ни сколько не преувеличенною. Рубанъ издавалъ кромѣ этого еще два журнала, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но и журналы его также незначительны. Благодарности заслуживаетъ онъ за составленіе многихъ книгъ по исторіи и географіи Россіи вообще и особенно Малороссіи. Нѣкоторыя изъ нихъ и теперь имѣютъ цѣну. Имъ издано было также путешествіе Василья Григоровича Барскаго въ Іерусалимъ. Его сочиненія, переводы и изданія перечислены въ «Словарѣ» Митрополита Евгенія, но надобно замѣтить, что въ перечисленіи этомъ очень много пропусковъ..

«Ни то ни сіо» принадлежитъ къ первымъ и самымъ неудачнымъ литературнымъ опытамъ Рубана. Журналъ не имѣетъ никакого характера и наполненъ большею частію переводами. Нечего и искать здѣсь остроумной сатиры, умнаго наблюденія надъ нравами, веселой и

злой насмѣшки. Содержаніе его очень ограниченно. Самый языкъ журнала, вялый и безжизненный, полный тяжелыхъ и неправильныхъ оборотовъ, рѣзко отличается отъ языка другихъ журналовъ. Журналъ по видимому не находилъ покупателей, хотя и вышелъ вторымъ изданіемъ, и издатель долженъ былъ прекратить его чрезъ полгода. Въ обращеніи къ читателямъ въ концѣ журнала, издатель называетъ журнальное поприще *привлачивою болѣзнію* и радуется, что нашелъ средство изцѣлиться отъ нея. Это лекарство — *многодѣліе*. Но мы незнаемъ, какія новыя занятія отвлекли издателя отъ журнала, и плохо вѣримъ ему. Журналъ возникъ рѣшительно изъ подражанія. Годъ былъ урожаенъ для журналовъ; знаніе журналиста и легко и почтенно, матеріалы подъ рукою: стоитъ только взять перо, бумагу и писать. Но о матеріалахъ-то и не позаботился Рубанъ; у него не было главнаго: идеи, нравственной цѣли журнала, къ которой бы все клонилось въ немъ. Ему нужно было только издавать листки и ничего больше. Онъ самъ объясняетъ появленіе своего журнала изъ *самолюбія, соединеннаго съ желаніемъ показаться грамотнымъ* (стр. 4). «Ни то ни сіе» произведено на свѣтъ тѣмъ, отъ чего произошли и «Всякая Всячина» и «И то и сіе», и въ отличіе отъ этихъ двухъ журналовъ, являющихся въ пятницу и вторникъ, Рубанъ издаетъ свой въ субботу. На журнальное поприще издатель, какъ самъ признается, пустился *очертя голову* (стр. 76); запасу журнальнаго у него было не много и вообще онъ не работалъ много надъ своимъ изданіемъ. За Іюнь мѣсяцъ онъ разомъ выдалъ четыре нумера впередъ и они наполнены всѣ переводомъ сочиненія Сенеки: «о провидѣніи». Объя-

сняя этотъ неожиданный подарокъ публикѣ, Рубанъ говоритъ: «Сочинители, желая доставить себѣ возможность попользоваться прілтностями исходящей весны и начинающагося лѣта, заблагоразсудили симъ способомъ избавить себя на цѣлой мѣсяцъ отъ еженедѣльнаго изданія сихъ листочковъ. Сама Минерва, какъ кажется, дозволила своимъ питомцамъ сіе отдохновеніе, когда всѣ Россійскіе Парнасы онымъ пользуются» (стр. 112). Издатель объявляетъ, что въ журналѣ его будетъ помѣщаться *Смѣсь*, состоящая изъ прозы и стиховъ, сочиненій и переводовъ.

Но главное содержаніе журнала заключается въ переводахъ. Большая часть стихотвореній оригинальныхъ и особенно переводныхъ принадлежитъ самому издателю. Кромѣ него участвовали въ журналѣ поэты: Михайло Поповъ (стр. 42), В. П. (стр. 64) и І. К. (стр. 152). Какъ стихотворная, такъ и прозаическая часть журнала не представляютъ, однакожъ, ничего замѣчательнаго.

Въ полемику журналъ вошелъ только одинъ разъ съ одною «Всякою Всячиною.» Онъ называетъ ее *бабушкою*, говоритъ, что она выжила уже изъ лѣтъ и много забывается (стр. 34), а о себѣ говоритъ, что *онъ хотя и внучекъ, но уже на возрастѣ* (стр. 37). Изображеній нравовъ въ журналѣ нѣтъ совсѣмъ, кромѣ довольно замѣчательнаго отвѣта на «Письмо Г. Бѣдняшкиной» (89—95 стр.).

VIII. Подвижница или ежедневныя изданія, 1769 года, съ эпиграфомъ: Labor omnia vincit. Improbus est duris urgens in rebus egestas. Virg. Трудами все пре-

долѣвается. Непріятенъ и къ труднымъ вещамъ понуждаетъ недостатокъ. Годъ и мѣсто печатанія неозначены. Всего стр. 134, 16°, но форматъ неправиленъ и измѣнялся по произволу издателя. Журналъ выходилъ каждый день съ 1-го Марта и прекратился 4-го Апрѣля.

Издатель названъ въ «Словарѣ» Новикова Васильемъ Тузовымъ. Онъ хочетъ «описывать здѣсь свои собственныя и заимныя мысли» и продолжать журналъ, сколько дозволятъ силы и обстоятельства.

О себѣ говоритъ издатель, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ недѣлю, изъ родного своего города Алатыря, что онъ «искусствомъ моляръ, отъ роду имѣетъ сорокъ два года, вдовъ, *грамоть читать и писать не доволенъ*».

Сатирическій элементъ въ журналѣ почти совершенно не виденъ. Издатель взялся за дѣло, не обдумавши его, изъ подражанія другимъ, современнымъ періодическимъ листкамъ. У него не было ни приготовленнаго плана, ни твердой и положительной мысли, развитіе которой онъ преслѣдовалъ бы съ ревностію и стремленіемъ. Поэтому журналъ существовалъ недолго, не имѣя нравственныхъ средствъ для существованія, и содержаніе его вообще очень слабо и не представляетъ намъ ничего любопытнаго, обрисовывающаго время и эпоху.

Мы видѣли уже, что Чулковъ въ журналѣ своемъ «И то и Сіо» нападалъ на издателя «Поденьщины», особенно за форматъ журнала. Какъ нападенія Чулкова, такъ и отвѣты Тузова вообще очень мелки и ничтожны. Тузовъ не знаетъ, съ какимъ титуломъ обратиться къ журналу «И то и Сіо», называть ли его

господиномъ, или госпожею, потому что, по его мнѣнію, этотъ журналъ средняго рода. Оградѣлываясь отъ нападеній на форматъ, Тузовъ говоритъ: «не только на листу, но ни на цѣлой дести всего вздора и вракъ Того и Сего не опишешь» (стр. 73).

По своему званію художника, издатель написалъ нѣсколько общихъ мѣстъ о разныхъ искусствахъ: «О живописствѣ, архитектурѣ и музыкѣ» (стр. 77—90). Переводы «Поденьщины» заключаются въ немногомъ: «Искусство украшать лицо» (Овидія), небольшая статья изъ мнѣній графа Оксенштерна: «О смѣхѣ» и двѣ басни.

Прекратить «Поденьщину», по словамъ издателя, заставили его «нѣкоторыя домашнія обстоятельства» и разстройство дѣлъ его на родинѣ. Говоря о своемъ авторствѣ, издатель выражается такъ о издательствѣ: «Я сдѣлалъ себя издателемъ такъ, какъ ставятся попы у раскольниковъ». И дѣйствительно: «Поденьщина» была совершенно случайнымъ явленіемъ и объяснима только по связи съ другими современными журналами.

На первое Апрѣля издатель напечаталъ восточнымъ шрифтомъ четыре небольшія страницы восточныхъ словъ; можетъ быть онъ и былъ знакомъ съ этими языками. Слова эти по выговору и переводу показались ему сходными съ русскими и онъ пускается въ сравненіе, но это сравненіе отзывается дѣтствомъ, напримѣръ *Ходжи* и *ханжа*, *исмь* и *имя*. (Буква с легко могла быть выронена отъ времени, по словамъ издателя.) Нищета происходитъ отъ неимѣнія денегъ, *не счета*, и проч.

IX. Парнасской Щепетильникъ, ежемѣсячное изданіе 1770 года. Спб. 12°. 322 стр. Выходилъ съ Мая небольшими книжками. Каждая стоила 15 копѣекъ. Всѣхъ ихъ вышло 8. Въ каталогѣ Смирдина этотъ журналъ приписанъ Новикову. Но самъ Новиковъ, въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ Писателяхъ» (стр. 243), а за нимъ Митрополитъ Евгеній говорятъ, что журналъ этотъ принадлежитъ Михайлѣ Чулкову, издателю «И то и Сіо». Это мнѣніе подтверждается и самымъ содержаніемъ журнала и близкимъ его отношеніемъ къ поэмѣ Чулкова: «Плачевное паденіе стихотворцевъ», которая составляетъ по видимому основную идею «Щепетильника». Слово *щепетильникъ* въ словарѣ Академіи значитъ — продавецъ мелкихъ товаровъ.

Послѣ 1769 года, столь богатаго сатирическими журналами, когда вдругъ являлось ихъ восемь, мы видимъ рѣшительный застой журнальной литературы. Только и въ послѣдствіи неутомимый Новиковъ продолжаетъ своего «Трутня», но и то не на долго, да Чулковъ издаетъ новый журналъ, въ которомъ мало сатирическаго содержанія. Являлась еще помѣсячно «Пустомеля», но и она кончила свое существованіе до окончанія года. «Трудолюбивый Муравей», журналъ Рубана въ 1771 году, говоритъ въ предисловіи, что «одинъ только Щепетильникъ, начавшись съ Мая совершилъ теченіе свое постоянно до окончанія года, *не выдерживая въ типографіяхъ, по примѣру прочихъ, карантина*, но будучи одержимъ подагрою не много расхаживалъ по свѣту и теперь еще отдыхаетъ на одрѣ книгопродавцевъ. Сею болѣзнію и многіе третьегодичные, недѣльные листы страждутъ, а многіе отъ дол-

говременнаго недуга и бока себѣ до самыхъ реберъ пролежали; нѣкоторые же будучи въ заперти и со всѣмъ исчахли». «Щепетильникъ» дѣйствительно не выдерживаетъ сравненія ни съ однимъ журналомъ 1769 года, по своему направленію. Причины этого отыскать трудно.

Вся сатира этого небольшого журнала направлена противъ стихотворцевъ, которыхъ расплодилось такое множество на Парнасѣ, что Аполлонъ разослалъ ихъ всѣхъ въ разныя стороны, «а оставшееся число на Парнассѣ, сдѣлавъ меня аукціонистомъ, нарекъ щепетильникомъ, говоритъ издатель, а негодныхъ стихотворцевъ наименовавъ парнасскою вѣтошью, приказалъ распродать здѣсь въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ съ молотка, и собранную сумму велено мнѣ употребить на пропитаніе такихъ людей, которые весьма многому учася, ничего не разумѣютъ» (стр. 6). Продажа должна начаться съ Мая 1770 года. Издатель приглашаетъ всѣхъ несмысленныхъ стихотворцевъ въ аукціонную комнату на продажу (стр. 17) и продажа начинается съ стихотворца драматическаго, за которымъ слѣдуетъ лирическій. Но критика Чулкова чрезвычайно обща и не оригинальна. Мѣткаго взгляда онъ не имѣетъ.

Въ самомъ журналѣ есть два свидѣтельства о томъ, что онъ принадлежалъ Чулкову: во первыхъ, какой-то корреспондентъ-сотрудникъ, подписавшійся буквами И. Л., называетъ издателя «Щепетильника» издателемъ «И то и Сіо» (273 стр.), и потомъ онъ же говоритъ объ немъ, какъ объ издателѣ пѣсенъ, а пѣсни издалъ Чулковъ (стр. 279). *Въ изъясненіи*, приложенномъ въ концѣ журнала, издатель говоритъ, что онъ

насилу дотянулъ изданіе до конца года и съ превеликимъ для себя убыткомъ. Видно, что 1770 годъ не походилъ на 1769. Кромѣ упомянутаго корреспондента въ журналѣ еще подписался Рубанъ подъ «Побѣдительною Пѣснію» на побѣды Румянцева 7 и 21 Іюля 1770 года (стр. 186—196) и подъ переводомъ изъ Овидія (стр. 239—244). Какой-то студентъ Иванъ Посниковъ написалъ эпитафію Нарышкину (288 стр.). Неизвѣстный поэтъ почтилъ въ журналѣ надгробною надписью Никиту Исакова, который служилъ въ Сенатѣ и написалъ многотомную русскую исторію, употребивши много лѣтъ на нее. Трудъ этотъ никогда не былъ напечатанъ. Онъ готовился уже печатать его, но вдругъ постигла его смерть въ Москвѣ 26 Генваря 1770 года (стр. 143).

Стремленіе къ народности, которымъ отличался Чулковъ, видно въ томъ, что онъ напечаталъ въ «Щепетильникѣ» нѣсколько народныхъ русскихъ *загадокъ* (стр. 46—48). Практическое направленіе Чулкова, издавшаго поваренную книгу, видно и въ томъ, что здѣсь напечаталъ онъ статью подъ названіемъ: «Экономическія примѣчанія о пользѣ огородныхъ кореньевъ, къ поварнѣ принадлежащихъ» (стр. 215—238).

Лучшими и капитальными статьями журнала могутъ быть названы: 1) Отрывки изъ путешествія Василія Григоровича, тогда еще ненапечатаннаго Рубаномъ: описаніе города Солуня и имена острововъ Архипелага (стр. 119—130); 2) Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи Польскомъ и потомъ опять Россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской исторіи — переводъ съ польскаго (стр. 290—319),

и 3) О изображеніи монеты россійской временъ Царя Ивана Васильевича и другія двѣ мелкія статьи — переводъ съ латинскаго (стр. 319—322).

Кромѣ означенныхъ уже нами переводовъ, въ «Щенетильникѣ» были и другіе и они-то составляли главное содержаніе, наполнявшее книжки журнала. Но всѣ они мелки и ничтожны.

X. Пустомеля, у Сопикова еженедѣльное изданіе на 1770 годъ, Спб. 16° (№ 3606), а по свидѣтельству Рубана въ «Трудолюбивомъ Муравьѣ» — ежемѣсячное, составляетъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость. По слухамъ здѣсь напечатано въ первый разъ извѣстное посланіе Фонъ-Визина: «Къ слугамъ моимъ». Есть извѣстіе, что издателемъ «Пустомели» былъ Аблесимовъ. Журналъ этотъ издавался недолго; вышло три или четыре книжки.

XI Трудолюбивый Муравей, еженедѣльное изданіе 1771 года, съ послѣдней половины. Спб. 8°. Вышло 26 нумеровъ, по 4 коп. за №, каждый въ четыре страницы, всего 204 стр. Журналъ безспорно принадлежалъ Рубану и былъ единственнымъ въ 1771 году.

«Трудолюбивый Муравей» желалъ, по словамъ издателя, «выходомъ своимъ оживотворить и кости усопшихъ своихъ собратій и произвесть вновь съ собою бумажныхъ современниковъ, по примѣру зерна горчичнаго, сторичный плодъ приносящаго, и увеселить публику, въ скукѣ доселѣ безъ еженедѣльныхъ

новостей сидящую, а тѣмъ для себя и читателей доставить сугубое удовольствіе». Издатель обращается къ публикѣ съ слѣдующими стихами:

Для пользы и забавъ Россійскихъ всѣхъ людей,
Трудолюбивый въ свѣтъ выходитъ Муравей.
Вы гласу Муравья читатели внемлите,
По всѣ недѣли брать труды его спѣшите.

И за тѣмъ начинается описаніе свойствъ и склонностей муравьевъ (стр. 3—8). Кто-то въ журналѣ напечаталъ слѣдующій мадригалъ муравью:

Отъ сладка сна влечетъ насъ райскій соловей,
Къ трудамъ примѣръ есть всѣмъ прилежный Муравей
Почтутъ его труды и поздни наши чады
И воздадутъ ему хвалы всѣ Русски грады. (Стр. 89.).

Не смотря на эти похвалы, расточаемыя изданію, «Трудолюбивый Муравей» очень походилъ на прежній журналъ Рубана «И то и сіе.» Въ журналѣ не видно нисколько рисующаго общество направленія и это даже ставится ему въ заслугу какимъ-то сотрудникомъ (стр. 92). Два года измѣнили многое. Читатель ненайдетъ здѣсь уже не только яркихъ и полныхъ картинъ быта, но и ничего особеннаго.

По части русской народности можно указать здѣсь статью «О старинномъ русскомъ платьѣ» (стр. 97—102) и два письма Люборусова (стр. 169—172 и 201—203), гдѣ любопытны замысловатыя словопроизводства. Здѣсь же напечатана извѣстная коротенькая рѣчь Петра В. по принятіи имъ адмиральскаго чина въ 1714 году, гдѣ онъ сравниваетъ обращеніе наукъ съ кровообращеніемъ (стр. 199). Современность, столь

славная нашего отечества, отразилась въ журналѣ въ незавидныхъ стихахъ.

Переводы и здѣсь наполняютъ главнымъ образомъ журналъ. Самымъ большимъ и важнѣйшимъ по содержанію, можетъ назваться переводъ «Похвальнаго слова Петру В», написаннаго Фонтенелемъ (стр. 9—44). Потомъ «Извѣстія польскихъ историковъ о Валахіи и Молдавіи, бывшихъ нѣкогда во владѣніи Польскомъ», съ польскаго (стр. 49—54). Съ греческаго только два небольшіе перевода: Лукіана «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между Александромъ и Діогеномъ»—Рубана (стр. 45—48) и изъ Ѳеофраста: «О притворствѣ.» Кромѣ того есть нѣсколько переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго.

XII. Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе. Спб. 8°. Въ *первомъ* изданіи журналъ дѣлился на двѣ части (по 26 листовъ или нумеровъ въ каждой, выходившихъ по вторникамъ); всего 419 стр. — Въ 1773 году вышло *второе* изданіе, подъ тѣмъ же заглавіемъ. Двѣ части, 8°. Въ 1775 году вышло *третіе* изданіе. Спб. Двѣ части, 12°, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе. Изданіе *третіе*, вновь пересмотренное, исправленное и умноженное.» Разница между нимъ и первыми двумя, совершенно схожими изданіями, заключается въ томъ, что здѣсь издатель придалъ журналу чисто сатирическое значеніе, исключивъ всѣ статьи, которыя болѣе или менѣе касались современности, откинувъ всѣ переводы прозаическіе и стихотворные и наконецъ прибавивъ статьи сатирическаго содержанія

изъ журнала «Трутень» 1769 и 1770 годовъ. Въ 1781 году вышло «изданіе *четвертое* вновь пересмотренное, исправленное и умноженное»; въ немъ не много отличій противъ третьяго. М. Въ Университетской типографіи у Н. Новикова. 2 ч. 12°. Въ 1793 году вышло *пятое* изданіе. Спб. При Императорской Академіи Наукъ. Двѣ части. 12°. Оно есть перепечатка четвертаго; даже и предисловіе, которое приложено къ четвертому, перепечатано здѣсь отъ слова до слова. — Послѣднее изданіе, т. е. *шестое*, вышло въ 1829 году въ Москвѣ, въ вольной типографіи Пономарева, одна книга 8°, стр. 166, но это изданіе и вдвое меньше объемомъ всѣхъ прежнихъ и лишено всего, что было главнымъ и существеннымъ содержаніемъ «Живописца».

Сопиковъ невѣрно указалъ 1770 годъ, какъ годъ изданія «Живописца». Второе изданіе у него также невѣрно показано въ 1772 году. Изданіе 4-е у него названо въ 8°. Изданіе 5-е отнесено къ 1792 году и примѣчаніе о немъ, сдѣланное имъ, неправильно. Ошибки Сопикова повторяли и другіе. (*)

Это количество изданій въ короткое время доказываетъ вполнѣ, что журналъ пришелся по вкусу публики, что читали его жадно. Въ предисловіи къ 4-му изданію, издатель говоритъ, что журналъ разошелся преимущественно между среднимъ классомъ народа. Только тѣ книги, по словамъ его, доживаютъ до третьяго и четвертаго изданій, которыя нравятся это-

(*) Такъ авторъ статьи «О русской журналистикѣ», напечатанной въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 года, ч. 18-я, насчитываетъ до 1773 года пять изданій «Живописца». Стр. 83.

му классу читателей, незнающему иностранныхъ языковъ. Высшій классъ читалъ тогда книги выписныя и мало сочувствовалъ развитію русской литературы. Сатирическіе же журналы преимущественно расходились въ народѣ и были по видимому любимымъ чтеніемъ его въ то время. Этимъ можно объяснить ихъ рѣдкость въ настоящее время и рѣшительное исчезновеніе нѣкоторыхъ, напримѣръ, «Поденьщины», «Пустомели» «Мѣшанины», составляющихъ невиданныя библіографическія рѣдкости: они зачитались.

«Живописецъ» принадлежалъ Новикову, начавшему свое литературное поприще, какъ мы видѣли уже, журналомъ «Трутень». Тоже сатирическое направленіе, отличавшее этотъ журналъ, открывается и здѣсь и выказывается еще въ болѣе широкихъ чертахъ, еще въ болѣе полныхъ формахъ и образахъ. Сатира здѣсь дѣйствуетъ прямѣе и открытѣе, выказывается вполнѣ. Въ самомъ посвященіи журнала «неизвѣстному г. Сочинителю комедіи *о время*, приписаніе» (Императрицѣ Екатеринѣ В.) открывается намъ будущій планъ и характеръ журнала. (Ч. 1, стр. 5—8.) Въ заключеніи посвященія своего, Новиковъ проситъ неизвѣстнаго автора принять участіе въ его изданіи. Отвѣтное письмо его напечатано въ журналѣ (ч. 1, стр. 49 — 51). (*) Оно любопытно. Мы узнаемъ изъ него, что комедія сочинена во время московской чумы. Авторъ оправдывается также въ томъ, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ другой его комедіи: «Имянины Госпожи

(*) Оно не вошло въ полное собраніе сочиненій Императрицы Екатерины — Смирдина. — Страницы нашихъ ссылокъ, безъ указанія при нихъ изданія, принадлежатъ первому изданію «Живописца».

Ворчалкиной», за безстыдное неслержаніе слова наказывается палкою.

Изъ этого посвященія легко уже видѣть сатирическій характеръ журнала. Но рѣзкое сатирическое направленіе должно было навлечь на автора много непріятностей, а потому кажется, что онъ заранѣе угадалъ всѣ нападенія на него съ разныхъ точекъ воззрѣнія: нападенія эти печатаются даже въ журналѣ. Издатель непугается этихъ нападеній и ссылается на безпристрастный судъ общества. Общество же, или та часть его, которая принимала сатиру съ благодарностію и сочувствовала добру, въ какой бы формѣ оно ни являлось, приняло, какъ мы видѣть можемъ изъ пяти изданій, журналъ съ любовію.

Каждый издатель тогдашнихъ журналовъ отличался любовію къ просвѣщенію и особеннымъ, безкорыстнымъ чувствомъ уваженія къ наукѣ. И просвѣщеніе и наука тогда были дѣломъ новымъ, требовавшимъ поощреній, взаимныхъ усилій и стремленій. Правительство, всегда стоящее у насъ въ главѣ развитія, вызывало эти общія усилія и учрежденіями и примѣромъ. Русскій писатель того времени былъ защитникомъ и распространителемъ въ народѣ просвѣщенія. Новиковъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ науки и просвѣщенія, этихъ двухъ нравственныхъ силъ, неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ; его заслуги по книгопечатанію и распространенію книгъ, замѣченныя съ уваженіемъ Карамзинымъ, литературное поприще котораго много одолжено участію Новикова, принадлежатъ исторіи нашего просвѣщенія. Тамъ и въ литературѣ имя его должно занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. «Живописецъ»

является поэтому вполнѣ выразителемъ его свѣтлыхъ идей о наукѣ и защитникомъ противъ враговъ ея. Онъ выставляетъ этихъ враговъ свѣта подъ именами *Паркиса, Худовоспитанника, Кривосуда, Щеголихи, Молокососа и Волокиты* (1, стр. 17—32), разсуждающихъ каждый съ своей исключительной точки зрѣнія. Ихъ слова, иронически выставленныя «Живописцемъ», оставлены безъ отвѣта, какъ нестоющія его. Эта картина напоминаетъ общія черты 1-й сатиры Кантемира: «На хулящихъ ученіе.» Только здѣсь блѣдныя личности сатирика-поэта замѣнились лицами живыми, прямо выхваченными изъ жизни, изъ общества. Они сами говорятъ за себя.

Но Новиковъ былъ не только писателемъ, но издателемъ книгъ, содержателемъ типографіи, книгопродавцемъ. Дѣятельное и просвѣщенное вниманіе обращалъ онъ на эти матеріальныя, необходимыя средства науки; вся жизнь его прошла въ служеніи великому дѣлу. Въ «Живописцѣ» напечатано письмо Любомудрова изъ Ярославля (2, стр. 349—353), въ которомъ упоминается объ *обществѣ, старающемся о напечатаніи книгъ*, недавно учрежденномъ частными людьми. Корреспондентъ хочетъ сообщить статуты этого общества, но не исполняетъ своего обѣщанія, а говоритъ вообще о пользѣ книгопечатанія: «печатаніе книгъ, сближая вѣки и земли, доставляя всѣмъ свѣдѣніе о изобрѣтенномъ и произшедшемъ, есть наивеличайшее изо всѣхъ изобрѣтеній разуму человѣческому подлежащихъ. Что можетъ быть болѣе, коли не печатаніе книгъ, расплодить единую истинну въ забвеніи бы быть безъ онаго опредѣленную, и родить, такъ сказать, столько же прямо мыслящихъ головъ, какъ самъ

изобрѣтатель той истинны, сколько есть читателей? Печатаніе соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истинны, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣденіе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ, всегда вредныхъ; ибо я не того мнѣнія, чтобы оныя нѣкогда полезны быть могли: польза ихъ бываетъ мгновенна, но вредъ отъ оныхъ происходящій, отрыгается, если могу сказать, чрезъ цѣлые вѣка.» Самъ издатель, въ отвѣтъ на это письмо, соглашаясь съ общею пользою книгопечатанія, говоритъ о торговлѣ книгами и вообще о книгопродавческомъ дѣлѣ. Онъ говоритъ о тогдашнемъ состояніи этой торговли, которое было жалко, о трудности добыть въ провинціи книгу, напечатанную въ столицѣ. Онъ хотѣлъ бы поговорить и больше объ этомъ предметѣ, но, вѣроятно думая уже о будущихъ обширныхъ своихъ типографскихъ заведеніяхъ, прибавляетъ: «не у пріиде часъ.» Приводя въ примѣръ учрежденное Екатериною В. *Собраніе, старающееся о переводѣ иностранныхъ книгъ на Россійскій языкъ*, издатель прибавляетъ, что о распространеніи книжной торговли надобно думать уже не правительству, а частнымъ лицамъ. Тою же идеею и тѣмъ же стремленіемъ проникнуто «Письмо въ отвѣтъ къ господину Генералу-Маіору и Кавалеру Евдокиму Алексѣевичу Щербинину, находящемуся со властію Губернатора въ Слободской Губерніи, о заведеніи типографіи гражданской при Харьковскихъ Училищахъ» (2, стр. 365—368). Здѣсь можно уже впередъ видѣть изъ этихъ вопросовъ, занимавшихъ столь сильно Новикова, будущую его дѣятельность.

Состояніе литературы современной занимало много

также издателя. Нападая на вкусъ современной публики, онъ говоритъ, что изъ переводныхъ книгъ гораздо больше раскупаются романы и сказки, нежели книги полезныя. «Нынѣшнему малому панлутчимъ книгамъ росходу, иронически говоритъ онъ, полагаютъ причиною великое наше просвѣщеніе. И подлинно, благодаря Бога, мы нынѣ такъ стали разумны, что не только ни чему уже не хотимъ учиться, но и за стыдъ почитаемъ упражняться въ наукахъ, а еще и паче во словесныхъ. Что жъ касается до подлинныхъ нашихъ книгъ, то оныя никогда не были въ модѣ, и совсемъ не расходятся; да и кому ихъ покупать? Просвѣщеннымъ нашимъ господчикамъ онѣ не нужны, а невѣжамъ и со всѣмъ негодятся . . . . У насъ двѣсти екземпляровъ напечатанной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся?» (1, стр. 43—44.) Участіе къ литературѣ, только еще начинающейся, проглядываетъ на многихъ страницахъ журнала.

Главнымъ содержаніемъ журнала однакожь было сатирическое изображеніе нравовъ общественныхъ. Здѣсь кажется «Живописецъ» развивалъ съ большею энергіею и силою то, что было уже высказано въ «Трутнѣ.» Поэтому сатирическія статьи «Трутня», отличавшіяся рѣзкостію красокъ, вошли въ 3-е, 4-е и 5-е изданія «Живописца».

Языкъ «Живописца» до того обработанъ, до того легокъ и простъ, что кажется удивительнымъ для того времени. Иныя статьи, написанныя чисто-народнымъ языкомъ, точно принадлежатъ нашему времени.

«Живописецъ» за десять лѣтъ до появленія Недоросля нарисовалъ великолѣпныя картины домашняго быта деревенскихъ дворянъ нашихъ того времени. Эти кар-

тины поразительны. Краски ихъ набросаны съ такою художественностію и умѣньемъ, что произведеніе Фонъ-Визина блѣднѣетъ нѣсколько передъ ними. Языкъ ихъ совершенно напоминаетъ языкъ его комедій и безъ всякаго сомнѣнія эти статьи, если онѣ не писаны перомъ Фонъ-Визина, то имѣли по крайней мѣрѣ рѣшительное вліяніе на развитіе его таланта. Выписывать изъ нихъ что либо значитъ лишать ихъ оригинальной цѣлости. Онѣ имѣютъ значеніе только въ полномъ своемъ видѣ. Сюда принадлежатъ: 1) «Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну» (1, стр. 113—120), все проникнутое самою слѣпою привязанностію къ темнымъ сторонамъ стариннаго быта, самымъ грубымъ охужденіемъ всего новаго. 2) Другое письмо отца къ сыну — «Сыну моему Ѳалалею» (1, стр. 179—184), написанное по тому поводу, что сынъ, Ѳалалей Трифонычъ, напечаталъ первое письмо въ «Живописцѣ.» Письмо это отличается тѣмъ же характеромъ. Далѣе слѣдуетъ: 3) Письмо самой матери Ѳалалея (1, стр. 186—188), наполненное упреками и увѣщаніями по причинѣ напечатанія отцовскихъ писемъ, и 4) письмо дяди Ермолая Терентьича къ нему же о смерти матери (1, стр. 189—192). Это цѣлая семейная драма въ письмахъ, написанная превосходнымъ, по тому времени, языкомъ, имѣющая полноту и окончепность.

Издатель особенно смѣется надъ модными свѣтомъ, надъ его обычаями тогдашняго времени, заимствованными изъ Франціи, надъ вычурнымъ языкомъ его. Эта насмѣшка разсыпана по всѣмъ страницамъ журнала но болѣе оконченною является въ письмѣ современной щеголихи къ журналисту, наполненномъ модными вы-

раженіями (1, стр. 65—69), и въ «опытѣ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія», составленномъ по ея просьбѣ (1, стр. 73—81). Здѣсь показаны примѣры, какъ модный языкъ вмѣстѣ съ словами извращаетъ и самыя понятія.

Ожесточенно преслѣдуетъ «Живописецъ» привязанность къ иностранному, слѣпое подражаніе иностранцамъ. Онъ называетъ это пристрастіе къ иностранцамъ болѣзнію (1, стр. 44). Съ иронією разсказываетъ издатель, что явился какой-то изобрѣтатель, выдумавшій особенно оригинальный способъ пріучать щеголей и щеголихъ къ русскимъ книгамъ: именно печатать ихъ французскими буквами (1, стр. 46). Слѣпою любовію ко всему французскому отзываются письма какого-то господина къ издателю (1, стр. 166—168) и щеголихи къ нему же (2, стр. 281), напечатанныя, какъ видно, съ цѣлію возбудить презрѣніе къ слѣпому обезьянству.

Журналъ откликался также на современность и упоминалъ о замѣчательныхъ явленіяхъ ея. Здѣсь напечатанъ переводъ «письма Короля Прусскаго къ Императрицѣ Екатеринѣ о Наказѣ ея» (1, стр. 169—174), съ приложеніемъ «перевода съ письма Графа Сольмса къ Графу Панину». Здѣсь есть «надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у Турокъ на Архипелагѣ» (1, стр. 177). Здѣсь напечатаны: «стихи Государынѣ на пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи» (1, стр. 201—207), «рѣчь Государынѣ Епископа Анатолія, возвратившагося изъ Архипелага» (2, стр. 211—213), «слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества Государя, Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича» въ 1771 году (2, стр. 226—239), говоренное Фонъ-Визинымъ и

находящееся въ собраніи его сочиненій, «рѣчь Императрицѣ — Георгія, Епископа Могилевскаго» (2, стр. 357—362). Сподвижники Екатерины находили также мѣста въ «Живописцѣ,» доказывавшія, что издатель умѣлъ собрать все, что касалось славы отечества. Въ журналѣ есть «письмо какого-то духовнаго отца къ Графу Г. Г. Орлову изъ Москвы благодарительное за дѣйствія его во время чумы» (1, стр. 127); переводъ «письма Короля Прусскаго къ Бибикову», изъ котораго видно, какъ Фридрихъ высоко цѣнилъ этого генерала Екатерининскаго времени, такъ рано похищеннаго смертію (2, стр. 371), и «стихи Румянцеву на обелискъ,» въ честь побѣдъ его воздвигнутый въ Царскомъ Селѣ (2, стр. 363).

Въ «Живописцѣ» 1-го и 2-го изданія напечатано «письмо въ стихахъ о пользѣ наукъ, и о воспитаніи во оныхъ юношества» къ Графу И. И. Шувалову при заведеніи Московскаго Университета 1756 года, сочиненное профессоромъ Поповскимъ, переводчикомъ Горація, Попе и Локка, умершимъ въ 1760 году, на 30 году жизни. Это письмо (1, стр. 57—64), замѣчательное особенною легкостію стиха и благороднымъ чувствомъ любви къ наукѣ, принадлежитъ къ оригинальнымъ произведеніямъ Поповскаго и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не напечатано.

Изъ замѣчательныхъ переводовъ можно указать на письмо, *скрыпленное любопытнымъ зрителемъ* (2, стр. 217—224). Это впрочемъ болѣе передѣлка на русской ладъ пьесы подъ названіемъ «Торгъ семи музъ», переведенной еще прежде Денисомъ Фонъ-Визинымъ изъ Кригеровыхъ сновъ и напечатанной въ

журналѣ Рейхеля. Кромѣ того, въ «Живописцѣ» напечатанъ переводъ стихами двухъ «сатиръ» Боало: 8-й — на человѣка, и 10-й — на женщинъ.

XIII. Вечера, ежепедѣльное изданіе на 1772 годъ. 2 части, Спб. 8°. Съ изображеніемъ сатира на заглавномъ листѣ. Второе изданіе. 2 ч. 8°. Москва 1788 года, въ типографіи компаніи типографической. — Составитель Смирдинскаго каталога и Гречь приписываютъ этотъ журналъ Новикову. Доказательствомъ этого можетъ служить и то, что онъ перепечатанъ былъ въ его типографіи. Но въ предисловіи къ изданію мы находимъ слѣдующія слова: «мы благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ и пишемъ для того, что намъ писать очень захотѣлось.... *Мы всѣ составляемъ небольшое общество*».

Въ журналѣ мало сатиры и вообще онъ не похожъ на Новиковскіе журналы перваго времени его литературной дѣятельности. Если и попадаются въ «Вечерахъ» сатирическія выходки, то онѣ скорѣе похожи на насмѣшку и направленіе ихъ — часто общее. Содержаніе журнала не представляетъ поэтому ничего особеннаго, достойнаго изученія, ничего такого, что бы рѣзко характеризовало эпоху и служило бы къ ея объясненію. Въ журналѣ очень много переводовъ, большею частію съ французскаго, и стихотворныхъ и прозаическихъ, но переводныя статьи не замѣчательны по содержанію. Въ журналѣ много стиховъ оригинальныхъ неизвѣстныхъ поэтовъ, скрывшихъ свое имя; эти стихи или такъ называемыя *анакріонтическія оды*, или идилліи и эклоги, или пѣсни, стансы, эпиграммы и другія формы поэзіи, тогда употреблявшіяся, не вы-

ходятъ изъ посредственности. Издатели часто писали стихи просто на заказъ, на заданный вопросъ, на который необходимо нужно было отвѣчать стихами. Они не вдавались ни въ критику, боясь поссориться съ сочинителями, ни въ сатиру, боясь навлечь на себя неудовольствія, и потому не печатали статей, которыя сколько нибудь выходили изъ мирнаго тона (I, стр. 200). Съ современнымъ журналомъ Новикова, «Живописцемъ», они хотятъ жить въ ладу и не нарушать союза (II, стр 182). Вообще журналъ этотъ блѣденъ.

Говоря о литературѣ, издатели журнала нападаютъ на критику. Они говорятъ, что «вмѣстѣ съ словесными науками у насъ родились зависть и клеветы, что онѣ заражаютъ ядомъ цвѣты нашего Парнаса», и вмѣстѣ съ тѣмъ въ журналѣ въ стихотвореніи: «Мысли» (II, стр. 30), встрѣчается слѣдующее неутѣшительное изображеніе тогдашней литературы:

Здѣсь школьники уже цитаются Гомеры;
Кто нѣсколько стиховъ негодныхъ издалъ въ свѣтъ,
Уже межъ многими Виргиліемъ слыветъ;
Кто портитъ только слогъ пѣвцевъ преславныхъ Россовъ,
Уже считается вторый здѣсь Ломоносовъ.
. . . . . .
Здѣсь всякій пентиметръ тебѣ наплюетъ въ усъ,
За тѣмъ, что ты, мой другъ Русакъ, а не Французъ.
А естьли хочешь ты плѣнить умы людскіе,
Старайся только въ стихъ забирать слова такія,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ:
Чтобъ стихъ твои у тебя безъ разума гремѣлъ....

Въ журналѣ находится любопытная *эклога* (I, стр. 151), гдѣ въ насмѣшку надъ многочисленными слагателями эклогъ того времени выведены русскіе пастухъ

и пастушка, въ бѣдной деревушкѣ, подъ сѣвернымъ небомъ, со всею непоэтическою обстановкою. Эта эклога есть уже шагъ къ сознанію вялости устарѣлой поэтической формы.

Въ «письмѣ изъ Сатурна» (I, стр. 41—47) авторъ пускается въ политику и разсматриваетъ, хотя и аллегорически, современныя отношенія Россіи, Турціи и Франціи. Это единственная попытка въ этомъ родѣ старыхъ журналовъ нашихъ. Въ статьѣ: «О Россійскихъ предкахъ» (I, стр. 97—104), говорится о первобытныхъ народахъ, заселявшихъ Россію.

XIV. Мѣшанина на 1773 годъ. Спб. 12°. Сопиковъ, единственный указатель этого журнала, отнесъ его къ еженедѣльнымъ. Основываясь на опечаткѣ Сопикова, замѣченной въ листѣ опечатокъ (напечатано *Мьщанина* вм. *Мьшанина*), авторъ статьи въ «Телеграфѣ» 1827 года называетъ этотъ журналъ *Мьщаниномъ*. Кромѣ указанія Сопикова о «Мѣшанинѣ», мы ничего не знаемъ.

XV. Кошелекъ, еженедѣльное сочиненіе 1774 года. Спб. 12°. Стр. 164. У Сопикова и его списателя, въ «Телеграфѣ», годъ изданія названъ 1771. По Смирдину журналъ принадлежалъ Новикову. Что журналъ этотъ дѣйствительно Новиковскій, подтверждается еще и тѣмъ, что защитникъ Французовъ, въ письмѣ своемъ къ журналисту, называетъ его *издателемъ Вивліоѳики* (стр. 62).

Новиковъ свой небольшой журналъ, котораго всего вышло девять листовъ или нумеровъ, посвящаетъ оте-

честву. Уже въ самомъ предисловіи открывается цѣль изданія.

Цѣль эта была желаніе бороться съ иностраннымъ вліяніемъ, столь сильно распространившимся тогда на нашу общественную и домашнюю жизнь. Самое названіе журнала — *Кошелекъ*, заимствовано отъ того кошелька, который, какъ украшеніе волосъ, вышелъ изъ Франціи. Подъ кошелькомъ разумѣется все заимствованное (стр 57—58). Новиковъ въ предисловіи обѣщаетъ объяснить это названіе журнала изъ сочиненія: «Превращеніе Русскаго кошелька во Французской», которое хотѣлъ онъ помѣстить въ журналѣ, но не помѣстилъ.

Борьба съ иностраннымъ вліяніемъ и преимущественно французскимъ была задушевною, горячо преслѣдуемою мыслію журналиста, а потому все въ «Кошелькѣ» вытекаетъ изъ нея. Надобно сознаться, что сатира Новикова является здѣсь въ самомъ блестящемъ видѣ и прекраснымъ выражается языкомъ.

Журналистъ начинаетъ съ языка, какъ существеннаго выразителя народности. Онъ хочетъ чистоты его и говоритъ, что русскій языкъ «никогда не дойдетъ до совершенства своего, если въ письменахъ не прекратится употребленіе иностранныхъ словъ» (стр. 11). По его справедливому мнѣнію, русскій языкъ никогда не достигнетъ развитія въ литературѣ, пока будутъ презирать его въ обыкновенномъ разговорѣ (стр. 13).

Въ «Кошелькѣ» есть комедія въ одномъ дѣйствіи: «Народное игрище» (стр. 83—136). Авторъ хотѣлъ въ ней представить образецъ комедіи, взятой прямо изъ русскихъ нравовъ. Въ предисловіи онъ говоритъ,

что видѣлъ въ театрѣ комедіи Де-Туша и другія переведенныя, но что для народа онѣ мало полезны. Онъ желаетъ театра народнаго, чтобъ забава эта была понятна народу и обращалась въ его пользу. Авторъ ея обѣщается сочинить нѣсколько подобныхъ и издатель «Кошелька» прибавляетъ отъ себя: «Нѣтъ нужды въ томъ, что въ нихъ не будутъ сохранены театральныя правила, лишъ бы замыкалось въ оныхъ нравоученіе, и почаще представлялись бы примѣры, къ подражанію народному годные: то есть добрый слуга, честный купецъ, трудолюбивый хлѣбопашецъ, и симъ подобные. Сіе было бы весьма не худо.»

Но въ самой комедіи нѣтъ ничего особеннаго. Содержаніе ея довольно натянуто и положеніе лицъ неестественно.

Кошелекъ, послѣ «письма Француза къ сыну изъ Марсели» (стр. 138—144), заключается торжественною одою, сочиненною А. Б. на побѣды Русскихъ надъ Турками въ 1770 году.

Кошелекъ былъ послѣднимъ сатирическимъ журналомъ при жизни Сумарокова, а потому имъ мы оканчиваемъ наше обозрѣніе сатирическихъ журналовъ. Исторія нашей журналистики еще не начиналась, а она очень важна въ исторіи русской литературы, ибо много самыхъ живыхъ сторонъ послѣдней скрыто въ журналахъ. Они ждутъ изслѣдователя, который, при настоящемъ развитіи занятій русской литературою, вѣроятно не замедлитъ явиться.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1) Русская литература въ XVIII вѣкѣ, рядомъ съ лирическимъ направленіемъ, имѣетъ и сатирическое, относящееся прямо къ нравамъ современнаго общества.

2) Сумароковъ является представителемъ легкой сатиры нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вводителемъ у насъ журнальныхъ явленій съ сатирическимъ тономъ, которыя получили такое большое развитіе въ третьей четверти прошлаго вѣка.

3) Дѣятельность Сумарокова въ литературѣ, кромѣ сатиры, преимущественно была направлена на созданіе у насъ литературныхъ формъ и заимствованіе ихъ особенно изъ французской литературы.

4) Произведенія Сумарокова были понятны и доступны современникамъ и вполнѣ удовлетворяли духовнымъ потребностямъ общества и времени.

5) Мѣрка эстетической критики не примѣнима къ произведеніямъ такихъ писателей, какъ Сумароковъ.

6) Сумароковъ представлялъ самое живое литературное лицо эпохи, былъ первымъ нашимъ критикомъ и долженъ стоять на первомъ планѣ въ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія.

7) Журналы съ сатирическимъ содержаніемъ въ третьей четверти прошлаго вѣка были продолжателями дѣла Сумарокова и должны быть внесены въ исторію русской литературы.

8) Исторія литературы не должна пренебрегать тѣми явленіями литературными, которыя не имѣютъ отношенія къ эстетическимъ формамъ времени. Ея задача — принимать въ себя все то, въ чемъ отразились общество и вѣкъ.

9) Исторія литературы даннаго времени есть статистика духовнаго содержанія и нравственныхъ интересовъ эпохи.

PG
3318
Z8B8

Bulich, Nikolaĭ Nikitich
Sumarokov i sovremennaiâ
emu kritika

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY